

THE SWORD, THAT FELL INTO THE DEPTHS OF DESPAIR

from the series "At the end of the road,
where the firmament of dawn"

those, who are punished by heaven

SHIROI SI

Над когда-то цветущим ярким островом Фумецу повисла мрачная атмосфера людского негодования. Наполненные улыбок и рассказов улицы превратились в изувеченные районы, где доживали свои дни в печали отчаянные пьянчуги и невольные жители. На одной из таких улочек располагался "Тацуми бар", который однажды посетила загадочная мечница с утерянными воспоминаниями, за целями и стремлениями которой мы будем наблюдать на протяжении всего рассказа.

Меч, павший в глубины отчаяния

7 февраля х827 года стало знаменательным днем для всех жителей островного государства Фумецу, ведь именно тогда оно потеряла себя как империю и право на жизнь.

Правитель соседнего государства Цанахина, Александр Цымыш, несколькими годами ранее подослал разведчиков напрямик к действующему на тот момент сёгунату Хомма, что долгое время держался на плаву во власти страны. Некая группировка находилась подле императора, таким образом отслеживая каждое его действие и замысел, опосля чего передавали сведения собственному нанимателю и, в совокупности, покровителю.

По началу, план казался излишне прост и вряд ли заслуживал бы на успех, учитывая тот факт, что решение подослать «своих людей» напрямик во главенствующий род было импульсивным, а тем паче, его принял только вступивший на престол двадцатипятилетний Александр, которому подставная смерть предыдущего правителя сыграла на руку.

К несчастью, первым государством, что попало ему под руку, стало Фумецу. Однако, не смотря на несерьезный подход императора, наемная группа отдавалась приказу во всю, свершая каждое поручение, вплоть до заданий, кои чаще всего выполняли придворные слуги.

В то время, как империя готовилась ступить в «новое сегодня», будучи в самом расцвете сил, неожиданно лишилась своего правителя. Вынашивая в голове затею избавиться от сёгуната, наконец-то приблизилась знаменующая да предрешенная судьбой дата — 6 февраля х827 года. В ночь с шестого на седьмое, группа головорезов пролили кровь императора и его суженой, Хомма Акико. Что до наследного принца, то они приняли решение оставить того полыхать вместе с резиденцией. Однако, к несчастью наемников, молодой человек имел весьма острое чутье и быстро распознал неладное. Осознавая, что помочь он уже никому не сможет, парень захватил с собой катану, без которой не мог бы представить и жизни, опосля чего выпрыгнул с третьего яруса полыхающего дворца. Едкий запах дыма окутал все улочки столицы, что послужило паникой среди жителей. Всю ночь они пытались потушить расщепленное пламя.

На следующий день, 7 февраля, граждане узнали правду о произошедшем по обугленным головам правителей, что поблескивали на вмонтированных в землю нагинатах в самом центре города, а также по причалившему к морскому порту флоту Цанахина. Как оказалось, Александр Цымыш прибыл лично "почтить обитателей невольного государства" и уведомить о его захвате вместе со своей младшей сестрой, Барон Кинаной.

Однако тему касаясь сбежавшего наследного принца не смели затрагивать даже верные подчиненные императора. Да и сам за собой вести тот не оставлял, и в свет выходил совсем давно, потому опознать его весьма затруднительная задача для фумчан. По этой же причине, за сие дело взялась группировка, что находилась подле императорской семьи долгие года.

Подобное происшествие развязало руки повстанцам, что всё ждали возможности отстоять права собственного государства; и одними из таких людей стала небольшая семья, состоящая лишь из двух сестер. Их жилище была весьма скромным, подобно крестьянам, что не имели и гроша за душой. Вот только по виду сих барышень никто бы не посмел сказать-что об их невысоком положении в обществе.

— Для нашего народа грядут тяжелые времена, сестра, — молвила девушка, облаченная в красные одежды, на голове коей расположился хильфон, что скрывал волосы молодницы. Её лик был запрятан под маской с надломанным краем, но даже так выглядел весьма

внушающим. — Ты уж прости, что попросила тебя вернуться в столицу.

Перед ней, стоя почти у самого порога, была светловласая девица. Нежный добрый взгляд особенно выделялся среди пугающего и властного одеяния куноити, эдаких женщин-ниндзя. Молодица приблизилась к своей сестрице и, преклонив колено, встревоженно огласила:

— Как смею отказать тебе, Ландарин? К тому же, мы с Катакуити единогласно решили посетить родное мне место, не взирая на все возложенные планы. Как никак, защищать родину — мой долг как "Белокрылой нимфы".

— Так этот муж прибыл с тобой? Досадно, — без толики эмоций продолжала та, — примет ли он участие в войне?

На некое мгновение куноити замолчала. Эта неясная тишина глаголила лишь одно — полное отрицание.

— ... Прости, сестра.

Под личиной маски, девушка, казалось, выражала полное недовольство не столь от отказа, как от прибытия сего мужчины в Сихон.

— Вставай, Куро, — вымолвила та, протягивая свою руку. — Приведи мне "Дракона белого сердца" и "Стратега нации".

— Но, сестра... наследный принц потерял всю семью, не слишком ли жестокой будет просьба о таких вещах? Да и к тому же, хоть Сюсю прекрасный стратег, но также она принцесса Дунфана, как смею я, простой житель, просить её помощи от лица всей империи?

— Я не прошу их сражаться лично, а лишь запрашиваю руку помощи как старый друг. Мы вчетвером хорошо ладили ранее, так с чего тебе стесняться сего? К тому же они всегда могут отказаться.

Девушка понимала всей тяжести происшествия, но одной ей было неясно:

— Верно, они наши друзья, но почему так важно вовлекать их в свое восстание?

— Без этого никак, — твердо продолжала девушка в маске. — Коллективный разум и единство — шаг к успеху. Помимо сего, как бы сильны мы с тобой не были, против армии умелых бойцов выстоять будет нелегко, если только не намереваться сбежать. Нам нужны силы, благодаря коим и сможем свершить задуманное.

— Это имеет смысл быть, однако, сколько у нас есть времени в запасе? — отрешенно вопрошала девушка.

— Подготовка должна миновать в кратчайшие сроки. Месяц на сбор и на полноценную подготовку. Мало, но, если мы не поторопимся, армия цанахинцев уничтожит нас в мгновение ока.

От собственных мыслей, куноити передернуло. Она впервые сталкивается с подобной ситуацией, потому такая реакция никому не казалась удивительной.

— Ландарин, есть ли у тебя хотя бы корочка такого плана?

Девушка, едва заметно, кивнула.

— Перво-наперво мы должны подчинить себе императорские войска и вовлечь небезразличных в эту битву. Пускай даже те, кто лишь раз держал оружие в руках, вступают в бой вопреки всему и отдадут жизнь за родину, — грозно продолжала та. — Но прежде всего мы должны сформировать основную группу, что будет вести за собой самураев, опосля чего заключить альянс с наемными убийцами из дома «Хэ», кои в своем составе имеют не менее сотни опытных головорезов. Также необходимо заручиться поддержкой подпольных организаций и прочих революционеров, и лишь напоследок школой воинских искусств.

От услышанного девушка не на шутку испугалась и моментально преклонила колени, опосля чего вымолвила дрожащим голосом:

— Ландарин, при доработке твой план может стать весьма успешным и подарить Фумецу новую жизнь, однако приглашать детей на войну в качестве наживки слишком жестоко... Прощу, сестра, одумайся! Эта затея не только глупа, но и безмерно страшна! В школах обучаются младые юноши, что мира толком не повидали, и вот так лишать их будущего не даст мне спокойно засыпать по ночам...

— Тогда как же поступить? У меня нет власти, чтобы воодушевить жителей ринуться в бой, но у кого она есть? — замысловато молвила та. — Как никак она есть у наследного принца, что даже из тени одним лишь своим словом способен привлечь внимание жителей, а принцесса соседнего государства — гость непростой. Её появление на пьедестале может подарить им надежду и придать сил. Используя мою задумку в совокупности со стратегией У Сюин, доблестным умом Дракона и твоими тренировками — эта деталь плана может быть отменена, ведь войны уже будут подле нас. Мечники, стрельцы, крестьяне, аристократы, синоби, ремесленники — они все нам нужны.

Девушка поникло посмотрела в пол, раскаянно обращаясь к мечнице в маске:

— Так вот почему тебе необходима поддержка именно этих людей... Прости, сестрица, что поставила под сомнения твои идеи.

— Я знаю, о чем говорю, Куро, поэтому перестань извиняться и вставай. Ныне, я — никто, чтобы ты преклоняла голову предо мной.

Приподнявшись, девушка резво выдала:

— Я незамедлительно отправлюсь на поиски Дракона белого сердца, а письмо отправлю на имя одного из слуг У Сюин.

— Возлагаю на тебя все надежды, сестра, — вымолвила та, касаясь лица Белокрылой нимфы нежным и теплым жестом.

Девушка благодарно прикрыла очи, после чего, поклонившись друг другу, взяла из рук сестры подготовленное послание и удалилась из дома. Как и было сказано раньше — ситуация требует незамедлительных действий, потому первым делом она направилась к одному известному посыльному, что хоть и недолюбливал сестер, а всегда помогал им, чем мог. Причиной, по которой Куро выбрала этого человека таилась вовсе не в давних связях, и уж тем более не из-за популярности того. В самом деле, сей посыльный доставлял письма в считанные дни, а для важных клиентов всегда был свободен.

Плата, соответственно, была высока. Одно письмо из столицы в приграничные города обойдется заказчикам в сотню нан, а в империю Дунфан и вовсе приумножалась впятеро. Это было связано с периодом самоизоляции, и хоть судна Фумецу имели право входить в порт Дунфана и Сынгыля, также, как и наоборот, чаще всего эмигрантов и простых странников переправляли на контрабандистских судах. Так называемые законы Сакоку продолжали действовать даже после подчинения империи с некими правками, в которых цанахинцы имели право на свободное посещение границ Фумецу.

Белокрылая нимфа передала мужчине послание, после чего насыпала горстку пятисот нан и дополнительные 50 от Ландарин, что обосновывалось тяжелым для каждого жителя временем. Посыльный пообещал, что постарается доставить его сроком в неделю, а если повезет, то и раньше. За это девушка поблагодарила мужчину и подалась искать наследного принца, без которого план, в случае отказа У Сюин, терял значительные коэффициенты успешности.

Блуждая по улочкам столицы, Куро отыскала место, в котором очутился наследный принц. Из всех вариантов, он выбрал самое простое местоположение — сожжённый императорский дворец. Девушка подошла к стоящему напротив молодому человеку и, перекинувшись парой словечек, объяснила всю ситуацию и план Ландарин. На удивление, Дракон белого сердца был излишне спокоен, словно дожидался подобных действий около дворца долгое время, потому, без сомнений, согласился принять участие в восстании.

По возвращению в родное жилище, молодича оповестила сестрицу об успешно выполненных поручениях. Кроме сего, она передала весть о том, что по прибытию Стратега нации, Дракон белого сердца будет ждать их втроем через неделю-две в замке Одавара в полночь. Ландарин кивнула, соглашаясь с подобным решением, опосля чего принялись ожидать какой-либо вести со стороны Дунфана.

Миновало восемь дней с того момента, как посыльный, чье имя Дайки, принялся за поручение сестер неясного сословия, но так и не вернулся. Однако, как прояснилось вскоре, он встречался со слугой барышни Сюин, в связи с чем принял решение подождать принцессу и сопроводить туя в длинном пути.

Первым делом они направились в Сынгыль, дабы запросить разрешение выехать из него напрямик в Фумецу. Поначалу идея переправить принцессу соседнего государства казалась весьма опасной и могла бы привести к международному скандалу, но через длительный промежуток времени сие решение было согласовано с контрабандистами за высокую оплату, обоснованную риском.

Оставшийся восьмой и две трети девятого дня они пробыли на плаву, опосля чего, прибыв в ночи, незамедлительно подались в Одавара, где их уже дожидались трое мечников. Хотя товарищи радовались встречи друг с другом опосля длительного расставания, в такой час выразить радость было весьма затруднительно, потому, вновь-таки поблагодарив посыльного за привезенную принцессу да сопроводив того, они принялись детализировать план, кой Ландарин сообщила в общих чертах.

— Прежде всего, Ландарин, — обращалась У Сюин, — тебе придется выступить с весьма убедительной речью, не забыв упомянуть о призыве наследного принца сохранять спокойствие и наращивать боевой настрой. Чтобы обезопасить Дракона белого сердца от нападков, я предлагаю оставить его действовать из тени, ведь риск преследования излишне высок, а потеря ещё одного наследника может и вовсе подорвать дух граждан. Ясное дело, убедить их будет задачей непростой, потому мы покажем письмо с печатью сёгуната Хомма. Если они усомнятся в его подлинности — гравировку на катане, которую ни с чем не спутаешь, и уж точно никак поделаешь. Ты можешь принимать дополнительные действия, но ни в коем случае не выказывать местоположения Его Высочества, а также характерных черт, что, впрочем, ты и сама понимаешь. Убедительная речь — в твоих руках. Твой четкий говор и аккуратное, но в тоже время действенное психологическое влияние должно склонить их на нашу сторону. Если все пройдет успешно, как минимум одна третья небезразличных уже будет на нашей стороне. Императорские войска будут сомневаться, но услышав новость о том, что принц жив, сможет придать им сил, а показанные атрибуты обретут смысл. Отдельные группировки повстанцев сами примут решение бросить вызов царю, но в осознании того, что не справятся в одиночку, будут вынуждены примкнуть к нам, поэтому твои слова должны вовлечь даже их в наши круги. С домом «Хэ» мы лично с тобой отправимся на переговоры, поскольку убить меня они не посмеют, а выслушать просто

обяжутся. Опять-таки, если мы сможем заключить с ними альянс, это облегчит задачу, ведь в наших рядах будут обученные люди. С прочими подпольными организациями нам придется разбираться на ходу, ведь их слишком много и все они преследуют свои цели. Каждому подполью необходимы индивидуальные и, главное, выгодные условия соглашения на подобную затею. Главы школ будут также приглашены на войну в качестве поддержки. Если каждый из этих организаций согласится вступить в ряды повстанцев, минимум, варьирующийся от тысячи до двух, не учитывая тридцатетысячную армию, будут у нас в руках. Но опять-таки, учитывая все риски, даже воины могут дать заднюю без сёгуна, потому общее количество подготовленных воинов не будет превышать двадцати пяти тысяч. Остальное количество зависит от вашего с Белокрылой нимфой, и нашего с Драконом белого сердца влияния.

Товарищи выслушали детализированную стратегию принцессы, после чего стали взвешивать все «за» и «против». Как оказалось, многим этот план приходился по душе, однако о некоторых деталях Стратег нации умолчал, потому мечники принялись расспрашивать его подробнее.

— А-Сю, — обращался наследный принц, — твой план рассчитан на то, что Ландарин склонит на нашу сторону большую часть жителей, а также императорские войска, но все они могут просто отказаться от этой затеи и жить под покровительством царя в длительной ассимиляции. Даже если я лично выйду в свет, рискуя жизнью да подогревая интерес противника, люди могут не принять меня, ведь я — чужой им человек, кой лишь носит возвышенный титул. Как предложишь поступить нам тогда?

— Уверю тебя, как бы народ не был загнан в угол, он желает свободы. Цымыш ни за что не позволит стране расцветать как нации, а граждане будут страдать от нехватки ресурсов для полноценного существования. К тому же, многие фумчане поистине любят свою родину и готов отдать за неё жизнь. Это уже свидетельствует о том, что мы будем не одни. Проблема кроется в количестве, ведь Цанахин — коварная страна с обученными войсками да славящаяся своими ожесточенными тренировками, потому, если брать во внимание их двадцатитысячную армию, наша должна быть впятеро больше, что усложняет задачу. Если мы не соберем и такого количества, остается только ждать этот месяц, чтобы фумчане собственными глазами увидели смерть, и уже тогда переосмыслили свое решение. Задача Ландарин — разжечь огонь ненависти и поднять боевой дух, и, если придется, любыми способами повлиять на их разум.

— Этот план хорош собой, но также нам необходимо разослать вести о гражданской войне в близлежащие государства, чтобы их воины, при своем желании, могли присоединиться в качестве поддержки, — молвила девушка в маске.

Стратег нации немного колебалась с ответом, но вскоре вымолвила:

— Есть риски сокрушительного поражения даже при поддержке со стороны гражданских и заграничных, и если вся армия будет перебита, то отношения между Фумецу и близлежащими государствами могут ухудшиться. Но в нашей ситуации — это обязательная мера, да и как мне известно, Александр нравится далеко не каждым правителям империй, потому убить его в Фумецу — весьма недурно.

После длительного рассуждения касаясь этой темы, мечники учли все нюансы стратегии и, в связи с этим, усовершенствовали каждую деталь за одну ночь, постепенно внося правки и лица, что обязательно должны поучаствовать в сим замысле.

— Раз наш план готов, я предлагаю начать его реализацию уже с завтрашнего дня, а

сегодня заняться рассылкой и написанием посланий, — выказала Куро. — Учитывая тот факт, что император Дунфана узнал об отплытии принцессы, то наверняка пришел в ярость, но возможно, если Сюин отправит ему письмо лично...то все обойдется.

— Не волнуйтесь, рисками Дунфана я займусь сама. Вам не сулит опасности со стороны моей родины.

После этой длительной разработки, наследники престолов начали создавать письма гражданам, с просьбой «явиться в столицу ради важного объявления», и правителям. Сестры же раздумывали о своих действиях в этом восстании. Ландарин готовила речь, а Куро раздумывала об подготовке воинов к сражению. В скором времени письма были написаны и переданы для отправки доверенным лицам. Осталось лишь ждать реакции и готовиться к завтрашнему толчку к гражданской войне.

Насупил тот самый день, кой в истории Фумецу именовался как День восстания Рю, что последовало началом для Войны Иносиси. В центре Сихона стояли тысячи, а то и десятки тысяч фумчан, что устремили свой взор на небольшую сцену, на которой, как задумывалось, будут выступать Ландарин, Куро и Её Высочество У Сюин. Многие пришли раньше указанного времени, в связи с чем были вынуждены толпиться с получас, но также благодаря сему смогли быть в первых рядах. Самых неудачливых поджидали задние ряды, с которых едва-что будет слышно, однако это не помешает им посмотреть на зачинщиков сей акции протеста.

Ровно в назначенное время, девушки прибыли на сцену, что послужило переполохом среди гражданских.

— Принцесса Дунфана? Что это значит? — отрешенно перешептывались люди.

— А кто эта девушка в маске? Выглядит подозрительно...

— Империя решила добить нас и захватить здешнюю власть?!И кто эти двое, посланники из Дунфана или подчиненные царя Цанахина?

— Друзья, — кричал кто-то из толпы, — давайте послушаем, что эти люди хотят нам сказать!

Удивительно, но глас одного небезразличного заставил граждан немного утихомириться и позволить мятежникам поделиться собственной мыслью.

— Дорогие жители Фумецу, — гласила девушка в маске, — я признательна каждому из вас за серьезный подход к нашему запросу. Прежде чем перейти к важной части нашего собрания, я бы хотела представить вам каждого из нас. Меня зовут Ландарин, светловолосая девушка — моя сестра, "Белокрылая нимфа" Куро. Мы — повстанцы, кои желают защитить интересы гражданских и предотвратить падение нации, а также остановить нарастающую ассимиляцию.

— Одного желания мало! — возмущенно выкрикнул один мужчина, которого поддержала половина собравшихся людей. — Нам нужны реальные действия!

— Вы правы, молодой человек. Именно с этой целью, я собрала всех вас, а также пригласила особь, что более чем известна каждому. Это принцесса Дунфана, У Сюин. Как вам известно, двумя неделями ранее, 6 февраля, царь близлежащего государства Цанахина, Александр Цымыш, вместе со своими шпионами лишили жизни ключевых фигур империи, а также подожгли императорский дворец, таким образом посеяв панику среди гражданских. На следующий день, он лично прибыл в наши края, дабы «поздравить» с освобождением от рук «бездарного сёгуната», а также объявил Фумецу подчиненным государством Цанахина.

Однако, если вернуться в день, когда случился переворот, то можно вспомнить, что среди погибших были обнаружены лишь некоторые слуги, наложницы, но ни слова о наследном принце, пропавшим без вести. Вы, вероятно подумаете, к чему же я веду и что подразумеваю под этим, но будет проще позволить вам узреть одну вещь, что сможет дать вам конкретный ответ, — молвила девушка, доставая из-за рукава свернутое письмо, — это послание, написанное лично Его Высочеством, что мы можем судить по печати камон, принадлежащей сёгунату Хомма.

Как и ожидалось, гражданские заинтересовались этой вещицей, но некоторые прибывшие подразделения армии недоверчиво глядели на лист, который та держала в руке.

— Если вы получили письмо, то, безусловно, знаете, где сейчас Его Высочество, не так ли? — настороженно вопрошал один из них.

— Верно, однако сейчас его нет с нами по очевидной причине — тени опасности, что падает на наследника престола. Мы с принцессой, наследным принцем и "Белокрылой нимфой" приняли единогласное решение, касаемо сокрытия Его Высочества.

— В таком случае, нет никаких гарантий, что человек, с которым вы виделись — наследный принц, да и мастера своего дела запросто могут подделать камон экс-сёгуна. Чем же вы докажете подлинность письма и самого Высочества без его присутствия?

Тогда же к право на слово перешло к "Стратегу нации".

— Я, как принцесса империи Дунфан, подтверждаю слова барышни Ландарин, поскольку лично встречалась с ним годами ранее. Чтобы доказать подлинность его личности, я прошу барышню Куро показать меч, принадлежащий Его Высочеству, — промолвила та, перенимая меч из рук девушки. — Эта катана содержит тонкое заточенное лезвие и нестандартно обрамленную цуку, особенную гравировку, которую ни один талантливый кузнец империи, кроме почившего господина Масамунэ, не сможет повторить. Мы пригласили одного из наилучших кадзи, проживающего в Киосинкае, городе самураев, названного господина Хаято, дабы подтвердить сей факт.

Старенький мужчина, что стоял в первых рядах, не взирая на свой возраст уверенно шел к сцене. Переминая в своих руках клинок, рассматривая каждую деталь, он едва не проронил тот и сам не пал в обморок. Встревоженным голосом, неуверенно, тот гласил:

— Это...он... Он! Клинок взаправду принадлежит наследному принцу... Эту гравированную надпись. не спутать ни с чем... — трясущимися руками, передал катану Ландарин и, получив благодарность за помощь, удалился со сцены.

Публика вновь начала перешептываться.

— Как вы могли услышать, граждане, этот клинок — подлинный. Засим, позвольте мне вернуться к нашему письму, а именно его содержимому. Прошу, "Белокрыла" нимфа, зачитай нам его.

Куро переняла письмо и, распахнув той, принялась читать.

— Наследный принц пишет так:

«Дорогие Фумчане,

Прошу простить меня за то, что в такое тяжкое время я должен руководить из тени и не могу возглавить восстание, как тому надлежит. Это послание было отправлено с целью успокоить вас мыслью о том, что такой никчемный наследный правитель жив и, возможно, затерялся среди собравшегося народа. Посему я взываю каждого небезразличного, будь то старик или молодой человек, слушать и слышать Меч правосудия(Ландарин), Стратега нации (У Сюин), а также Белокрылую нимфу (Куро). Я

осознаю, насколько цинична эта просьба, но все же прошу принять мои слова к сведению во имя почивших императора да императрицы, а также свободного и живого государства. Ремесленники, кузнецы, крестьяне, слуги, мечники, стрелки, — не важно, кто вы есть, — вы нужны Фумецу здесь и сейчас.

На сим я завершаю свое послание с искренней верой и надеждой на ваше справедливое и отважное решение, бесценные граждане. Будущее государства — ваше будущее...»

— ... этими словами наследный принц завершил свое послание, — выказала девушка, передавая письмо назад.

Собравшиеся граждане вновь начали шептаться, переваривая услышанное послание.

— Это похоже на слова наследного принца, но все равно как-то беспокойно, — молвили затерянные голоса в толпе.

Тогда же, активистка начала свою длительную, но громкую речь.

— Мы прекрасно понимаем, доверить свою жизнь незнакомым людям без высокого положения в обществе и специальной подготовки — задача нелегкая. Но помните, что в желании изменить мир, вы должны начать с себя, — продолжала та, жестикулируя по ходу речи. — Все мы знаем, что Фумецу весьма лояльна по отношению к соседним государствам, и без явной на то причины никогда не разожжет пламя войны. Предыдущие правители старались разрешать конфликты мирным путем, прекрасно осознавая, что сила не заработает доброе имя нашей империи. Помимо этого, мы также помним об особенностях Цанахина, что подразумевает жажду крови и ожесточенный подход, ссылаясь на менталитет. Однако ни в чем неповинное государство получило удар со спины своего соседа, с коим не сулили плохие взаимоотношения. Долгие годы Фумецу старалось вести тихий образ жизни, находясь в своем заточении. Никто из правителей соседних государств не посмел бы сказать-что плохое о нем, ведь все прекрасно видели, что мы не заинтересованы в добыче новых земель и славы сим образом. Но, как оказалось, мирная и спокойная жизнь сыграла на руку захватчикам, и приложенные усилия стали ничем. Помимо изувеченных улочек да районов, прибывшие цанахинцы не выказывают и малейшего уважения к гражданским, не принимая нас даже за людей. Женщины и дети подвергаются насилию, а мужчины обязываются работать в поте лица на благо другого государства. Ассимиляция идет полным ходом, и вскоре мы станем лишь тем, что было когда-то давно, но чего больше нет и не будет. Мы не последуем их примеру, ни в коем случае не сотворим нечто схожее с народом Цанахина, не уничтожим их культуру, ведь корень всех проблем идет от правителя. Нашей целью был и есть Александр Цымыш в совокупности со своими вооруженными силами, ведь правосудие должно восторжествовать. Если вы боитесь кары небесной, следуя принципу «око за око, зуб за зуб», то вам следует незамедлительно выбросить сию мысль из головы. В своей жизни, я — Бог, для верующих же Ками всегда открыт. Тех, кто следует моему примеру, я взываю вершить собственноручно правосудие, а поклоняющимся Великому — помочь ему. Помните, что от всех нас зависит судьба государства, а может и всего мира. На этой земле будут ходить ваши дети, что не смогут увидеть ясного неба, здесь жили ваши предки, что воевали во имя государства, и здесь будете вы — ходить, петлять и умирать с достоинством или же в безнадежности. Вы — будущее для самих себя, потому я, вместе с наследниками престола и своей сестрицей, взываю каждого взять в руки меч, стрелу иль нагинату, и бросить вызов небесам под покровительством сиюминутно созданной группировки «Death 2»! Избавим же мир от желающих подчинить его!

Публика ошарашенно выслушивала мятежницу, что столь уверенным говором внушала

доверие. Они, недоумевая, глядели по сторонам в ожидании какой-либо реакции, но буквально за считанные секунды прозвучали одобрительные возгласы, опосля чего счинился настоящий гвалт из аплодисментов и восхваляющих криков.

— Запомните каждый: битва состоится в 79 день года близ Сихонского залива под денным светом, что осветит нам путь к победе!

За несколько дней речь молодницы в маске разошлась по всем новостям, и вертелась у всех на устах. Весть дошла и до верховного правителя, что не воспринял всерьез говор девушки, ссылаясь на «бурный нрав». Однако за короткий промежуток времени, ожидаемое число товарищей превзошло все ожидания, и уже в первые дни на сторону повстанцев стали десятки тысяч человек, а за три недели их численность перевалила за сотню тысяч, включая добровольцев из Дунфана, Сынгыля, Фуа и прочих государств, что сочли поведение царя абсурдным. Во время подготовки, число воинов увеличилось ещё на несколько тысяч.

Конечно, Ландарин, как и любой активист, имела как сторонников, так и тех, кому такая идея была не по нраву. Например, больше чем две трети чиновников со всех уголков империи приняли решение стать под защиту царя, ссылаясь на его благонадежность, а около двух миллионов решили сохранить абсолютный нейтралитет. Одна часть по возможности мигрировала в близлежащие страны, другая осталась на родине, а третья не смогла ни мигрировать, ни остаться.

Говоря честно, сто тысяч в сравнении с миллионами жителей империи — капля в море, но даже так это количество более чем подходит для гражданской войны, учитывая размеры войска Цанахина, приведенного на эти земли, ведь двадцать тысяч воинов — число смехотворное. Однако не стоит забывать, с кем принялись воевать, ведь эта нация полна сюрпризов, и может оказаться так, что сто тысяч — всего лишь ничтожные цифры, что будут стерты в прах. Но мечники старались не думать о подобном исходе.

На протяжении месяца, Куро усердно тренировала воинов вместе со своим возлюбленным Катакуити. Их занятия проходили днями ночами, а своим уровнем подготовки больше походили на полноценную войну, ежели на гражданскую. Так, на глазах всех жителей и в частности дизов, погибали люди. С каждым днем Фумецу терял свой уникальный яркий цвет, что грел душу и вызывал улыбки на лицах граждан, кои души не чаяли в своей империи. Теперь же оно вызывает лишь боль, страдания и страх неизвестности.

Александр Цымыш, что обязывался уехать на две недели в Цанахин, вернулся на земли Фумецу в 77 день года. И вот, 20 марта, День весеннего равноденствия стал началом Войны Иносиси, что продлилась всего-навсего день.

Под ясным светом дня, что, казалось бы, не сулил ничего опасного, Ландарин, вместе с Божьим вестником, дожидалась оставшихся генералов в совокупности с дивизиями. Всего их было семь. Наиболее успешными и прославившимися считались генералы первой дивизии «Белокрылая нимфа» Куро и «Меч правосудия» Ландарин, третьей — «Око дьявола» Сайго Такамори, четвертой — «Божий вестник» Камацуи Ранбон и седьмой — «Вдова гибели» Иноуэ Сецуна. Трое из них показали невероятные результаты по ходу подготовки, благодаря чему смогли возглавить целые дивизии, в число которых входит до пятнадцати тысяч воинов.

На дворе был уже полдень, а значит, что совсем скоро настанет час продемонстрировать навыки, кои генералы вместе с подчиненным оттачивали на последнем издыхании. Семь дивизий стояли на бухте, взирая на одного-единственного Цымыша, звучание коего

сливалось с шумом тихоокеанских волн. Огромная дистанция разделяла их, но сей звонкий смех доносился до каждого. Высокомерное поведение злило воинов, наращивая их жажду крови, но главы тут же успокаивали их. Вдруг, неожиданно, царь начал хлопать в длани, урывчато, однако до чего же скверно.

— Браво, Меч правосудия! Ты поистине оправдала мои ожидания. Невероятная женщина, — гласил тот, продолжая хохотать и восхвалять девицу, после чего едко выказал. — Но, к сожалению, не смогла превзойти их.

С этими словами царь начал постепенно удаляться, продолжая дразнить вражескую сторону. Его действия и поведения вызывали не столь агрессии, как недоумения, но всего лишь спустя нескольких хлопков, из-за горизонта начал проявляться отряд цанахинцев, облаченных в весьма странное белое одеяние, что покрывало даже их лица.

Армия направлялась так медленно, словно в любую секунду собиралось свершить беспрецедентный ход, однако стоило Цымышу произнести свою коронную фразу, как воины рванули вперед. Этими словами стало:

— Увидимся в аду, прелестный цветок зла! — и раздался громкий хохот, заполняющий пространство, но слышно его уже не было, ведь все были вовлечены лишь в бой.

— В атаку! — огласил Меч правосудия, после чего и сам ринулся атаковать противников.

Звон клинков доносился отовсюду. Умелые воины сражали противников одним взмахом меча. Однако наяву, было в этой битве нечто странное. Цанахинцы отлетали один за другим, но стоило им коснуться хотя бы краешком лезвия тканной одежды воинов, как те вмиг разъедались, опосля чего самураи падали ниц. Но этим не заканчивалось, ведь каждый, кто находился подле пораженного неведомой силой, ниспадали вслед за ним. Когда численность воинов значительно уменьшалось, становилось ясно: смех царя был подсказкой. Цымыш подослал безумно слабых воинов, что едва держали меч в своих руках, и, тем не менее, стоило им невзначай коснуться противника, как те погибали, яко от средства массового поражения. Костюмы цанахинцев же помогали им продержаться в бою как можно дольше, но не выжить.

Белокрылая нимфа и Меч правосудия сражались заодно, дополняя друг друга. Это была, пожалуй, лучшая командная работа, которую можно было узреть в сей гражданской войне. Они прикрывали спины друг друга, ловко уклоняясь да блокируя атаки противников. Сокрушительными взмахами, те валили на землю врагов, продолжая усмирять иных разбушевавшихся вояк. Со стороны казалось, что все идет, как по маслу, не взирая на огромные потери, но на деле они даже и с места не сдвинулись, ведь путь преграждали тела, лежащие прямоком у ног бойцов. Многие падали просто цепляясь через них, а противники уже добивали тех. Были и те, что, оказываясь близ обрыва, срывались оттуда.

Так, за получас сражения, погибло уже пятнадцать тысяч воинов, из которых трое были генералами второй, пятой и шестой дивизии. Дела принимали совсем уже скверный оборот, вот только самая неожиданная вещь ждала дизов впереди.

Сражаясь рука об руку, сестры вновь и вновь вершили самосуд над противниками, не теряя хватки. Однако в какой-то момент Белокрылая нимфа остановилась, глядя на перебитых впереди воинов.

— В чем дело, Куро? — громким тоном вопрошала Ландарин. — Сейчас не время глядеть на почивших, их уже не вернуть!

Неясное молчание девушки настораживало. Когда она повернулась лицом к сестрице, то

изрядно удивила ту.

— Я помню, что у тебя слабая психика, сестра, но, прошу, продержись до конца, — молвила она, глядя на лицо молодницы, по которому стекали слезы.

Однако, вместо ответа, мечница лишь подошла почти вплотную к Ландарин. Она улыбалась, но до чего же горькой и печальной казалась эта усмешка.

— Прости, Ландарин, — со слезами на глазах да фальшивой улыбкой выказала та шепотом, стягивая с девушки маску и хильфон. — Прошу, просто живи... Живи, за нас обоих.

С этими словами, стоя почти что у самого края обрыва, Куро молниеносно вонзила катану в живот главе восстания. В тот момент, Ландарин не понимала, что происходит и почему сестра так обошлась с ней; в чем причина и было ли это её первоначальной целью, но только она хотела спросить, как оказалось слишком поздно: девушка скинула её прямым в бурлящий океан. Последним, что она видела, это была, шедшая изо рта Куро. Как оказалось, в момент, когда она нанесла ранение Ландарин, и сама получила атаку со спины от одного из генералов, но даже так Меч правосудия не удалось спасти. Пав в тихоокеанские воды, никто и никогда более не видел повстанца, что сумел возглавить стотысячную армию жителей, но не смог довести дело до конца в связи с эдаким поворотом. Да и она явно больше не видела ясный свет очей своих.

Сильнейшие из генералов выбыли из игры, что не сулило ничего хорошего. В тот момент, люди начали осознавать: эта битва была проиграна с самого начала. Фумчане в панике бежали кто-куда. Бросали оружие и убегали так далеко, как только могли. Многих из них настигала смерть, пройдя всего лишь считанные метры, другим же удавалось бежать до момента, пока не зашли в зону зараженных товарищей. Так, из раза в раз, погибали отважные воины, что, вероятно, уже пожалели о своем решении последовать неопытному повстанцу. Но что уж теперь думать — слишком поздно.

Оставшиеся шесть часов погибали остальные члены дивизий. Были, конечно, и глупцы, что прибежали на поле боя в самом разгаре битвы и пожалели, ведь пали ниц за считанные минуты. И вот, когда к границам павшей нации пришла темная ночь-мать, битва была завершена сокрушительным поражением фумчан.

Потери армии Цанахина варьировались от 19 до 20 тысяч воинов, в то время как из 109 тысяч фумчан спаслось не более сотни. Это была тяжелая, трагичная и, что главное, странная битва, в ходе которой, при помощи неясной силы, было свержено неизмеримое количество гражданских.

Когда в ночь с 20 на 21 марта царь вернулся со своими прихвостнями в столицу, народ потерял какую-либо веру и надежду на завтрашний день. В период Войны Иносиси, вместе с сотней тысяч воинов погибла вся нация. Битва была завершена, победа досталась стороне зла и отныне империя будет жить по правилам сего тирана.

Буквально на следующей день было выдано указ, запрещающий использование кэндзюцу и прочего менталитета фумчан на территории подчиненного государства. Помимо сего, совсем скоро на поле битвы прибыла принцесса Дунфана, коя со слезами на глазах глядела на атрибуты, принадлежащие павшим воинам и сестрам. Глядя на изуродованное лицо девушки и лежащие подле меч и хильфон, она искренне верила, что хотя бы одна из них осталась в живых.

При всей своей жестокости и тирании, царь отдал приказ распознать каждого участвовавшего в войне и передать по голове попечителям. На то, чтобы опознать хотя бы

половину, потребовалось полгода. Оpoznавать мертвецов среди разлагающихся трупов — занятие не для слаонервных, но занимались этим исключительно фумчане, что так желали отыскать своих близких.

Последним внесением в историю Фумецу стала запись о поражении в Войне Иносиси гражданской стороны. Помимо сего, отдельные страницы были посвящены сестрам, о которых мало что известно и так же мало написано. Ландарин, то бишь Меч правосудия, была признана сильнейшим мечником, а также самым влиятельным мятежником за всю историю государства. Однако факт того, жива девушка или нет, не было обнародовано ни в одном из источников, хотя многие и полагали, что она бы никак не смогла спастись вместе со своей сестрой.

Повествование. Возвращение меча, павшего в глубины отчаяния

13 ноября x833 год.

Над островом Фумецу повисла не столь мрачная, как тяжкая атмосфера людского негодования. Безжалостные чины изувечили последнее, что оставалось после событий, произошедших 6 лет назад под таким же гнусным сопровождением. Тогда ещё никто не ведал дальнейшую судьбу страны; какую ношу ей придется возыметь на своих побитых, но не сломленных плечах. Сколько боли, криков и отчаяния содержит в себе лишь одно название «Фумецу». Только ночное небо безмолвно глядело на него жалостливым взглядом, в котором крылись мельчайшие надежды, что моментально угасали. А звезды явили собой путеводитель по печальному небосводу тем, кто покинул веру и впал в отчаяние.

На востоке приморского города Цинкаин, что выходил своим взором на одинокий океан, расположилась старенькая хибарка, своим видом напоминающая бледную, как снег, коробочку. Невзирая на все беды, что окружали её, она выглядела невозмутимой, чистой и непорочной, словно и не застала падение целой династии. Хатка была схожа с лучиком надежды среди забывшихся душ, что сиял промеж груды мусора. Лишь стекла не выдержали эдакого натиска и посыпались на утопающую в крови землю.

Внутри хибарки было немного приспособлений. Почти что в центре хатки лежал маленький, довольно пыльный ночлег, а рядом — низкий столик, на котором располагался наполовину треснутый стакан с проточной водой. Стояла и глубокая миска еды, вот только не ведомо, сколько неделю, а то и месяцев она простояла. Под миской лежали с десятков нан □¹□, которые тут же очутились в бледных руках. Слева от входа лежал небольшой комплект одежды, а с правого бока стояли три катаны. Чей-то хрупкий безжизненный силуэт потянулся к одной из них — взял, надел за пояс, и, приоткрывши деревянную дверь, ринулся навстречу судьбе.

Под светом звезд, неведомая фигура с трудом шла по мрачному пути. Легкий ветер покачивал траву, а та утопала в прохладной агонии.

С каждым шелестом шаг становился тяжелее и тяжелее. Изголодавшееся тело держало путь не ясно куда, не ясно к кому. Средний рост позволял время от времени опираться на тупую сторону катаны, что впивалась острием в землю и напоминала образ ведущего человека. Складывалось ощущение, что его тело было соткано из ваты, намокшей под дождем, которую так и тянуло пасть ниц перед безнадежностью. Казалось, что несокрушимый лик вот-вот сломится, откинет надежду и упадет лицом в грязь, но тот продолжал свой ход не взирая ни на что.

Пройдя тяжкий путь, перед его взором начал показываться небольшой, но, на удивление, оживленный центр города, хотя и был поздний час. Вдоль простиралась небольшая улочка, освященная через каждый крохотный лоточек с пряностями яркими шаровидными фонариками, что озаряли путь к развлечениям. Прерывала эту цепочку лишь небольшая забегаловка, что была пунктом назначения и встречи светильников. Та походила на храм, но святым духом от неё и не веяло. Сверху повисла нарисованная черным по белому надпись «Тацуми бар», которая явно познала за период своего существования больше, чем кто-либо внутри находящийся. На первый взгляд шинок □²□ был выше трех метров, не учитывая каркас, что также ярко, как и фонари, выделялся на фоне

своих «соседей».

Мрачная фигура спустилась к улочке и направилась к бушующему трактиру. Проходя мимо ярких, наполненных радостью и улыбками огоньков, все лучше проявлялись очертания человека, несущего за собой забытые воспоминания. Глядя на фигуру, можно было предположить, что это женский образ. Со спины четко видно черное одеяние, состоящее из широки прямых штанов, что полностью скрывали исхудавшие лодыжки, невзрачного пояса, что удерживал ножны, и длинной накидки, а поверх неё, — наполовину скрывая лицо и волосы, — черно-белый шарф. На ногах надеты сандалии с высокой подошвой, что были сделаны из черной древесины и удерживались при помощи бледно белых ремешков, проходящих между большим и вторым пальцем.

Пройдя метров двести, особь уже оказалась перед самым входом в оживленный трактир. Легонько приоткрыв дверцу, прозвучала музыка ветра, и силуэт прильнул к барной стойке. Внутри отчетливо чувствовался запах алкоголя. Различные ароматы дешевой выпивки смешались воедино и воссоздали обыденный душок бара. Воздух распылял и словно окутывал в свои объятия бедных и пьяниц.

Само сооружение оказалось ещё уже, чем снаружи. Старый деревянный пол, на котором кое-где лежали выломанные доски, едва сдерживал людскую массу. Создавалось ощущение, что он вот-вот проломится и появится дыра. На потолке были видны трещины, через которые время от времени затекала вода. Здесь были украшенные различными росписями стены, что так и бросались в глаза. Стояла старая, но аккуратная барная стойка, а рядом находилось четыре бочонка с выпивкой. Алкоголя оставалось немного, но всем находящимся хватало. Отсыревшие деревянные стулья все ещё стояли также ровно, как и раньше, словно ждали кого-то, а за стойкой стоял лишь один человек.

Бармен протирал ополоснутые в прохладной воде посудыны. Промыть их нормально не удалось, ведь количество жидкости было ограничено. На вид ему лет шестьдесят, на голове виднелась небольшая седая залысина, прикрытая несколькими волосинками. Он был довольно бедным, хотя и выглядел дебелим. Рост был даже ниже, чем средний. Мужчина был облачен в старое потрепанное кимоно с приглушенным цветом хаки. Руки его грубые, все в ссадинах. Кажись, нередко здесь бывают боины.

Запрятав катану в ножны, вошедшая фигура села перед барной стойкой. Потянув свою хрупкую бледную руку к шарфу, она приспустила его к подбородку. Раздался тихий, едва разборчивый женский голос:

— Да здравствует вечерняя заря...прошу Вас, сударь...не одарите ли Вы меня бокалом редкого питва, что несет в себе столь длинную историю?

Мужчина обернулся и увидел перед собою исхудавшую странную деву. У неё были белые, словно первый снег, шелковистые волосы средней длины, томный, но пронизательный взгляд, как у лисицы, что вот-вот нападет на свою добычу. В этих изумрудных глазах крылась неведомая печаль, сокрытая под густыми белыми ресницами. На её вытянутом личике, да таком белом, что едва ли не сливалось с прядками волос, был тоненький, слегка приподнятый нос, на котором расцветал легкий румянец, идеально комбинирующий с иссохшими губами. Под ними расположилась небольшая карая родинка. Хоть девушка и выглядела нездешней, тяжело не оценить её необычайной красоты.

— Ха-ха, добрый-добрый. Не о sake □³□ ли Вы говорите? — с улыбкой на лице спросил трактирщик.

— Да, полагаю, это оно, — более оживленно ответила девица.

Пока мужчина наливал sake, девушка рассматривала различные плакаты и объявления, повешенные на доску, как вдруг её взор пал на странный постер, повествующий о невиданной ранее девушке в странной маске, то ли надломанной, то ли задуманной такой, наполовину скрывающей её лицо, и платке, что распростился по всей длине волос.

Бармен подал небольшую тару с напитком.

— Вот, прошу, — прекрасное и ароматное sake к Вашим услугам. Так как Вы тут впервые, первые три заказа обойдутся Вам совершенно бесплатно!

Девушка любезно поблагодарила мужчину, поднесла чашу к своим губам и сделала глоток. Запах, напоминающий яблочно-виноградный аромат, был таким же неотразимым как и вкус, хотя и чувствовалась некая дешовинка.

— Давно не ведала моя душа столь же прекрасного питва, — радостно отказала она после глотка. — Боюсь поспорить, что один стакан на порцию еды в подмены — извольте заказать ещё!

Мужчина был рад слышать такой отзыв от нового посетителя, потому с удовольствием подал следующую тару напитка. Но улыбка с его лица быстро спала, как только он заметил рукоять меча, торчащего из темных ножен. Хотел был он спросить об этом, однако девушка опередила его вопросом:

— Скажите, господин, Вы ведь владелец данного трактира, чье имя... Тацуми?

— Да, это так, — настороженно ответил господин, — Вас что-то интересует?

Она подперла голову рукой и пробежалась взглядом по каждому находящемуся в трактире.

— Да вот окинула я взором весь Ваш бар, но как погляжу, ни одного самурая здесь нет, даже любителей. От чего же так, куда же все они пропали?

Этот вопрос застал владельца врасплох. На его теле появились едва заметные мурашки, а в глазах отобразился животный страх, а со лба потек холодный пот. Пронзительный взгляд мечницы заметил напряжение мужчины, но та ничего не сказала.

Вокруг все затихло. Казалось, что каждый посетитель таверны был встревожен. Они осуждающе и одновременно, словно опасаясь чего-то, глядели на девушку.

— Полагаю, что Вы не местная? — все же осмелился спросить бармен.

— Одним лишь небесам известно, но мне — ничуть, — легко, но с некой печалью ответила молодница.

Неясная озадаченность застала владельца: он не понимал происходящего.

— Да кто же Вы такая? — спросил мужчина, все меньше понимая ситуацию.

Этот вопрос позабавил молодницу. На её лице появилась небольшая ухмылка.

— У меня нет имени, мне не ведомо, кто я и откуда, — прикрыв глаза да попивая алкоголь возразила безымянная девушка.

— Как это — нет имени? — мужчина произнес это так, словно встретился лицом к лицу со смертью, с палачом, что пришел по его душу.

— У меня нет воспоминаний, нет дома и истории. Я утратила все сведения о собственной жизни и даже наименование свое. Единственное, что помнили хоть мои руки, так это владение мечом, — томным голосом произнесла девушка; в нем чувствовалась некая горечь, что не проявлялась на прямую.

На какое-то мгновение бар заснул мертвой тишиной. Отчетливо чувствовалось напряжение в воздухе, что поспособствовало приближению бури. Казалось, что сейчас начнется ярко выраженное негодование: глаза людей были переполнены готовностью к

атаке. Вслед за непоколебимой тишиной прозвучала череда разъяренных, словно выстрелы, предъяв.

Первым заговорил один из посетителей, сидевший за столом почти что у самого входа по левую сторону. Мацу являлся знакомым бармена. С виду ему было лет на десять меньше, чем владельцу. Не худой, не толстый. Из-под его пышных темных бровей было едва заметно маленькие узкие глаза. На дряблом лице все внимание перенимали черные усы, такие же тонкие, длинные, как и волосы. Коварная гримаса отталкивала от себя.

— Тацуми, немедленно выгони эту девушку. Нам не нужны лишние проблемы, — окликнул он строгим голосом трактирщика.

Пьяным гласом молвил и его товарищ, спившийся, пухлый, да такой неприятный тип: — Ик! Поддерживаю! Неохота мне садится в тюрьму из-за какой-то дурехи, да ещё повстанцами нарекут! А у меня ведь семья, дети... Пошла прочь!

Дополнила беседу и одна из посетительниц: одинокая женщина, что сидела справа от барной стойки да попивала пиво.

— Не могу не влезть со своим недовольством. Законы для всех одинаковые, а эта как особенная! Выгони её или мы сами уйдем!

Все поддерживали друг друга, произошел настоящий гвалт против молодницы. Бармен в растерянности смотрел, то на одних, то на других. Он не знал как поступить правильно, чтобы утихомирить пьяниц; но больше всего его волновала девушка, сидящая перед ним, что так же непоколебимо смотрела в его глаза, словно изрезала одним лишь взглядом.

Все же, приняв решение, бармен окликнул толпу:

— Тишина! — вдруг строгим громким голосом заполнился весь трактир, — как вы обращаетесь с человеком, что, возможно, впервые в нашей стране? Это возмутительно!

В его голосе чувствовалась некая неопределенность, но приглушить бунтовщиков таки удалось. Люди взялись за питво и продолжили отмечать свои семь пятниц на неделе.

Тяжко вздохнув, уже более спокойным голосом, господин Тацуми окликнул девушку:

— Так, значит, у Вас амнезия?

— Выходит, что так, — недолго думая, девушка вновь обратилась к трактирщику. — Господин, а не изволите ли поведать мне, что произошло с империей? Что это за "законы", о которых молвят уста здешних жителей?

— С чего бы начать... — господин задумался и начал вспоминать всю историю, произошедшую шесть лет назад, — посмотрите на этот постер.

Девушка окинула взглядом уже рассмотренный плакат с девушкой в маске, а вслед за этим, бармен, вынув бочку с напитком, разлил его по чашам себе и нанаша, да продолжил толковать свою речь:

— За голову этого человека правительство приготовило награду. Она связана напрямую с событиями, произошедшими шесть лет назад: именно тогда империя потеряла всё, что принадлежало ей. Мечницу на постере звали Ландарин. Никто из жителей никогда не видел лица девушки, лишь представляли портрет, основываясь на её сестре и мифах, легендах, что ходили в народе. В свое время, эта она-бугэйся □⁴□ была самым молодым и влиятельным мятежником за всю историю империи. На момент конфликта между властью и народом, ей было всего лишь 19. Девушка прославилась тем, что в таком юном возрасте смогла возглавить восстание из сотни тысяч человек, среди которых были и люди из других стран. Оно было совершенно против самопровозглашенного правительства — пришедшего на наши земли войска из соседнего государства Цанáхин, во главе с безжалостным воином-князем

Александром Цымышем. Он стер с лица земли предыдущих монархов династии, нанес непоправимый вред землям острова и занял трон. Его желание являло собой лишь заключить территории империи под свою власть да сотворить ассимиляцию. Ландарин безумно уважала искусство кэндзюцу □⁵□, потому готова была пожертвовать всем и вся ради его возвращения. Ясное дело, что оставлять как есть не годилось, из-за этого, она, во главе с группировкой «Death 2», начали готовить нападение. Я смутно помню все подробности этой жестокой битвы, но результат запечатлелся в памяти каждого жителя острова. Казалось бы, что эти двадцать тысяч армии цанахинцев против сотни тысяч воинов, да не тут то было. Хоть я и не был там, но знаю, что наш «герой» слинял позорно, оставив гибнуть сотню тысяч отважных, полных чести душ, что привело к массовой тревоги среди воинов. В результате поражения погибли все, а Фумецу стал территорией Цанахина. Были разрушены и учреждения, и дома, земля была полна крови и ненависти, а над империей повисло отчаяние да негодование. Прошло шесть лет, но так и нет подробностей, жива ли Ландарин и где сейчас. Её имя было очернено, а единственное, что осветляло его, так это звание сильнейшего мечника. Почти что после самого окончания восстания, был принят закон, в котором четко было указано запрет о возрождении и даже упоминании кэндзюцу, а в случае неповиновения разрешено было и убить. Вот и все так не любо приняли Вас, сударыня, потому, лучше Вам выбросить эту треклятую катану, дабы жить себе спокойно.

Внимательно выслушав рассказ, разочарованным голосом, наполненным как ненавистью, так и пренебрежением, девушка произнесла:

— Что за нечистый сердцем человек с благим намерением, да дурным поступком. На поле чести, посадив плоды мести, позабыв о цели, не забыв о карцере □⁶□...Развеяло все уважение, как лепестки сакуры на ветру. Нет ей прощения, как и укорения.

— Как есть, сударыня, как есть, — тяжело вздыхая произнес господин.

Немного подумав, нанаша прервала суету:

— Но знаете ли, господин, мне по душе её идея о восстании. Ценность в культуре, а сила в правде. Негоже забывать свою историю.

— Типун тебе на язык! — с удивлением ответил мужчина, — зачем чужеземцу, да ещё и со столь странным диалектом брать в голову такие глупые затеи. Отбрось эти мысли и живи себе как самый обычный человек, без всей этой дури.

С легкой насмешкой, сказала, как отрезала, девушка:

— Ха-ха, да кто же его знает. Быть может, ещё найдется тот, кто перевернет устой вверх дном.

Оставшееся время молодая девушка провела в раздумьях над сказанным за чашей sake, пока на дворе не настала глубокая ночь. Пьянчуги поразбегались по конурам, бар потихоньку начал закрываться. Город засыпал, как и шумная улочка.

Девятнадцать великих сил. Отчаяние и надежда

Раннее утро. Мрачные улочки вновь преисполнились движением. Засуетились горожане, что так боялись опоздать на работу. Они были готовы выкладываться на полную за 50 нан в день, лишь бы хоть как-то выживать в это непростое время.

На улице был легкий морозящий дождь, а небо покрылось мглой. Цинкаин все больше и больше походил на братскую могилу мертвых душ.

Десятки людей проходили вдоль улочки, на которой раскинулся «Тацуми бар», однако, посетителей в нем не было, как и вчерашней нанаши. Господин Тацуми объявил временный перерыв из-за проблем с оплатой помещения, ведь доход не окупал расходы. Сам он подался к Камацуи Ранбону, с которым имел договор касательно трактира. Улочка была чрезмерно спокойной, относительно вчерашней ночи. Кажется, позднее время здесь не имеет ограничений, а наоборот — способствует прогрессу беззакония. А как же иначе, коль никому не нужен этот город. Хоть есть порты, да нет товара, а поставлять «за дженьки» □⁷□ не входит в интересы соседних стран. Многие изменилось с перемены трона Фумецу, ровно так же, как и союзы государств.

Переняв взгляд наверх, может показаться, что на кровле таверны сидел какой-то человек. Взаправду, у самой вывески с названием, сидела нанаши. Девушка подперла голову дланью □⁸□, локоть которой соприкасался с коленом. Вторая нога была полусогнутом состоянии, а на ней свисала хрупкая рука. Молодица наблюдала за суетливым народом и вслушивалась в шум дождя. Маленькие капли стекали по лицу мечницы. Чисто белые прядки намокли и слегка завились, а влажная одежда придавала тяжести.

Убрав руку от головы, та потянулась к ножнам, на которых была прикреплена острая, аки стрела, красная заколка. Заплетя волосы в расслабленный жгут, заколочкой наискось та закрепила прическу. Неизвестно, откуда взялось это украшение, однако, складывалось впечатление, что оно всегда было на её белоснежных локонах.

Прикрыв глаза, девица принялась делиться чувствами с природой через новоиспеченную поэзию:

«Слезы Богов,
Заполонившие вы небеса,
Подайте знак, ответ, ритору,
К чему не благосклонна так судьба,
Коль вновь вступает в этот край
Неведома нога.
И почему,
Слезы небес,
Стекает по лицу моем белом
Капля дождя, что представлялась
несокрушимою рекой,
А не божественная боль,
не нарека себя такой?»

Нанаши была едина с природой. Их узы были даже крепче, чем беседочный узел. Казалось, эту гармонию не прервать ничем. Однако, безымянная онна-бугэйся почувствовала, как кто-то украдкой наблюдает за ней. Она приоткрыла свои изумрудные

глаза, что сияли, аки самый настоящий драгоценный камень, и в них отобразилась ярко выраженная заинтересованность.

Спустя мгновение, девушка обратилась к особи, наблюдающей за ней.

— Надо же, какая могущественная сила кроется в тени. Не изволите ли назваться? — произнесла та с улыбкой на лице, все так же глядя на небосвод.

Преследователь не откликнулся какое-то время, полагаясь на ошибочное предположение мечницы, как вдруг вновь зазвучал пронизательный голос:

— Есть ли смысл скрываться в тени, когда свет фонарей указывает на сцену?

В этот раз вопрос не остался без ответа:

— Что за нелепые слова прозвучали из твоего рта, мечница? Лучше скажи, как ты смогла заметить меня, а? — прозвучал раздраженный и агрессивный мужской голос.

— Ох, скажете тоже, ха-ха! Не посмею я назвать себя мечницей, не умея определять силу и местонахождение противника.

— Какая ты заумная, прямо-таки надоедает. В любом случае, мне наконец-то удалось найти тебя, белокрылая нимфа Куро. Я всегда знал, что ты жива! Доставай свою катану — я собираю вызвать тебя на поединок!

— Прошу простить меня, но я — не Куро, ведь у меня нет имени, — после сказанных слов, девушка обернулась и поглядела на человека.

Позади неё стоял юноша лет девятнадцати. Он был не очень высоким, с виду на пол головы выше девушки. На четком овале лица, с заостренным подбородком, расположилось насупленное лицо. Из-под нахмуренных темных бровей выглядывали ярко выраженные черные, словно ночь, павлиньи глаза, что одним своим взором передавали всю жажду сражений. Узкий заостренный нос придавал лику благородства, импонируя с тонкими губами, чьи уголки опущены вниз. Темные, с ореховым отливом пряди волос спадали на его лицо, слегка касаясь заостренных ушей.

Одежда на подкачанной фигуре парня передавала позабытый самурайский дух острова и пересекалась с невиданным ранее стилем. Поверх темного кимоно было накинуто двухцветное хаори $\square^9\square$, одна сторона которого была черной, другая — белой, а на спине, посередине, изображен символ инь-янь.

Скрестив руки и приподняв одну бровь, он презренно взглянул на нанаша.

— Не лги мне, я знаю что ты — Куро! — прозвучал грозный голос парня. — Ты не можешь просто так отречься от этого имени!

— Мне очень жаль, но все не так. Вы перепутали меня с какой-то важной особой? — удивленно вопрошала девушка.

— Ты насмехаешься надо мной? Думаешь, прикрыв смерть Ландарин своей, ты резко станешь никем?

Девушку насторожило очередное упоминание барышни из рассказа трактирщика. Она предположила, что речь идет о родственнице Ландарин, а именно о той самой сестре.

— Ох, кажется, я молвлю неубедительно. Возможно, я смогу чем-то доказать Вашу неправоту?

— Сразись со мной уже, — правой рукой он вынул меч из ножен да направил на девицу. — Докажи, что ты — не Куро!

Тяжко вздохнув, девушка ответила:

— Хорошо, будь по вашему, — привстала нанаша и обратилась к мужчине, — однако, может, Вы представитесь? Негоже проводить дуэль, не зная, кто мой оппонент.

— Ладно, сделаю вид, что ты действительно не Куро, а какая-то "нанаши", и с удовольствием представлюсь. Меня зовут Юцуна, я — один из «Девятнадцати великих сил», идущий под номером восемь!

— «Девятнадцать великих сил»? Что это за организация такая? — заинтересовано прозвучал голос девушки.

Парень впал в оцепенении. Казалось, что из ниоткуда прозвучал стрекот сверчка. На лице появилась шокированная, а затем недовольная гримаса, и вслед за этим прозвучал разъяренный голос:

— А? Что за глупость ты несешь! Хочешь сказать, что не слышала о девятнадцати великих мечниках?!

— Увы, но нет. Мне поведали лишь то, что более не осталось смельчаков, использующих кэндзюцу.

Словами не передать удивление, которое испытал Юцуна. Это был первый случай, когда человек, ступивший на земли Фумецу, не знал об этой организации. Даже нездешние могли с легкостью рассказать о союзе девятнадцати мечников, во главе с Окубой Кэтсэро — первым среди сил.

— Так уж и быть, расскажу тебе о нас. На данный момент, мы — единственная организация, в чьих жилах течет истинный дух самураев, состоящая, как и оглашено в названии, из девятнадцати отважных воинов. Взгляни, — парень повернулся спиной к нанаши и указал на символ, изображенный на его накидке, — этот знак является эмблемой нашего сообщества. Все члены сил имеют эту комбинацию света и тьмы на своем хаори. Каждый из нас является по своему грешным человеком, что принял временную концепцию добра для общей цели — собрать под свое управление воинов, что свергнут Цымыша и всех его правительственных псов. Мы с ребятами преследуем идеи Ландарин, жаждем возмездия за порочность её имени и возвращения высшего достоинства Фумецу — искусства владения мечом — кэндзюцу! Единственным правилом, что включала в себя идеология Кэтсэро, нашего главы, запрет на безосновательные убийства и раскаяние за грехи былого.

Повествование заставило девушку задуматься. Два рассказа об одном и том же человеке были совершенно разными, но она не стала размышлять об этом подробнее, дабы не прервать встречу с самураем.

— Так Вы ищете девушку, именуемую Куро, чтобы она стала одной из вас?

Этот вопрос окончательно разжег фитиль агрессии юноши.

— Не носи чушь! — яростно прогремел его голос, — Эта паршивка предала и убила Ландарин, благодаря чему опозорила её славное имя. Вместо нашего идола, «похоронили» её мерзкую самолюбивую душу. Уверен, сейчас Куро живет себе, как ни в чем не бывало без единого угрызения совести; потому ты должна убедить меня, что не являешься ею, а иначе я самолично убью тебя!

Девушка находила все больше дыр в рассказанных историях. В одной, мечницу выставили как предателя, что живет спокойной жизнью где-то в другом государстве, в другой же, она описана героем, чьи идеалы до сих пор преследуются. Из чьих слов звучит истина, и есть ли она на самом деле?

— Я поняла Вас, сударь.

Во взгляде девушки проявился твердый настрой, что обосновывался всей серьезностью битвы. Бледная рука моментально потянулась к темной цуке $\square^{10}\square$ меча и резко отвела его в сторону.

Шел дождь. Вокруг них воцарилась напряженная атмосфера. Два мечника спрыгнули с кровли на задний двор таверны, куда не выходили окна, и стали друг напротив друга. Яростный взгляд парня окутывал девушку, но та сохраняла свое беспристрастие. Вцепившись мертвой хваткой в катаны, они ждали первого слова.

— Прошу Вас, Юцуна, нападайте.

После этих слов, парень отвел руку вправо и ринулся вперед, словно расшвырянный лев. Его меч вырывался вперед и готовился нанести сильный удар по противнице. Нанаши перекинула катану с одной руки в другую и, отодвинув ногу в сторону, смогла запросто усмирить дикого зверя. После встречи двух мечей раздался громкий лязг острых лезвий. Юцуна был крайне удивлен такой выходкой.

— Так ты и левой рукой владеешь мечом? — увеличивая напор катаны, с ухмылкой на лице озвался он.

— Абсолютно верное предположение, — барышня также не сдавалась и сопротивлялась набегу клинка.

Девушка проницательно глядела на лезвие своего меча, замечая небольшие увечья; парень же едва мог продолжить бессмысленный напор на саблю онны-бугэйси. Оба мечника одновременно отскочили друг от друга и начали вторую волну нападения. Юцуна вновь попробовал атаку в лоб, но нанаши легко смогла увернуться от меча противника. Она уже собралась атаковать, как тут самурай выбил из рук мечницы катану. Раздался звон павшего меча. Дождь усилился, превратившись в ливень.

— Какая жалость. Я проиграла Вам, — с разочарованным выражением лица сказала нанаши. Однако, в её голосе не было печали.

Битва завершилась проигрышем девушки, но парень имел другое мнение по этому поводу.

— Сразись ещё раз... — тио выказал парень.

— О? — барышня была крайне удивлена такому заявлению юноши, — Что Вы...

— Да сразись со мной ещё раз! — перебив девушку, яростным голосом прогремел он. — Думаешь, я поверю в твой проигрыш? По твоему, мы самураи разных иерархий? Я видел, что ты выпустила меч из рук, хоть и запросто могла противостоять моему Якету.

Уровень разъяренности противника поразил нанаши.

— Но ведь Вы указали, что я должна доказать непричастность к госпоже Куро. Если она сестра Ландарин, сильнейшей мечницы Фумецу, и сражалась с ней бок о бок, значит наверняка обладает не менее поразительными способностями. Мой проигрыш же противоречит Вашим словам.

— Что за бред, сразись со мной по настоящему!

— Не сегодня. Я расцениваю Вас как сильного противника, потому более не желаю травмировать душу своего меча.

Юцуна кинул презренный взгляд на девушку. Эти слова заставили его вдохнуть на полную грудь и немного расслабиться.

— Хорошо, я признаю, что ты не являешься Куро, — с неким недовольством прозвучал голос мечника, — но все равно не верю в твою безымянность. Даже при огромной ненависти

к своему имени или забыв его, ты могла выбрать себе другое, так почему же не сделала этого?

— Это большая ответственность, — прикрыв глаза да запрятав меч в ножны произнесла девушка.

— Ответственность?

— Верно. Каждое имя несет в себе свою историю, грехи и поступки. Нужно иметь почесть к своему прошлому, а не перебирать им, ведь это не одежда, которую столь легко можно заменить. Это, в первую очередь, история, что не изменится уже никогда. Это нераскаянные грехи и действия, которые не обратить. Взяв чужое, человек лишается всякого уважения к себе и к людям, с которыми ему довелось повстречаться в той или иной ситуации. Прошлое никогда не изменить, тем более именем. Я утратила воспоминания, потому ищу его, дабы узнать о себе и понять, кем являюсь. Но, все же, я убеждена, что не явлюсь столь могущественной личностью, как Куро, за что Вы вновь меня простите.

После небольшой паузы, мечник произнес:

— Забудь. Мне не понять этого, ведь я никогда не терял имени. И все-таки, рано или поздно, я заставлю тебя сразиться со мной в полную силу. На этот раз, так уж и быть, давай закончим. Но я буду преследовать тебя, пока не получу желаемого.

— Уверена, мы ещё встретимся однажды, — с ухмылкой на лице сказала девушка, — а на сей раз, разминемся на этой ноте.

Повернувшись спиной, сдерживая заинтересованность и жажду последующего сражения, промолвил он сухо:

— Как скажешь.

Нанаши улыбнулась и обернулась спиной к спине противника. Мечники разошлись; их бой закончился ни победой, ни проигрышем. Шум дождя сопровождал по пути противников. Девушка натянула шарф потуже и мысленно подумала: «Эта встреча произошла не случайно. Он определенно знает что-то полезное. Не помешало бы разведать кое-какую информацию у него».

Начало садиться солнце. День приближался к своему завершению. Прибыв к бару, девушка украдкой пробралась на чердак. Там стоял лишь небольшой низкий столик, три оставшиеся бочки с выпивкой и несколько досок. Небольшое окошко выходило на улочки Цинкаина. За окном уже утихомиривался дождь, лишь редкие капельки время от времени падали на промокшую землю да стекали по хрупкому стеклу. Подойдя к столу, нанаши вынула из-под оби □¹¹□ катану в ножнах, на которых было выгравировано какое-то название, и расположила на нем. Из её уст прозвучали наполненные радостью слова:

— Кажется, будет весело, Сакацуй...

Взор девушки пал на прекратившийся дождь. Вдруг, позади неё приоткрылась дверь. Та перевела свой взгляд с окна на стоящего в проходе господина и промолвила:

— Вы вернулись.

— Так и знал, что кто-то поселился у меня на чердаке...

— Верно. Имеете что-то против? — с интересом спросила нанаши.

— Да не то чтобы, но, понимаете, как бы так сказать...мой бар — не принят для бездомных, а выгонять такую обворожительную гостью как-то не очень, ну и, в общем-то... — мужчина виновато посмотрел на девушку.

— О? Вы намекаете, что мне стоит заплатить?

— Ну...если Вы изволите.

— Понимаю, понимаю. Однако, в силу своей безработицы, я не могу оплатить данное место проживания, — приложив свою руку к груди, кокетливо произнесла она, — возможно, Вы, господин Тацуми, позволите мне немного подзаработать?

Мужчину застало врасплох такое предложение. Ему симпатизировала девушка, однако он побаивался её. Дрожащим голосом, господин ответил нанаши:

— Даже не знаю, это как-то слишком...

— Не стоит стесняться. Нет ничего плохого в совмещении полезного с приятным.

Недолго думая, тот протянул:

— Хорошо, но-о... у меня одно условие.

— Какое же, господин?

— Не трогай свою катану, мне...немного страшно, — со смущением на лице произнес тот.

— Конечно, — прибрав руки с меча, вымолвила та, — думаю, она не понадобится нам.

От мыслей об обнаженном теле девицы, его постоянно бросало в пот. Страх переменялся жаждой прильнуть к ней. Девушка позволила владельцу подойти к себе. Его руки прикоснулись к тонкой коже лица и медленно спускались вниз. В это же время, длани мечницы потянулись к ножнам, из-под которых торчала рукоять катаны. Только господин собирался прильнуть к шее и запустить свои руки к хрупкой груди, как странница опередила его.

— Надо же, какой Вы развратник. Впав в мечты о моем теле, и вовсе позабыли, что меч лежал позади меня.

— Стой...Неужели ты!.. — со страхом в глазах господин взглянул на лицо девушки.

— Вам не показалось, — на лице девушки появилась коварная улыбка, — ни слова больше, иначе я вонжу острие катаны прямо в Вашу спину.

— Ах ты мелкое сучье отродье... — со слезами на глазах, дрожащим голосом, прозвучал он.

Приложив палец ко рту мужчины, нанаши начала успокаивать его:

— Тс-с-с... Ни-сло-ва... — спокойным голосом произнесла девица.

— Ч-что тебе нужно? Деньги? Я дам тебе их, только не убивай меня, умоляю!

— Ну-ну, не стоит так печалиться. Конечно, мне нужны деньги, но если я попрошу их, Вам придется закрыть бар, а мне ведь так нравится sake, что там подают! Вместо этого, я желаю, чтобы Вы, господин Тацуми, нашли для меня кое-что.

— Что? Скажи мне, что, и я, клянусь, найду это. — с ещё большим страхом и слезами на глазах спросил мужчина.

— Хигин. Найдите его для меня.

— Х-хигин.? Н-но это же запрещено...

— Но жизнь то дороже стоит, — с улыбкой отрекла нанаши, — я не стану заставлять Вас красть его, просто найдите и передайте мне координаты местонахождения оболочек для душ мечей.

— Я-я не уверен, что см-могу... Н-но попытаюсь!..

— Вот и славно. Мне нужны координаты каждого места, где только она может оказаться. Думаю, это будет сложно, но Вы ведь джентльмен и не откажите девушке в трудную минуту. Не стоит так лить слезы. Мне незачем убивать своего помощника.

— Д-да, я поищу. Обязательно п-поищу..

Девушка убрала катану, находящуюся позади мужчины, и тот пал ниц, испытывая

жуткий страх и оцепенение.

— О, и что касаясь проживания в баре. Не волнуйтесь, я не стану так обесценивать Ваш труд и покину чердак.

— С-спасибо... П-правда, спасибо!

— Буду ждать от Вас лишь хороших новостей, ну, а в противном случае, — воткнув острие меча в деревяшку, — буду вынуждена лишить Ваше тело бессмысленного груза.

— Я понял, м-моя госпожа. Я н-найду его, чтобы В-вам всегда было удобно сражаться...

— Ох, ну, Вы мне льстите, — хихикнула девушка и, прихватив небольшой кусочек *тофу*, покинула здание.

Вновь, в бессонной ночи, под светом звезд да луны, безымянная она-бугэйся шла по извитой дорожке, проходя мимо каждого из ларьков, украдкой глядя в них. Ещё один день — ещё один путь, ещё один шаг к истине...

В это же время, в темном коридоре высокого здания, который освещали лишь канделябры □¹²□, прозвучало два голоса.

— Сенсей! — озвался мужской голос. — Я нашел её, мечницу, о которой ты вчера услышал!

Было слышно приближение неясной фигуры в тени. Во время ходьбы, прозвучал голос и второго собеседника:

— Правда что-ли? Я уж было подумал, что ты как всегда провалишься.

— Какой жестокий. Я, между прочим, выполнил твое поручение, а ты вот так отблагодарил меня?

— Да, спасибо. Так что же ты узнал?

— Не очень-то и много.

Потухла свеча. Воцарился полный мрак, лишь два голоса толковали о чем-то сокровенном, неясном, чего уже и не было слышно.

Подноготная Фумецу. Обещание

Ночное небо привлекало нанаша. Под ним складывалось ощущение, что Фумецу — самая обычная страна с таким же приятным запахом после дождя, чистым воздухом и ярким полумесяцем, вокруг которого танцевали звезды в медленном танке. Все так же держа путь неведомо куда и неведомо к кому, девушка шла по избитой тропе. На мгновение, она присела под листвой сановитого рыжего клена, на усыпанную дарами осени травницу, да взглянула на прекрасный небосвод. Замерцали звезды, собрались в общую картину, как вдруг — фью! С неба стремительно начала спускаться яркая искра. Кажется, небесные светильца собрались воедино, дабы сопроводить в последний путь своего родственника, которому не успели ещё так много поведать. Глаза девицы были очарованы этим явлением. Казалось, что в её больших зрачках была не искра звезды, а надежды. Не зная о своей связи с островом, она все равно волновалась за него, потому, прикрыв свои густые белые ресницы, девица подняла сомкнутые руки к лицу и мысленно попросила у падшей о светлом будущем государства. После, напоследок взглянув на небо, сомкнула очи да обессилено пала на влажную землю.

Прошло несколько часов, а девушка все ещё дремала у одинокого дерева, что словно благодотворило её своей листвой. Из-за горизонта потихоньку начало проявляться солнце. Сначала выскочил один лучик, затем другой, третий...пока не появилась могущественная фигура зари. В тот час, когда нанаша спала, к ней подбежал небольшой рыжий, как листок осеннего клена, лисенок и начал обнюхивать её. Вероятнее всего, он спрятался под опавшей листвой, дабы его не заметили. Вдруг, лис заприметил, что глаза девушки приоткрылись, и высоко подпрыгнул, ощущая опасность.

Первым, что увидела молодая онна-бугэйся, разомкнув очи, был напуганный лисенок. Тот поджал уши и собирался бежать. Девушка приподнялась и оперлась на руку. Все дары клена спали с её одежды, лишь один листок непоколебимо держался на голове девицы. Она наклонилась ближе к лисенку и, улыбнувшись, промолвила:

— Господин лис, какой же Вы смелый и отважный.

Кажется, после произнесенных с улыбкой слов, он стал чуть меньше бояться нанаша. Девушка протянула длань к маленькому зверьку, тот настороженно понюхал и потерялся о тонкую пясть. Хрупкая рука прошлась по нежной шерстке крохи. С головы спал последний листок.

Убрав длань и сев на колени, нанаша взяла на руки маленький рыжий комочек. Лисенок радостно фыркал и глядел на молодую особь. Они умиленно смотрели друг на друга, пока их встречу не прервало краткое урчание живота девицы. Зверек, повернув голову набок, удивленно смотрел на девушку, а та, в свою очередь, лишь посмеялась. С улыбкой на лице, она обратилась к малышу:

— Кажется, мой путь привел меня к неизведанным местам. Возможно, Вы, величественный лис, поведаете мне, есть ли неподалеку забегаловки иль бары?

Лисенок спрыгнул с рук девушки и, пройдя немного вперед да обернувшись, словно зовя за собой, дожидался её действий. Нанаша поняла намек своего спутника и ринулась на встречу приключениям.

Всю дорогу девушка рассматривала ареал города, вслушивалась в пение птиц да время от времени поглядывала на радостного лисенка. Он игриво прыгал по травке, зазывал девицу следовать за ним. Зверьку нравилось разгуливать с новой подругой, а в его янтарных глазах

было замечено веселье и оживленность. И вот они понемногу начали приближаться к соседнему городу — Сакуруину.

— Кажется, уже виднеются окрестности нового городка, не так ли, мистер лис? — все также ласково улыбаясь молвила нанаша.

Он лишь фыркнул на это и продолжил вести свою спутницу к пункту назначения. Страница заметила склон, что вел их к имениям города. Однако, стоило им пройти несколько метров, как на негоподнялась маленькая худенькая девочка. Её вид несколько отличался от детей в Цинкаине. Она была невысокого роста, на вид лет восьми. Девчонка была вся в пыли, а на лбу располагалась небольшая ранка. На её маленькой головушке были темно-русые волосы, собранные в тусклый хвостик, что позади был закреплен розовым бантиком.

Круглое личико, любопытные карие глаза, вздернутый носик и пухлые губы придавали девчужке миловидности. На нее было надето розовое кимоно в голубой цветочек, на котором также кое-где встречались зашитые лоскутком дырочки. На поясе расположился малиновый оби с огромным синим бантом за спиной. В своих хрупких, побитых и исцарапанных ручках малышка держала крохотную корзинку. Лисенок, перепугавшись незнакомой фигуры, спрятался за спутницей. Девушка подумала, что малышка испугается, увидев её меч, потому, подняв лисенка на руки да опустив голову, ускорила шаг. Однако, случилось непредвиденное.

Девочка взглянула на нанаша, и в её глазах появился восторг переплетающийся с надеждой, а на лице появилась яркая и теплая, словно лучи весеннего солнца, улыбка до ушей. Из её рук чуть ли не выпала корзинка. На радостях, она обратилась к онне-бугейси:

— Тетушка! — радостно вскрикнула девчонка. — Вы ведь самурай, правда?

Вопрос малышки застал девушку врасплох.

— Да, это так, — улыбнулась она ей.

— Ура! Я так давно не видела самураев! Скажите, Вы пришли, чтобы спасти нашу страну?

Нанаша была поражена познаниями ребенка. В столь юном возрасте, ей ведомо о положении острова Фумецу и всей тяготе жизни; но, даже при этом, она растет добропорядочным человеком. Девушка подошла ближе к юной леди и, своим томным, но до чего же нежным голосом, произнесла:

— Это одним лишь небесам известно, но мне бы хотелось попытать удачу.

— Наконец-то, мы будем спасены, хи-хи!

Недолго думая, девочка решила придать уверенности нанаша:

— Вот, возьмите! — она протянула корзинку, в которой лежало три онигири. — Это Вам на удачу!

— Вы так вежливы, юная госпожа. Однако, неужели этот дар не предназначался кому-то другому?

Девочка опустила голову и, елозя ногой по сухой земле, расстроенным голосом произнесла:

— Ну... Обычно я ношу своей хворой бабушке раз в месяц онигири в Цинкаин, ведь у неё совсем нет еды и денег... Но сегодня я встретила Вас, тетюшка, и хотела отблагодарить... Потому, — все также стоя с опущенной головой и приподняв корзинку продолжила она, — возьмите это в благодарность!

Мечница была растрогана такой речью малышки, однако, было кое-что, что взволновало

её куда больше. Вдоль маленьких детских рук было много синяков и ссадин, да таких окровавленных, что, казалось, кровь идет с них до сих пор. Среди них были и свежие раны. В конечном итоге, она поняла, что пыль на её лице — это синяки, сокрытые под слоем грязи.

— Малышка, я крайне благодарна твоему дару. Однако, вынуждена отказаться.

Девочка поглядела на неё удивленным взглядом и тонким голоском спросила:

— Но почему? Разве Вы не хотите есть?

— Я ещё молода и запросто могу заработать себе на еду, а твоя бабушка уже пожилая женщина. Питаясь раз в месяц, она может заболеть, и ей станет гораздо хуже — произнесла девушка, положив холодную ладонь на голову девчушки. — Потому, лучше помоги бабуле позаботиться о своем здоровье.

— Но ведь я хотела сделать Вам подарок..

— Не волнуйся, я крайне ценю этот жест, оттого благодарю тебя от всего сердца, — вымолвила девушка.

Несколько слезинок скатились вниз по пыльным и грязным щекам девочки, и та, улыбнувшись, произнесла:

— Спасибо Вам, хнык, тетушка! Я верю... правда верю, что Вы сможете, хнык, сделать нашу страну вновь цветущей!

— Ну-ну, не стоит плакать!

Девушка приобняла малышку, поглаживая по спине. Лисенок тоже перестал бояться, потому, как только нанаша выпустила из рук девчонку, запрыгнул той в ладони. Она обрадовалась зверьку и начала понемногу успокаиваться.

— Ух ты, хнык. Какой он милый!

— Ха-ха, правда же? Мы встретились с ним совершенно случайно!

— Здорово! — с улыбкой произнесла малышка. — Тетушка, скажите, а как Вас зовут?

— К несчастью, я не помню своего имени.

— Как это? — удивленно выдала девочка.

— Мои воспоминания были утеряны, потому некоторые нарекают меня нанаша.

— Вот как? Жаль, — печально гласила малышка, — а меня, вот, зовут Камацуй Йоко.

— Дитя океана, значит?

— Верно, — радостный вскрик резко переменился тугой, — но вот океана я никогда не видела... Хотя я и не раз была в Цинкаине, родители не разрешали мне ходить к нему, ведь это под запретом нашего правителя... а мне так хочется посмотреть на волны...

— Вот как... — задумчиво опустив взгляд вниз произнесла она-бугэйся. — Йоко...

— Да?

— Давай, в следующий раз, когда Цымыш будет свергнут, я отведу тебя к океану?

Глаза девочки засверкали, и улыбка вновь сияла на её уставшем лице.

— Правда? Пожалуйста-пожалуйста! Я хочу посмотреть на океан с нанаша!

— Обещаю, я достигну того, чтобы ты смогла ходить к нему как можно чаще, а твоя бабушка сможет насытиться вкусной едой!

— Нанаша, ты — лучшая! — радостно зазвучала она.

— Рада это слышать. Однако, есть кое-что, что несколько беспокоит меня.

— Что-то случилось? — заинтересовано прозвучал голос девочки.

— Милая Йоко, позволишь ли ты спросить о ссадинах да побоях на твоих маленьких ручках?

Девочка взглянула на свои руки и с улыбкой ответила.

— А, с ними все нормально!

— Ты уверена?

— Видите ли, мой папочка, Камацуй Ранбон, известный чиновник. Он очень устает на работе, а мы с матушкой мешаем, за что отец и избивает нас хлыстом. Иногда это делают и папины друзья. Но все в порядке, он не плохой, просто очень занятой, потому, как и его друзья, хочет немного отдохнуть без нас.

После этих слов, нанаша едва могла сдержать свою агрессию. Ей хотелось искромсать чина за такую безответственность. Прикрыв глаза, сдерживая дрожащую руку на рукояти меча, она обратилась к девочке:

— Йоко, — понемногу опуская хватку произнесла она, — в скором времени твой отец сможет отдохнуть от работы.

— Очень на это надеюсь! — радостно огласила малышка.

Странница перевела свой взгляд на небо, пытаясь отвлечься от негативных мыслей.

— Кажется, уже полдень. Тебе стоит поторопиться, чтобы поскорее увидеть свою бабушку.

— Ой, взаправду! — ошарашенно вымолвила девочка. — Тогда я пойду!

— Конечно. Удачного пути, Йоко!

— Надеюсь, Вам понравится Сакурин!

— Я тоже на это надеюсь.

Лисенок спрыгнул с рук малышки, и та, взяв корзинку, побежала. Девица глядела ей вслед. Пробежав несколько метров, Йоко обернулась, помахала рукой и счастливо закричала:

— Я буду ждать дня, когда нанаша отведет меня посмотреть на океан!

Это позабавило девушку, и та помахала ей рукой вслед. Малышка убежала на встречу с любимой бабушкой. Она-бугэйся опустила руку, и улыбка на её лице резко сползла. Нанаша узнала о другой стороне, скрывавшейся в тени душ жителей Фумецу, — той, о которой не говорят, хоть она и есть.

Девушка повернулась к зверьку, что дожидался своей спутницы.

— Итак, теперь нам следует незамедлительно отправиться в Сакурин. У меня появились неотложные дела.

Партнеры двинулись в путь. Лисенку уже не было так весело. Тот больше не прыгал радостно со стороны в сторону по траве: он ступал медленным шагом, лишь время от времени поглядывая на задумчивую и серьезную нанашу. Печаль с тугой перемешались, оставляя на сердце некую тяжесть и опустошение.

Теперь их странствие стало не просто прогулкой к трактиру, а несло в себе более глубокий смысл. Нанаша хотелось самолично увидеть этого чина и преподать ему урок как правильно обращаться со своей семьей. Она прекрасно понимала, что Йоко лишь одна из сотни, а то и тысячи таких же пострадавших детей, что слишком рано повзрослели. Боль и жажда мести не давало ей покоя. Из-за одного человека появилась длительная цепочка, в которой каждый перенимал что-то гадкое от предыдущего.

Девица много размышляла на эту тему прежде, чем прямо перед ними появился склон. С натянутой улыбкой, она обратилась к зверьку:

— Господин лис, позвольте мне взять Вас на руки.

Лисенок запрыгнул в хладные ладони девушки. Он запросто мог спрятаться в её длинных, тонких пальцах. Аккуратно, медленным шагом, придерживая левой руке лисенка,

девушка начала спускаться по крутому склону вниз. Уже хорошо виднелся и сам Сакурин. Издалека город действительно казался цветущим, словно засаженный деревьями сакуры.

Выглядывая из рук нанаши, зверек глядел на местность и мысленно поддерживал девушку, чтобы та успешно спустилась. И вот, преодолев высокий склон, они уже оказались на территории Сакурина...

Рассеченные нити. Переплетение душ

Пройдя чуть дальше, спутников встретил небольшой мостик, перейдя который вот-вот окажешься на одной из улочек Сакурина. Под ним журчал узенький, да такой быстрый ручеек. Тот спешил на встречу к своим собратьям, что дожидались его в озере Санкаримицу.

На прозрачную водицу падали лепестки осенней сакуры. Деревце стояло прямо над мостиком, встряхивая на него и ручеек свои дары, что придавали эстетизма деревянной постройке. Вдруг, с него слетела бабочка и села напрямиком на носик лисенка. Тот перепугался, замотал головушкой и она взвилась на бурых, с ярко-фиолетовым отливом крылышках вверх.

Небольшой изгиб мостика придавал ему схожести с однотонной радугой. Переходя по деревянным дощечкам как по лесенке, поднимаясь то вверх, то вниз, компаньоны оказались у самого города. Их встретил небольшой торговый квартал.

Пока девушка рассматривала улицу, лисенок спрыгнул с рук молодницы. Тот прошел немного назад и поглядел на нанаша. Она заметила, что малыш пропал и обернулась назад. Зверек радостно подпрыгивал и фыркал, словно благодаря за небольшое, но увлекательное путешествие.

— Значит, Вы не пойдете со мной, мистер лис... — протянув свою руку, девушка погладила малыша. — Очень жаль, что нам придется расстаться только встретившись. Я в Вас души не чаю, но будь как будь.

Лисенок прижал ушки. Ему явно хотелось пойти дальше со своим новым другом, но понимал, что не может этого сделать.

— Ну что Вы, не стоит так печалиться, — улыбнулась ему нанаша, — любое странствие подходит к концу, но это же вовсе неплохо. Я безумно рада встречи с Вами, величественный лис, потому от всей души благодарна вам за такое забавное путешествие.

После этих слов зверек словно ожил, снова зафыркал и, улыбнувшись глазками, побежал назад в окрестности Цинкаина. Лисенок время от времени поглядывал на свою спутницу, что также со счастливым выражением лица стояла да провожала взглядом компаньона. И вот он уже скрылся за горизонтом.

Девушка повернулась назад и улыбка вмиг сползла с её лица. Она ясным взором окинула ареал города. Улица была переполнена жителями, но их лица не выражали совершенно никаких эмоций. Казалось, все, что им требуется для полноценной жизни находится именно здесь.

С обеих сторон стояли различные прилавки со всякой всячиной. По правый бок раскинулись лоточки с фруктами и овощами, мешки с крупами, а кое-где продавались даже морепродукты, что вылавливались лишь организациями, работающими на правительство, поскольку только им был разрешен доступ к морским портам страны.

По левую сторону торговали домашней утварью: сотканые полотна, разукрашенные от руки глиняные посуды, веники да и прочие приспособления, что в быту не будут лишними. Среди прилавков встречались и те, в которых продавали одежду и сувенирчики. В основном, они были импортированы из Цанахина, ведь на протяжении шести лет в государстве неустанно продолжается процесс ассимиляции, а значит, и прав на товар собственной культуры у людей нет. Большая часть жителей Сакурина и Цинкаина ходят в традиционной одежде лишь потому, что Цымыш минимализирует свой интерес к этим

городам; из-за этого поставок на новое одеяние для народа нет.

Пройдя немного дальше, можно заметить одинокие деревья, а в самом центре квартала расположился очаровательный *бонсай*, что был чуть выше нанаши. За прилавками также виднелись небольшие минки.

Справа от неё стоял мужчина средних лет. Тот любовался деревом, под которым лежал рыженький кот. Она-бугэйся подошла к нему и обратилась:

— Да здравствует ранняя заря. Любезный господин, могу ли я попросить Вашей помощи?

Мужчина посмотрел на девушку. Хотя он и заприметил катану, все равно ответил:

— Здравствует, здравствует. Конечно, чего желаете?

— Уж не изволите ли Вы подсказать мне дорогу к одному высокопоставленному лицу?

— А вам к кому, юная дева?

— К известному в этих краях чиновнику, Камацуи Ранбону.

Тот посмотрел на нанаши, едва сдерживая смех.

— Позвольте поинтересоваться, Вам к нему по деловому или по личному делу?

— Полагаю, что по личному.

Мужчина был крайне удивлен таким ответом, но расспрашивать не стал и лишь ответил:

— А вам немного здесь пройти, буквально метров восемьсот, там Вы заметите небольшую резиденцию □¹³□, где как раз должен находиться Ранбон.

— Премного благодарна Вам, — поклонившись, сказала девушка.

Мужчина наклонил голову в знак вежливости. Девушка обернулась и собиралась уйти, как вдруг вспомнила, ради чего с самого начала собиралась отправиться в Сакурин.

— Прошу меня простить, не могли бы Вы подсказать, а есть ли здесь трактир по близости?

— Вам крайне повезло, ведь по правую сторону от резиденции, ступая по прямой, Вы как раз увидите один приличный бар.

— Благодарю Вас вновь, — поклонившись да шустро направившись к резиденции чиновника сказала девушка.

Фумчанин же удивленно глядел нанаши вслед, мысленно думая про себя: «Да... впервые передо мной кланялся самурай, тем более женщина... В мире и не таких странностей повидаешь».

Вскоре, перед ее взором постала небольшая резиденция, своим видом напоминающая двухъярусную пагоду □¹⁴□. Внешне она выглядела довольно незначительно и просто. Само здание было белым, а изогнутая крыша с карахафу □¹⁵□ имела серый оттенок. Входная дверь же была темно-каштанового цвета.

Подойдя к самому входу в резиденцию, лицо нанаши переменялось с расслабленного, на серьезное, приобретая жадающее возмездия выражение. Девушка постучала в тонкую дверь, а изнутри озвался голос:

— Войдите.

Перед нанаши раскинулась просторная комната в кремово-коричневых оттенках. По бокам стояли деревянные полочки, а на них различные статуэтки, фигурки, посуда. В центре, на татаме □¹⁶□ цвета слоновой кости, расположился невысокий, из коры дуба, квадратный столик. На темном дзабутоне □¹⁷□ же сидел мужчина.

Он был среднего телосложения и довольно невысокого роста. Лицо Ранбона было круглым, на щеках сверкал ярко-розовый румянец. Над раскосыми миндалевидными

глазами, с беспросветной, как мрак, радужкой, располагались дугообразные черные брови. На голове раскинулись темные волосы в виде прически сакаяки □¹⁸□. Нос мужчины был длинным, а своей формой напоминал орлиный клюв. Губы же — тонкими, ровными, похожими на форму листика, а на подбородке росла темная козлиная борода. Сам чиновник был одет в бежевый бункан сокутай □¹⁹□.

Мужчина, рассматривая с головы до пят девушку, произнес:

— Что за прекрасная ле... — заметив катану за obi девушки «переобулся» мужчина, - ..что за хамское поведение?! Неужто, Вы правил не ведаете здешних?

— Прошу прощения, увидев тебя я и вовсе позабыла о том, что это государственная резиденция, — произнесла девушка, все ближе и ближе приближаясь к мужчине.

Угрожающим жестом она положила руку на катану, а затем резко вынула из ножен.

— Что за тон...! — заметив близость да перервав свое недовольство, сказал мужчина. — Э-эй, я ведь пошутил, убери свою...острую палочку... такой могущественной девушке я готов спустить все...

Направив острие к шее мужчины, нанаша вымолвила:

— Это ведь ты Камацуй Ранбон?

Мужчину охватил страх. Этот холодный, жестокий и пронзительный взгляд словно видел его насквозь и сжирал изнутри.

— Н-ну конечно я! Что е-ещё за вопросы такие?

Девушка увеличила напор лезвия на выя □²⁰□ Ранбона. Из-под катаны, небольшой каплей стекла горячая струйка алой крови.

— Ч-что ты творишь!? Убе...

— Тише. Скажи, это ты желаешь прикрыть лавочку «Тацуми бара»?

— Так ты за этим приш...

Немного увеличив напор катаны, девица заставила чиновника замолчать.

— Тебе стоит просто отвечать на мои вопросы, — грозным голосом произнесла нанаша.

— Н-ну я!..Да, я-я!

— Скажи, это ты позволяешь своим товарищам избивать собственную жену с ребенком, притом самолично учиняя рукоприкладство?

— Н-нет!! Это неп-правда! — со страхом в глазах едва ли вымолвил мужчина.

— Говори правду! — грозно прогремев и вновь надавив на лезвие, произнесла нанаша.

— Д-да было, б-было! Но, только раз! Т-то есть, несколько... — увидев презрение девушки, дрожащим голосом выказал Ранбон. — Я клянусь! Прошу, не убивай меня!! У-у меня ж-же семья!

Слова мужчины окончательно разожгли пламя ненависти и презрения в глазах мечницы.

— С какой целью ты творишь это? Чем ты вообще думаешь? — огласила та.

— Я не специ.... То есть, по глупости! Я-я в-ведь глупый, вот и тво-орю всякие неразумные вещи, п-прости меня, прости!!

— Глупость человека — не оправдание его безрассудных поступков. Даже самый неразумный человек может сотворить нечто полезное и праведное. Своими действиями, ты заслужил лишь каторг да пыток, но даже этого не хватит, чтобы замолвить все твои грехи!

— Н-не надо, пр-рошу, я в-ведь боюсь...

— Боишься? А твоя семья не боится? Ты думаешь, что они с радостью принимают столь зверское отношение?

— Н-но что я могу сделать... я в-всего лишь чинов...

— Чиновник? Есть ли смысл от этого титула, если ты не умеешь применять его в нужное русло? — прогремела во всю не своим голосом девушка. — Ты даже свою семью защитить не можешь, только прикрываешься ею! Раз уж ты чиновник, так почему же не пойдешь против этих глупых управ? Почему, хотя бы раз, не можешь совершить что-то не для себя, а ради дорогих тебе людей? Йоко так хочет посмотреть на океан, почему бы не воспользоваться титулом и не сводить её туда? Вокруг гибнут люди, пока ты бездействуешь, и далеко не чужие. Пойди против этих неотесанных законов, а если боишься, соверши, в конце концов, сеппуку □²¹□, сделай хоть что-то, что позволит зауважать тебя, иначе я самолично перережу тебе гортань!

— С-стой...ответь...Откуда т-ты знаешь Йоко...?

— Я случайно встретила её и обо всем узнала. Тебе должно быть стыдно за свои поступки.

— Вот как...но... что же будет по..?

— О последствиях поступка подумает уже после его совершения, — произнесла девушка более спокойным голосом да прищурив глаза. — Можешь бояться, это не грех и не проступок, наоборот, страх делает тебя живым. Но если из-за твоего опасения страдают другие, то это банальная трусость. Робей с ближними, а не наоборот.

Мужчина, хоть и не подавал виду, но внимательно выслушал все наставления нанаша.

— Скажи...ради ч-чего ты это делаешь?

После этого вопроса нанаша убрала меч от мужчины. Её голос стал куда более спокойным.

— Взгляни на себя, а после на мир. Представь, что же произойдет, если в нем не найдутся люди, с которыми у меня будет схожее мышление? Мир и так полон грязи, но есть ли смысл кануть в ней ещё больше? Есть ли обоснования нарекать общество грязным, не взглянув на него под другим углом? Существует ли смысл ненавидеть мир, видя лишь его худшие стороны? Сколько же бесчинств происходит? Не счесть, — девушка обернулась спиной к мужчине и произнесла. — Я делаю это лишь ради того, чтобы сыскать истину, сокрытую глубоко внутри моей души. Творю то, что считаю нужным, и не важно, имею я на это право или же нет. Просто знай, следовать правилам — не всегда идти верным путем. Праведность не в добропорядочности, и не в законе, а в сердце и чувствах. Если они противоречат друг другу, тогда уничтожай первое, ведь ты — человек, каким бы ни был.

Слова девушки заставили Ранбона надолго впасть в раздумья. Перед глазами мелькнули воспоминания, связанные с Кику. В их первую встречу, он подарил девушке хризантемы, благодаря чему и узнал её имя. Заветные встречи, прогулки, наполненные улыбкой, пережитое горе и радость придавали душе спокойствия с примесью тоски. Мужчина вспомнил и то, как сильно они, вместе с Кику, ждали Йоко, и сколько радостного блаженства испытали, впервые встретившись с малышкой.

— Взгляни, Ранбон, — нежным голосом произнесла возлюбленная сановника, преподнося девочку к мужчине, — правда же она миленькая?

— Правда, правда!

— Подержи её в своих руках.

— Кику, ты что, а вдруг я уроню малышку?

— Держи очень крепко, ведь она — частичка тебя, частичка меня, — с улыбкой на лице произнесла женщина.

Коллебясь да боясь уронить девочку, Ранбон все же взял её на руки. Она улыбалась отцу, а тот в свою очередь смеялся.

— Она так похожа на тебя! — произнес мужчина. — Может, назовем малышку твоим именем?

— Ну что ты, зачем же нам две Кику в доме? Спутаешь ещё, небось, — с насмешкой произнесла молодница.

— Ты права, ха-ха!

Недолго думая, мужчине пришла в голову мысль:

— Слушай, а давай она у нас будет Йоко? — с блеском в глазах спросил Ранбон у своей возлюбленной.

— Дитя океана, значит? Думаю, ей очень подходит.

С искрой в глазах, он глядел на жену и ребенка, опосля выпалив:

— Кику, Йоко! — приобняв жену на руках с маленькой девочкой, произнес он.

Радостные моменты их совместной жизни пролетели перед глазами. Вспоминая позабытое, мужчина произнес:

- Кику, Йоко... — жалобно вымолвил он.

Этот момент запечатлелся в памяти как нечто важное и утерянное. Вдруг, перед глазами мелькнуло ещё одно воспоминание. Это было шесть лет назад, когда Йоко стало всего лишь два года. Она с родителями находилась в белом и мрачном, словно смерть, здании с высокими потолками.

— Кику, Ранбон, — приближаясь, прозвучал тонкий женский голос, — вижу, вы в добром здравии. Рада видеть лучезарные улыбки на таких трудолюбивых лицах.

— Госпожа Ландарин! Рады Вас приветствовать, — произнесла Кику, после чего привстала и девушки поклонились друг другу.

К девушке в маске подбежала маленькая Йоко. Она очень любила девушку и считала своей старшей сестренкой.

— Сестленка Ландалин, сестленка Ландалин! — неправильно произнеся слова, радостно закричала девочка.

— О, как погляжу, малышка Йоко тоже тут, — присев да поглаживая головушку девчонки произнесла она. — Я уже успела по тебе соскучиться.

Девочка приобняла свою названную сестренку и не хотела отпускать.

— Ландарин, она так любит Вас. Поражаюсь тем, как Вы притягиваете к себя людей! — с восхищением произнесла возлюбленная чина.

— Ха-ха, — с легкой насмешкой ответила девушка, — пожалуй, этим даром меня наградила природа.

В приятной и теплой атмосфере царил покой. Вдруг, прозвучал любопытный мужской голос:

— Главнокомандующая Ландарин, доброго здравия. Скажите, что с запланированным вторжением?

— Здравствуй, Ранбон. Все произойдет ровно через семь часов. Мы начнем выдвигаться как только соберется хотя бы две трети армии.

— Благодарю Вас за ответ.

Он был одним из командующих подразделений «Death 2». Девушка заметила несколько поникшие лица семьи и сказала:

— Не стоит об этом сейчас думать, — выпустив из рук девочку, Ландарин обратилась к

её родителям. — Лучше насладитесь подольше времяпровождением друг с другом. Не буду Вам мешать, вскоре встретимся. Хорошенько отдохни перед боем, Ранбон.

Мужчина поклонился ей в знак благодарности. Девушка с улыбкой на лице обернулась и начала уходить.

— До скорой встречи, госпожа Ландарин. Мы всегда рады видеть Вас! — обратилась Кику к молодежи.

Главкомандующая помахала рукой и скрылась в тени здания.

Вскоре, после недолгого счастья, произошло трагическое событие, что убило всю радость в глазах семьи Камацуй. На войне, в которой погибло сотни тысяч человек, и, по словам господина Тацуми, никто не выжил, все же сумел спастись господин Ранбон. Мужчина бежал изо всех сил, едва глядя куда. Его глаза были наполнены страхом и горечью не столь от смерти товарищей, как от названного предательства и побега Ландарин. Он не верил в это и, по возвращению домой, на протяжении месяца пытался доказать всем невиновность своего командира. Уставший, днями и ночами Ранбон пытался исправить навязанное мнение о девушке, за что и заработал роль посмешища. Его труд не дал совершенно никаких плодов, лишь гнобление и презрение со стороны народа, потому и вынужден был сдаться. Возвращаясь домой, мужчина видел лишь жену, оплакивающую погибших воинов, и дочь, что все спрашивала, когда придет сестренка.

Через небольшой промежуток времени, малышка узнала о кончине Ландарин, а вместе с этим познала и все тяготы жизни. Семья сильно обеднела. Камацуй Ранбон решил податься в чиновники, дабы позволить им хоть как-то выживать, но успехов почти что не было. Ему нужно было любыми способами исправить свою репутацию, потому, тот отсекся от идей борьбы за менталитет государства и освящении имени главкомандующей. От тяжести искупления, мужчина начал выпивать, нашел собутыльников, а заработанные деньги тратил только на себя. Он и вовсе позабыл о желании сделать возлюбленную и дочь счастливыми.

— Ранбон, — холодно произнесла девушка, — меняйся, пока ещё не поздно. Только ты можешь сделать дорогих тебе людей счастливыми.

Сказав последние слова, она приблизилась к двери. На мгновение, в глазах господина оказалась не нанаши, а Ландарин. Он подумал про себя: «Я верил... Искренне верил, что дух живущий в тебе никуда не исчезнет, даже через десятки лет...». Погрузившись в свои мысли, единственным, что смог из себя выдавить Ранбон, было млявое «спасибо». Услышав слова благодарности, на лице молодежи воцарили спокойствие и умиротворенность. Она с чистой душой покинула резиденцию. Теперь, изголодавшаяся девушка держала курс в трактир, где ту поджидало вкуснейшее саке.

Шаг был довольно легким, словно тело сбросило лишний груз. И все же, в ногах чувствовалась некая усталость. Пройдя несколько сотен метров, перед девушкой раскинулся долгожданный трактир — «Вельзевул». Он был несколько больше, чем «Тацуми бар», однако, в отличии от него, по своему виду больше напоминал огромный киоск. Бордовая, объемная надпись сияла на правом боку верхней панели. Сам шинок был выполнен в красно-белом стиле со внешней стороны. По бокам двери расположились два небольших окошка, а рядом с ними различные иероглифы. Сквозь приоткрытую белую дверь, открывался вид на аккуратную барную стойку.

Нанаши вошла в трактир и направилась к заведующему. За барной стойкой сидел мужчина, а позади него находился бармен. Вероятнее всего, хозяин был нездешний. Его выдавал нестандартный для Фумецу внешний вид. Мужчина был высоким, худым, на вид лет

шестидесяти. На узком лице лишь кое-где встречались морщинки. Сивые волосы были зачесаны назад, а из-под седых тонких бровей выглядывали голубые соколиные глаза. Величавости птицы придавал ему и узкий римский нос. Выигрышно смотрелись и седовласые длинные тонкие усы, что спускались по краям верхней губы и свисали ниже подбородка. На его теле был очень непривычный костюм. Верхнюю часть украшала красная бабочка, что сияла на фоне белой рубашки. Поверх неё располагалась черная жилетка, а низ же был облачен в темные штаны и черные кожаные туфли. Внимательно присмотревшись, можно заметить небольшое вшитое наименование на левой части жилета, на котором написано его имя и фамилия. Мужчину звали Гилберт Дарламанов.

Приблизившись вплотную к барной стойке, девушка присела на высокий деревянный хокер и обратилась к господину. Однако, при нестандартном стечении обстоятельств, она, совместно с мужчиной, сидящим справа, одновременно огласили:

— Прошу, подайте мне о-тёко □²²□, да с ароматной выпивкой!

Девушка удивилась и украдкой взглянула на парня, а тот уже с приподнятыми бровями глядел на неё. Они смотрели друг на друга и рассмеялись. Так началась короткая история двух товарищей по чаше.

Бармен отрек:

— Одну минуточку, — и протянул посуды к посетителям, одновременно выискивая кувшин лучшего sake.

Возле нанаши сидел мужчина, примерно того же возраста, что и она. Его кожа была несколько темнее, чем у девицы, но даже так сияла. Парень был достаточно высокого роста и среднего телосложения. На его треугольном лице все внимание к себе привлекали томные серые глаза феникса. Над ними величаво выглядывали темные изогнутые брови, что редко бывают насупленными. На голове расположились темные длинные волосы, завязанные в небольшой хвостик, что вот-вот распадется. Из-под них выглядывали уши, на мочке которых свисали две серебряные каплевидные серьги. Шея была длинной, а на ней расположился небольшой выступ гортани. Сей мужчина был облачен в изящное и одновременно простое кимоно, поверх которого раскинулось длинное черное хаори, а под катаной, что тот носил через плечо, сверкал уже знакомый девушке символ инь-янь.

После недолгого ожидания, мужчина разлил ароматное нихонсю □²³□ по чашам обоим посетителям. Аромат слегка охлажденного sake пленил девушку. Вдруг, подняв превосходное питво, нанаши огласила:

— Не чужда мне Ваша любовь к sake, потому хочу поднять о-тёко вкуснейшего нихонсю за нашу встречу!

Мужчина, с ухмылкой на лице ответил:

— Ну что ж, — преподнеся чашу на тот же уровень, что и девушка ответил мужчина, — не смею отказать.

Обменявшись взглядами, напарники выпили содержимое из чаши.

— Ах, до чего же вкусное питво нам подали сегодня, — с расслабленной интонацией произнесла нанаши.

— Полагаю, Вам довелось посетить лишь малую часть прекраснейших трактиров?

— Все так. Кажется, Вы местный, — с улыбкой произнесла девица, — возможно, коль не жаль, поведаете мне о лучших барах сего государства?

— С превеликим удовольствием, — огласил мужчина.

Так, не зная даже имен друг друга, новоиспеченные товарищи обменивались мыслями о

выпитых напитках и предпочтениях. Мужчина поведал девушке о различных барах, в которых подается лучшее саке, давая им общую оценку. И вот, их встреча и приблизилась к своему завершению. Одновременно поблагодарив да попрощавшись с владельцем, те вышли за пределы бара. Пройдя немного вперед, перед ними показался вид на просторный луг. Собеседники зрели на чарующую панораму. Дул легкий ветерок.

— Скажите, — все также глядя на умиротворяющий пейзаж, обратился к нанашу мечник, — Вы верите в судьбу?

Девушка также глядела на великолепный кругозор и с улыбкой на лице ответила:

— Ничуть.

— И почему же?

— Не существует того, что способно вечно идти по предрешенному плану. В любой момент исход может перемениться, и на то не воля небес, а лишь последствие конкретного выбора.

— Вполне разумное объяснение... — недолго думая, спросил он. — А, как Вы считаете, какова вероятность того, что наши пути более не пересекутся?

Немного призадумавшись, она-бугэйся ответила:

— Думаю, невелика. Что-то мне подсказывает, что мы ещё встретимся однажды. Возможно, после этого, я поверю в судьбу.

— Ну, а я, пожалуй, повешу этот вопрос ей на плечи.

— Хах, однако, если бы у меня был выбор, я бы предпочла оказаться не права и пропустить с Вами ещё по чашечке нихонсю.

— На все воля небес, и до тех пор, я буду ждать этого знаменного дня.

— Пожалуй, соглашусь.

Мужчина обернулся и промолвил:

— Что ж, до встречи, — пройдя дальше и помахав рукой произнес он. — Надеюсь, мы ещё встретимся, безымянная.

Нанашу была крайне удивлена такому заявлению мужчины. В её глазах отобразилось недоумение, и та резко повернула голову в его сторону. Она не понимала, знал ли он правду о её имени, или же сказал так из-за недосказанности.

Вздохнув, она ответила: «До встречи», но тот, кажется, не услышал.

Девушка сдвинулась с места и направилась дальше. Легкий вечерний ветерок вел её к панораме. Повернувшись, она спустилась вниз к луку и тут же погрузилась в мысли о его красоте. Передвигаясь по высокой травнице, можно услышать тихое стрекотание кузнечика. Так ему весело, что как прыгнет на цветочек, сразу же начнет петь: к-к-к, а вокруг него сплелись в танец цветок с колоском, зелень с жучком, небо с землей. Вдали виднелись бескрайние просторы. Посреди них, раскинулось небольшое озеро, а на нем приятная глазу двухъярусная минка □²⁴□ с изогнутой крышей.

Подойдя ближе, девушка присела на берегу прекрасных вод, наслаждаясь видом. Казалось, ничего не предвещает беды, вот только на душе было как-то беспокойно.

Лязг и сердце. Другая сторона медали

Все также сидя на берегу озера, девица глядела на кристально чистую воду. Время от времени с неё выпрыгивали рыбки, что с интересом поглядывали на сушу. Наверняка они не раз задумывались, как же эти существа, именуемые людьми и зверями, обитают на ней. Поразмышляли, заинтересовано взглянули на окружающий мир вне вод, и поплыли назад в родные истоки. Вдоволь насладившись живописным видом, нанаша, сомкнув свои изумрудные глаза, расслаблено вслушивалась в звучание природы. И, все же, как-то беспокойно было на душе...

Вот уже начало смеркаться. Над девицей раскинулось холодное синее небо. Неподалеку, из домика на воде, вышел мужчина. Тот глянул на небосвод, а после и на сидящую у берега девушку. Казалось, словно он увидел человека, встречу с которым так трепетно ждал. Стремительным шагом, силуэт спустился по невысоким ступеням и направился к бледнолицей онне-бугэйси. Вдруг, переменив ходьбу на бег, он загорланил. Раздался знакомый голос:

— Нанаша! — оклинул он младую особь. — Наконец-то ты здесь. Настало время сразиться!

Кончики ушей девицы зашевелились. Приоткрыв свои глаза, в которых отобразилось презрение, умиротворенное выражение лица вмиг переменялось на недовольное. Тяжко вздохнув, она повернула свою голову. На встречу к ней, обнажив меч, бежал Юцуна. Девушка вмиг привстала и ринулась в сторону города.

Парень уже догонял мечницу, он однозначно был шустрее, однако между ними все ещё была небольшая дистанция.

Пылким взглядом, мечник глядел в спину девицы. С некой ухмылкой на лице, он громогласно обратился к нанаша:

— Эй! Куда это ты убегаешь?

— Была рада нашей короткой встречи, однако мне следует поторопиться, — слегка повернув голову в сторону противника отрекла девушка.

— Ты что, совсем забыла, что пообещала мне сразиться при следующей встрече?! — рявкнул Юцуна.

— Вот при следующей и сразимся. Своих слов на ветер я не бросаю, а теперь, позвольте откланяться.

Они бежали нога в ногу с ветром. Парня возмутил отказ мечницы, однако он не покидал своего желания сразиться с ней.

— Тогда сразись сейчас! — с недовольным выражением лица прогремел он.

— Мне крайне жаль отказывать Вам, но не в этот раз, — все также непоколебимо звучал голос нанаша.

Вновь ярый приступ агрессии и разочарования нахлынул на самурая. Своим разъяренным голосом, тот прогремел:

— Почему ты сбегаешь с поля боя?! Я в жизни не поверю, что так называемая «нанаша» слабая и боится быть поверженной по-настоящему, ведь видел, как ты намеренно проиграла в прошлый раз. Пришло время расплатиться за свою наглость!

Девушка взглянула на парня, но ничего не ответила. Противники уже добежали до торгового квартала, который та, относительно недавно, покинула. Вдруг, направив свой

взгляд вперед, мечница заметила мужчину, что собирался идти к ней на встречу. Он неуверенно окликнул её:

— Г-госпожа нанаши...!

Её чирковые глаза расширились от удивления. Прищуриив свои очи, с опасением, мысленно произнесла: «Трактирщик».

Противники были всего лишь в десяти метрах от господина Тацуми. Казалось, вот-вот они столкнутся, однако девушка резко вынула меч из ножен и заблокировала атакующий клинок. Раздался громкий лязг двух обозленных противников.

— Прекратите, Юцуна, — с некой грубостью промолвила онна-бугэйся, — я не имею желания сражаться с Вами в сию минуту.

— Тогда объясни, почему ты вновь избегаешь боя, — удерживая напор лезвия на оружие противницы, произнес мечник, — я хочу услышать истинную причину твоего отказа!

Они сопротивлялись нападению друг друга. Глаза противников передавали всю серьезность сказанных слов, а мечи в их руках словно пожирали друг друга.

— Мне проще сдаться в несуразном бою, нежели вести грязную игру. Это сражение не на равных, и ты понимаешь, о чем я.

— Намекаешь, что твоя сила превосходит мою?

Между ними все больше и больше нарастало напряжение. Бармен наблюдал за происходящим с ноткой опасения. Он прибыл в этот город, как только Камацуй Ранбон оповестил его о том, что продолжит финансировать заведение мужчины. По словам чина, некая девушка помогла переубедить его в этом. Безусловно, хозяин бара сразу же осознал, о ком идет речь, потому, переборов свой страх, он промолвил:

— Г-госпожа нанаши... Я ждал Вас...!

Взгляд девушки переметнулся с противника на ожидающего бармена. Присутствие трактирщика вызывало необузданное любопытство. Переняв взор с господина Тацуми, она обратилась к Юцуне:

— Прошу, опустите свой меч хоть на мгновение.

Он взглянул на противницу с пренебрежением, но таки прислушался к просьбе молодежи. Они ослабили хватку и утомили полыхающих от ярости товарищей. Повернувшись лицом к мужчине, девушка заинтересовано спросила:

— О чем Вы хотели поговорить со мной, господин Тацуми?

Услышав сей вопрос, его глаза наполнились страхом. В этот же миг, мужчина встал на колени перед бродяжкой и склонил голову. Такой поступок не мог остаться без внимания.

— Что Вы делаете? — с непониманием произнесла мечница.

— Я хотел искренне поблагодарить В-вас за то, что замолвили за меня с-словечко перед высокопочтенным господином Ранбоном!

— Не стоит благодарности, однако не могли бы Вы встать? Я ведь не собираюсь убивать Вас.

— Ах, да! — мужчина резво поднялся. — Хотел сказать, что, в благодарность за помощь, двери моего трактира всегда открыты для Вас!

— Ох, это так великодушно с Вашей стороны, от всего сердца благодарю.

— И... ещё! Все sake... точнее, вся выпивка в заведении теперь совершенно бесплатна для Вас!

После этих слов на лице девушки воцарила улыбка.

— Взаправду? Крайне рада слышать это!

— И ещё... — помутнев, произнес он. — Хигин, который Вы попросили меня найти..

Услышав эти слова, Юцуна воодушевился. Он приставил лезвие катаны прямоком к спине нанаша.

— !

— Так что с тем хигином? — спросила девушка.

— Госпожа... сзади... — со страхом в глазах едва сумел произнести бармен.

— В чем дело? — собиралась уже обернуться мечница, как голос парня остановил её.

— Тебя не обучили тому, что к противнику нельзя поворачиваться спиной и, при этом, считаешь себя сильнее меня?

— Оу, — выдала нанаша. — Вы прервали нашу беседу...

— Выпусти этого мужчину из своих когтей, глупая белая лиса.

Тацуми удивленно взглянул на мечника и подумал: «Меня что-ли..?»

— Не могу. У нас с ним негласный договор, — все так же хладно произнесла она.

— Если сразишься со мной, я самолично приведу тебя к любому хигину. Я осведомлен всеми их расположениями.

Девушка наострила уши. Её однозначно заинтересовало предложение самурая.

— Неплохой ход, да и предложение приятное, однако, — она-бугэйся схватила острие меча и оттянула в сторону, — этого недостаточно.

Зажав в руке лезвие катаны, из-под неё стекли капли крови. Острие глубоко впилося в длань девушки, из-за чего, возможно, останется шрам. Юцуна однозначно не ожидал подобного поворота событий.

— Не перестаешь удивлять, фальшивка, — с опасением и ухмылкой на лице произнес он, — в таком случае, к своей ставке я добавляю любое твоё желание, но лишь одно.

Нанаша взглянула в глаза мечнику и улыбнулась.

— Господин Тацуми, — обратилась она к трактирщику, — можете быть свободны.

— Но я ведь не отдал Вам координаты...

— Не нужно. Я попробую выворотить себе проводника.

— В таком случае, хорошо... н-но если Вам понадобится моя помощь, то всегда буду рад помочь..!

— Благодарю.

Мужчина поклонился и подался в город. Под заходом солнца стояли два мечника, готовых сразиться друг с другом, в этот раз, уже по-настоящему. Не прошло и недели с того момента, как они точно также стояли в предвестии боя, только на улочках Цинкаина.

— Я и подумать не мог, что такая «правильная» девушка, как ты, может оказаться такой глупой, — отрек парень.

— А Ваш пыл все никак не угаснет. Надеюсь, что наше поле боя не восплает, — с улыбкой на лице произнесла нанаша.

— Хах, насмехаешься надо мной?

— Что Вы, ничуть, — направив острие меча прямоком на парня произнесла девушка. — Я ведь уже молвила ранее, что сочла Вас достойным противником.

— Теперь я точно убедился, что кроме лица у вас нет ничего общего с белокрылой нимфой.

— Значит, мне удалось доказать Вашу неправоту. Что ж, это радует.

— Да, да, наслаждайся, пока можешь. Готовься, — промолвил парень и в ответ направил острие окровавленного меча, — ты ещё заплатишься за то, что так оскорбила

Якету.

— К слову, если так подумать, Вы ведь не сказали, чего возжелали в случае победы.

— Точно. В таком случае, — задумчиво произнес Юцуна, — ты извинишься перед моей катаной.

— О? — удивленно произнесла девица. — Это взаправду все, чего Вы желаете?

— Этого более чем достаточно.

— Весьма похвально.

После эдаких слов, все вокруг умолкло. Воцарилась тишь да гладь. Противники направили мечи друг на друга. Над ними повисло темное небо, время от времени дул прохладный ветер.

— Нападай! — произнес Юцуна.

Девушка слегка ослабила свой шарф и мгновенно ринулась вперед. Она, соверша единственный шаг, оказалась за спиной парня. «Что за..!», — подумал про себя противник и резко обернулся назад, но мечницы уже не было. Нанаши была шустра, аки молния, да и в скорости атак, казалось, ей нет равных. Углядев движение ловкой девицы, парень сдержал громогласный рев льва. Их мечи встретились лицом к лицу. Он едва успевал удерживать нарастающую серию атак. Вдруг, девица вновь скрылась из поля зрения. Ошеломленный Юцуна огляделся по сторонам. С его лба стекали небольшие капельки пота. В тот же миг, кшее, легонько, словно невесомое перышко, прикоснулся небольшой поток воздуха от взмаха меча. Самурай сумел обернуться да направить свою саблю с целью защититься от вальяжного оружия, как в мгновение ока, нанаши вознесла сияющее орудие вверх и нанесла несокрушимый урон катане противника. Раздался громкий лязг. Направив всю свою силу в хрупкое лезвие меча, она одним ударом выбила из рук парня снаряжение. Окровавленная сабля лежала в метре от мечника, а сам он находился в оцепенении.

— Вот Вы и проиграли, — спокойным голосом произнесла девушка. — Довольно неприятно получать атаку со спины, не так ли?

В глазах самурая отображался шок от происходящего. Он не смог описать словами то, что испытал сейчас, только лишь не сказанные слова произносились в его голове: «Я ведь... даже не успел использовать хотя бы одну технику...». Юцуна стоял неподвижно. Казалось, что его и вовсе здесь нет.

Нанаши переняла свой взгляд с парня на катану. Она запрятала свой меч обратно в ножны и, легко ступая, подошла к оружию противника. Присев, девушка взяла его в руки и произнесла:

— Прошу простить меня, высокопочтенный Якету, за то, что мне пришлось обойтись так с Вами и Вашим товарищем, — направив свой взор на острие меча, по середине которой поблескивала небольшая царапина от предыдущего сражения, обратилась девушка. — Также, мне бы хотелось извиниться за столь грубое поведение. В самом деле, у Вас хороший владелец и я по-прежнему расцениваю вас как достойных противников.

Эти слова ещё сильнее поразили Юцуну, но, все же, смогли зажечь огонек в его душе. Не поднимая взгляд, мечник посмотрел на девицу. Она вытирала алую кровь на клинке о свое хаори, после чего встала и преподнесла меч парню.

— Возьмите, Юцуна, — преклонив голову произнесла бродяжка.

— Почему? — тихим спокойным голосом произнес парень.

— О чем это Вы?

— Я ведь проиграл, но ты все равно извинилась перед моим мечом... Почему?

Услышав такой вопрос, девушка улыбнулась и ответила:

— Я сделала это потому, что действительно опорочила Вашу честь как самурая. В движениях Ваших рук чувствуется опыт, не смею усомниться, что способности, которыми обладает Якуту не менее поразительны. К тому же, в конечно итоге нам довелось сыграть грязную игру, за что мне искренне жаль.

— Вот как... — облегченно да с печальной улыбкой на лице произнес он. — В таком случае, мне бы тоже стоило извиниться за свою грубость.

— В этом более нет необходимости.

— Есть.

Парень встал перед мечницей и совершил низкий поклон.

— Я искренне раскаиваюсь за свое нахальное поведение и благодарю за то, что Вы согласились провести со мной поединок. Потому, позвольте спросить, чего Вы желаете за свою победу? И не смейте отказываться от этого.

Нанаши удивилась такой вежливости со стороны грубого и вспыльчивого парнишки да лишь хихикнула на это.

— Что же те... Вас так позабавило?

— Неужто, для Вас, Юцуна, это действительно так важно? — прикрывая усмешку хрупкой дланью все молвила девушка.

— Да, так и есть.

— Хм-м... Коль настаиваете, то я желаю, чтобы Вы примкнули к моему путешествию.

— Ты... то есть Вы, предлагаете мне покинуть «Девятнадцать великих сил» и присоединиться к Вашему путешествию?

— Но, если не хотите, то..

— Хочу. — перебив девушку да подняв взгляд произнес парень. — Я действительно хочу преследовать Ваши идеи, нанаши.

— Ох, я безумно рада слышать это, Юцуна.

— Однако... позвольте ли Вы мне отправить последнее письмо Окубе Кэтсеро?

— Не смею перечить.

— Благодарю, нанаши.

— Но, есть то, что я бы хотела Вам огласить, — дожидаясь разрешения произнесла мечница.

— Слушаю.

— Я не буду главой.

— А? — удивленно взглянув на девушку произнес он, — В каком это смысле?!

— Тише, не стоит так горячиться. Мои слова подразумевают то, что я буду стоять во главе будущей организации лишь формально, но для участников я — просто товарищ. Потому, обращайтесь ко мне на «ты».

— Тц... Глупости, но возражать не стану. К тому же, я с самого начала обращался к тебе так.

— Удивительно, что после боя ты обратился ко мне на «Вы»

— Что было, то прошло.

— Ха-ха, — рассмеявшись произнесла девушка, — будь так. Как насчет того, чтобы войти в торговый квартал и написать лист? Хоть уже и вечер, думаю, мы успеем отправить письмо вовремя.

— Было бы неплохо.

Войдя в город, Юцуна направился к лоточкам, в которых продавались листы с чернилами. После, он присел на ступени одного из многочисленных зданий и начал создавать письмо «Девятнадцати великим силам».

Спустя небольшой промежуток времени, лист был написан.

— Кажется, все.

— Отнюдь не пожалеешь ли об этом?

— Не знаю, — огласил и начал подготавливать лист для отправки, — мне действительно дорого то место, но..

— Но?

— Я бы хотел находиться под руководством такого человека, как ты.

— Однако, я ведь не руководитель, — отрекла нанаша.

— Не суть. Это ведь ты предложила мне вступить, значит ты — главарь.

— Сочтем это незначительной деталью нашего странствия.

— К тому же, твои идеи мне ближе, нежели в силах. Слишком редко нам позволяли убивать кого-то.

— Неужто ты рассчитываешь на то, что я поведу тебя за собой ради бесчинства?

— Ой, ну ладно тебе. Не умничай лучше, а то я чувствую себя ущемленным.

— Прости-прости, не хотелось задеть твое чудное самолюбие.

— Снова насмехаешься надо мной?! — возмущенно произнес Юцуна.

— Ни в коем случае, — с улыбкой на лице отмахнулась девушка.

Парень перенял свой взгляд на письмо. Ему действительно было жаль расставаться с уже родным местом, где из него вырастили и воспитали достойного воина, и, ради того, чтобы взрастить в себе куда более умелого мечника, он решил присоединиться к нанаша. «Что-то мне подсказывает, мол это будет великая организация, которая переплюнет даже дизов из «Death 2».

Собрав волю в кулак, самурай поднялся и обратился к девушке:

— Настало время менять что-то. Если хочется что-то заполучить, придется чем-то пожертвовать, — серьезным голосом произнес Юцуна.

— Кажется, наше знакомство идет тебе на пользу. Столь прекрасных высказываний более не услышать.

— Не умничай, нанаша, — возмущенно огласил парень.

Тихие улочки были наполнены фонарями, что освещали путь. Новоиспеченные товарищи подались к почтовому ящику, дабы передать письмо. Вот они и дошли до пункта назначения, оставили сообщение для бывшей организации Юцуны. Он снял свое хаори да оставил на ступенях темного здания, расположившемся неподалеку от ящика.

— Завтра приобретем тебе новое хаори, Юцуна.

— У тебя ведь есть на это деньги? — ответил он.

— А? Разве твои деньги не при себе?

— Я потратил последние 40 нан на лист с чернилами.

— Взаправду?

— Стой. Ты же не хочешь сказать, что...

— Смею предположить, что ты все правильно понял.

Разочарованные спутники переглянулись и двинулись в неизвестность, дабы найти место, где можно переночевать. Они шли по извилистому пути, медленно пробираясь сквозь густую тьму, уверенно направляясь в неизведанные края.

В то же время, за ними следовала неизвестная фигура, что всячески пыталась спрятаться во мраке.

Воссоединение. Созданные, но не совершенные

Блуждая в полумраке, две особи все также держали курс в неизвестное направление. Вот уже и приближался восход солнца. Постепенно проявлялась золотая заря, что так жаждала увидеть новый день. Прохладный ветер колыхал листву деревьев, осыпая багровые краски на студеную желтовато-зеленую траву.

Обессиленные спутники присели на холодную утреннюю землю, та вся была усыпана росой. Один из них выглядел крайне измотанным, в то время как второй все ещё мог продолжить свое странствие. Тяжко вздыхая, он обратился к спутнице:

— Ха... Чертова нанаши, я уже жалею, что пошел с тобой. Мы трепались всю дорогу в покрове ночи, но так и не нашли, где заночевать. Я уже весь окоченел от такой холода. Мне определенно не стоило оставлять свое хаори, — недовольно произнес Юцуна и разлегся на багрово-зеленом холсте.

— Ох, ну скажешь тоже, — с усмешкой произнесла девица. — Коль ты так замерз, возьми мое хаори. Думаю, оно будет тебе в самый раз.

Парень поглядел на девицу да сразу же отвернул голову в противоположную сторону.

— Нет уж, спасибо. Обойдусь, — произнес он с некой печалью. — К тому же, сколько не смотрел, ты постоянно ходишь в этом шарфе, даже когда тепло. Судя по всему, ты излишне восприимчива к холодам.

— Хах... — произнесла девушка с улыбкой, как в сию же секунду её голос переменялся на опечаленный. Она схватилась за шарф и отекла, — не только к ним.

Ответ нанаши крайне заинтересовал парня. Недолго думая, он спросил:

— В каком это смысле?

— Не знаю, как было раньше, однако в день, когда я очнулась, на мне уже был этот шарф.

— С того дня ты его носишь? Но зачем?

— Верно. Дело в том, что делаю я это не по своей воле, — печально произнесла она, бугэйся да приподняв рукой частицу черно-белой вязи взглянула на него. — В тот же день, мне хотелось попробовать снять его, но...

— Но? — удивленно спросил парень.

— Мои руки, а вскоре и все лицо начало покрываться льдом. Такое происходит лишь при условии, что шарф снят и тело ощущает невыносимый холод.

Мечник крайне удивился такому ответу, да и поверить в нечто подобное тяжело.

— Ты сейчас серьезно? — без намека на агрессию прозвучал заинтересованный голос.

— Абсолютно, — взглянув в глаза парню произнесла она. — Но тепла это тоже не обошло стороной. При высокой температуре, тело начинало пылать, как в агонии. И это не метафора, такое происходит наяву.

— Что ж, — задумчиво ответил Юцуна, — не знаю, правда это или нет, и уж тем более чем вызвано такое состояние, но, получается, ты в любой момент можешь просто умереть?

— Я особо не отличаюсь крепким здоровьем, потому, смею предположить, что так.

Они долго глядели друг другу глаза, поочередно моргая. Находясь в полном недоумении, самурай произнес:

— Аргх, — прорычал он и вновь лег на осеннюю землю, сложив руки за голову, — как все сложно.

На это девушка лишь рассмеялась. Они лицезрели восход пылкого солнца, что мог бы согреть холод в их сердцах да телах.

— Вот и взошло на небосвод чарующее солнце, — произнесла нанаши.

— А я так и не поспал, — недовольно отрек парень.

— К слову, Юцуна, мы ведь встретились в тот же миг, когда ты покинул дом на воде, почему же не вернулся, дабы переждать ночь?

— Я бы, конечно, мог, но тот дом принадлежал моему товарищу из сил, а раз уж покинул их, то и дорога мне туда закрыта. К тому же, мне ведь нужно провести тебя к хигину.

— Вот как, довольно печально. Однако, выходит, что мы сейчас идем к оболочке Сакацуя?

— Так душу твоего меча зовут Сакацуй? Забавно, — привстав, произнес парень, — но, вообще-то, все время мы выходили из города, однако я понятия не имею, в каком направлении нам идти, чтобы попасть в Ранзильем. К тому же, это неприступная

территория.

— Хм, неприступная территория, значит... — задумчиво произнесла девица, — первым делом, нам необходимо выведать, в каком направлении держать курс.

Вдруг, из ниоткуда, озвался чей-то мужской голос:

— На север.

От неожиданности, спутники передернулись. Они явно не рассчитывали, что в этой глуши может быть кто-то, помимо природы да зверей.

По ссохшейся траве, неспешным шагом, приближался незнакомый силуэт. Девушка обернула голову, и улыбка вмиг расцвела на её опечаленном личике. Нанаши радостно огласила да помахала худощавой рукой:

— О, это ведь ты, тот парень из «Вельзевула». Рада тебя вновь встретить!

Подходя все ближе и ближе, он окликнул девицу и выражение его лица вмиг переменялось на улыбку:

— Наконец-то я нашел тебя.

Юцуна же был очень удивлен и, в какой-то мере, напуган.

— Нозоми... Что ты здесь забыл? Не уж то следовал за нами?

— Так вы знакомы? — произнесла девушка, взглянув на парня.

— Юцуна, кажется, ты не рад?

В горле мечника застрял ком. Он не знал, что ответить своему наставнику.

— Не то что бы, но зачем ты последовал за нами? — удивленно спросил он.

— Ты покинул «Девятнадцать великих сил» и даже ничего не сказал мне, — произнес, доставая спичку из спичечного коробка, да поджигая его, — я не следовал за вами, а пришел чтобы заявить...

Нозоми прикоснулся полыхающей спичкой к своему плащу, как тот вмиг воспылал. Спутники шокировано наблюдали за тем, как из-под черной накидки проявлялось совершенное такое же объемное хаори, но уже без символа инь-янь. Огонь затягивал к себе темную ткань, не нанося мельчайшего вреда иному одеянию парня. Это было по истине впечатляющее зрелище.

— ...я отрекаюсь от сил и присоединяюсь к твоему странствию, всеведущая нанаши!

В глазах девушки виднелся огонь от последнего лоскутка одеяния. Вот он и погас. Холодный ветер стряхивал тлеющую ткань, аки избавлял от лишних воспоминаний.

— Что? Не уже ли, ты хочешь сказать, что так легко отказываешься от сил, Нозоми?!

— Умерь свой пыл, Юцуна. Не только ведь тебе дозволено совершать желаемое, — промолвил он и перенял свой взгляд на девушку. — Что скажешь, безымянная спутница?

Избегая удущья от столь накаленной атмосферы, она оттянула шарф, и приподнявшись, взглянула на собеседников.

— Посмотри, что ты наделал! По твоей вине она может погибнуть! Даже не говори, что не подслушивал нас, — с испугом да агрессией произнес мечник.

— Не стану, — спокойно отрек Нозоми и взглянул на нанаши.

— Ах ты!.. — возмущенно вскрикнул парень.

— Тише, — произнесла девица, как тут же все их внимание переключилось на её голос. Девушка начала успокаивать взволнованного товарища. — Нет необходимости волноваться, это несколько не так работает. К тому же, не стоит недооценивать мою силу воли.

— Кхм, да... Ну извини, извини, — отводя взгляд куда-то в сторону произнес он.

— Так ты, получается, Нозоми?

— Все так.

— В таком случае, я совершенно не против твоего присоединения к нашему странствию, — с улыбкой на лице произнесла нанаша. — Однако, уверен ли ты, что достаточно осведомлен о том, кем я являюсь на самом деле, помимо того, что услышал о моей безымянности?

— Более чем, — ответил мечник и переключил свой взгляд на товарища, — мне известно куда больше, чем могло бы показаться.

Молодица заметила такой невзрачный жест, что сыграл ей на руку.

— Тогда, возможно, ты знаешь что-то о том, кем я являлась ранее?

Этот вопрос мог бы поставить Нозоми в неловкое положение, однако, тот не растерялся да с ухмылкой на лице произнес:

— Мне бы и самому хотелось узнать.

— Вот как, — все также непоколебимо отвечала она, — в таком случае, надеюсь, что это судьба направила нас вновь на одну дорогу.

— Можешь не сомневаться в этом, нанаша.

Они улыбнулись друг другу да завершили свой разговор. Находясь минуту в полной тишине, первой же её нарушила мечница:

— Нозоми, думаю, ты уже изведаль о том, что мы держим курс в Ранзильем. А так же, исходя из упомянутого тобой «севера», выходит, что ты знаешь к нему дорогу?

— Так и есть. Однажды я был на территории этого города вместе со своими товарищами ещё до того, как там переменился правитель. И, конечно же, посещал после происшествий шестилетней давности.

— О? — заинтересовано прозвучал голос нанаша, — не мог бы ты рассказать побольше об этом месте?

— Что там рассказывать, типичный город Фумецу. Уверен, ничего необычного там нет, — огласил пылкий собеседник.

— Совершенно неверное предположение, Юцуна. Ты даже не бывал в тех краях.

— Ну и чем же ты можешь удивить меня «всезнающий сенсей»? — коверкая слова, произнес парнишка.

— Глупец.

— Что ты сказал?!

— Ха-ха, — смеясь, прозвучал воодушевленный голос девушки, — а вы здорово ладите.

В ответ на это, единогласно прозвучало: «Ничуть». Нанаша все сильнее да сильнее заливалась смехом. Напряженная ситуация вмиг наполнилась теплой, какой-то родной атмосферой.

— Слушай, — все так же смеясь обратилась к Нозоми мечница, — так каким же, все-таки, является Ранзильем?

— Точно. Вы совсем сбили меня с толку, — с улыбкой произнес он. — Раньше Ранзильем действительно был обычным городом, ничем не отличающимся от других населенных пунктов острова. Однако, после глобального переворота, эта земля стала совершенно пустой. Он стал запретной зоной, что больше походило на возведенную Синицилию как за формой правления, так и за населенностью. Но сейчас не об этом. В самом ареале абсолютно пустая земля без людей, домов и прочего. На ней лишь кое-где встречались черепа да кости, но по большей части совершенно чистая, аки белый снег, земля, покрытая шуцурианом. Это вещество, которым усыпана вся территория, походит на

песок, но в сущности является некой пылью или же эдаким «прахом» мертвых душ. Самое интересное, что самопровозглашенная императрица Кенко, страдающая психическими расстройствами, нарекла город отдельным государством.

— Невероятно, — с восторгом да неким удивлением произнесла спутница, — ты настолько осведомлен устоем этого государства. Однако, не уж то там совершенно нет растительности или животных?

— Хм, мне мало что известно об этом, однако, поговаривают, что владычицу этих земель почитает сам Цымыш, потому поставляет ей различные мрачные вещи. Что касемо живой среды... — задумчиво протянул парень, — смею предположить, что она разводит лишь животных, из разряда ворон или куда более пугающих существ. В прочем, она так же ярый фанат использовать хигины в целях наполнить им мертвые души, потому собрала их большую часть. Смею предположить, что и оболочка твоего меча находится там. Его ведь Сакацуй зовут, не так ли?

— Поразительно то, как много ты знаешь, но не менее шокирующее то, сколько ты подслушал, — подняв брови произнес Юцуна.

— Кажется, мистер Нозоми прирожденный синоби □²⁵□, - с насмешкой произнесла девушка, — мне не сравниться с Вами.

— Ты мне льстишь, — с улыбкой произнес самурай, — это все заслуги человека, что обучил меня этому.

— Полагаю, он был невероятным человеком.

— Да, — с тоской в глазах да фальшивой улыбкой, произнес Нозоми, глядя напрямик в душу, — надеюсь что он гордится тем, как я использую его знания.

— Ничуть не усомнюсь в том, — улыбаясь глазами обратилась к страннику мечница, — что он восхищенно наблюдает за твоими успехами, где бы не находился.

— Рад это слышать.

— Будь я тем человеком, я бы проливал горькие слезы глядя на такого человека. С тобой дышать одним воздухом страшно, — огласил собеседник.

— Я тоже тобой горжусь, Юцуна. Тебе очень идет быть таким агрессивным комочком ненависти ко всему миру.

— Да как ты! — вспыхнув прогремел парень.

— В любом случае, если мы планируем и далее держать курс на земли Ранзильема, а уж тем более за хигином, то встреча с Кенко неизбежна. Это значит, что все происходящее внутри дворца, в котором она обитает можно будет лицезреть собственными глазами, но только при условии, что нам удастся проникнуть в него.

— Можешь не сомневаться, вы — мои слабенькие товарищи, положитесь на меня! — с гордостью произнес парнишка.

— Ты проиграл мне 332 раза, а нанаша ты и вовсе в подметки не годишься.

— Это в прошлом! — недовольно рявкнул Юцуна. — В этой организации ты будешь идти после меня. И вообще, если бы не ум этой девицы, я бы выиграл!

— Вы мне льстите, я самая обычная мечница, что не помнит даже одной техники.

— Аура, исходящая от тебя, говорит об обратном. — отрек Нозоми.

— Какая ещё аура, ты же не хочешь сказать, что я единственный не вижу её у вас обоих?! — шокировано произнес мечник.

— Меня взаправду поражает сила, исходящая от вас обоих. Уверенна, что моя ничем таким не отличилась.

Нозоми глядел на черно белое свечение, исходящее от девушки. Он был поражен тем, насколько сильно она заполонила пространство.

— Да ты скромница.

— А? — произнесла мечница и удивленно взглянула на собеседника.

Недоумение собеседницы прервали слова Юцуны.

— Кого это вообще интересует. Я вот что хотел спросить, раз уж нас теперь трое, почему бы нам не создать полноценную организацию и не назвать её как-то, по — типу «Death 3» или «Новое поколение, превзошедшее дизов»?

— Эх ты, — Нозоми протянул свою длинную руку к Юцуне, и дал легкий подзатыльник, — не дорос ты ещё до дизов.

— Ведешь себя прямо как мой отец! Мне хватило его нравоучений при жизни, он такой же дурак, как и ты.

— Не говори так про своего отца. Какими бы ни был, но он все ещё остаётся родным для тебя человеком. Тем более, что мы были знакомы, и, могу сказать, что он полная противоположность твоим словам

— Но он все равно глупец, потому что променял нас с мамой на Ландарин, но при этом не позволил мне самому стать частью её организации! — недовольно огласил Юцуна. — Если бы не такое решение, он бы не закончил так.

— Перестань осуждать его выбор, — повысив голос произнес Нозоми, — ты был четырнадцатилетним ребенком, никто бы не пропустил тебя в ряды дизов. Это слишком опасное место. Ты сам прекрасно знаешь, сколько людей погибло на том поле боя.

— Откуда тебе-то знать, какая это организация? Ты только и делаешь, что идешь на поводу слухам! Будь я там, раньше времени уничтожил бы эту поганую Куро!

— Хватит нести ересь, — на взводе произнес мечник. — Ты — никто, чтобы судить её и кого-либо из них.

— А кто ты, чтобы запрещать мне это?!

Вокруг нанаша сотворился настоящий гвалт. Две стороны никак не могли прийти к общему мнению, каждый стоял на своем, а дружелюбная атмосфера превратилась в гнетущее зарево эмоций. Она разъединила конфликтующих хрупкими руками и, неслыханным ранее грубым серьезным голосом, огласила:

— Достаточно! Ни одно из озвученных мнений неуместно, ведь у вас обоих нет права судить эту ситуацию. Оставьте чужие междоусобицы тем, кто является их неотъемлемой частью. Не пишите чужую судьбу собственными чернилами. То, что произошло, должно оставаться неизменным до конца своих дней, и никто не в праве переписывать происшествие или осуждать кого-либо, — слегка снизив интонацию огласила девушка, — если присутствует желание обсудить какое-то известие, то сотворите его сами, а не прикасайтесь к иным рукописям. Прежде, чем осудить кого-то, вспомните, есть ли у вас право на это. Вспомните, являетесь ли вы частью этой истории. В какой момент в нашу историю вошло осуждение чьих-то выборов, взглядов и интересов? Осознайте, что никто из вас не прав и закончите эту иерархию мнений.

Слова девушки дотянулись до самых глубин душ мечников. Они явно не ожидали столь повышенной интонации, однако именно это помогло умерить их пыл. После произнесенных фраз, ситуация вернулась под контроль. Осталось лишь сделать первый шаг на встречу друг другу. Каждому из них было стыдно за свое поведение, ведь сочли слова нанаша истиной, которую так бессовестно нарушили.

— Прости за сказанное, Юцуна. Мне трудно взглянуть на произошедшее в то время твоими глазами, но все же, ради нашей спутницы, я попытаюсь войти в твое положение. — огласил Нозоми.

— Ты...! Знаешь, что, я тоже извинюсь перед тобой за свои слова, хоть я и не согласен с тобой, но попытаюсь принять твои слова, ради нашего лидера! — произнес Юцуна.

Тяжко вздохнув, девушка произнесла:

— В должны делать это не ради меня, а ради друг друга.

— Да мы так и поступили! — произнес парнишка да отвернул голову в сторону.

— Впервые соглашусь с тобой, вспыльчивый ты наш.

— Опять ты..!

— Ха... Пожалуй, оставим все как есть, — облегченно вздохнув сказала девица. — Кажется, мы остановились на выборе названия для организации, не так ли? Какие вы можете сделать предложения?

— Нанаши, перед этим скажи, сколько мы планируем набрать людей в наши ряды?

— Хм, я бы предпочла набрать основную команду из десятирех человек, не включая меня, и несколько подразделений.

— Вот как, — ответил Нозоми, — в таком случае, предлагаю назваться «Меч» или же «Десять падших сил»

— Почему падших, если мы ещё жив, а ты хоронишь уже, — удивленно спросил Юцуна, — лично я бы назвал как-то по крутому, по типу «Бамбитос» или «Разрывной удар», или «Мечи в руках — хана Цымышке»

— Звучит не очень, — произнес парень.

— Тогда придумай что-нибудь получше.

Минут с десятков три отчаянных мечника раздумывали над названием. Это оказалось намного сложнее, чем вторгнуться на запретные территории и выжить. Парни, взглянув на единственную свою надежду, ждали хотя бы что-то более логичное, нежели «Десять падших сил» или «Бамбитос». Вдруг, словно дар, павший прямиком с небес, девица огласила:

— Генезис. Я предлагаю нам назваться «Генезис».

— Это звучит так круто! — воодушевленно огласил вспыльчивый парнишка, — С таким названием мы точно порвем любого, кто встанет на нашем пути. Даже безжалостный Цымыш и «императрица» Кенко буду умолять нас о пощаде.

— Я, конечно, не так полагаю свои надежды на название в сравнении с силой, в отличие от кое-кого, но мне интересно, что подтолкнуло тебя выбрать именно «Генезис»?

— Зарождение. Генезис обозначает момент зарождения и процесс развития, ведущий к определенному финалу. Мы — творцы новой истории, которую планируем написать до самого конца и привести к желаемому исходу. Разве это не то, что олицетворяет всю сущность нашего объединения?

— Взаправду. Не думаю, что нам подойдет куда более точное описание, чем о созданных, но не совершенных, — размышляя ответил Нозоми.

— Я все ещё считаю, что оно звучит просто феерически круто, не глядя на то, какой смысл несет в себе! — с блеском в глазах произнес Юцуна.

— В таком случае, с этого дня мы — «Генезис», и именно под этим именем, бросим вызов судьбе и даже самому Богу. Жди нас, Кенко.

Наконец-то придя к общему мнению, спутники отправились в путь, держа курс в самые мрачные земли Фумецу — Ранзильем. Впереди их ждало много тяжелых испытаний и

отчаянных сражений, но никто не стал думать о плохом преждевременно. Так вышла в свет новая команда, именуемая «Генезис».

Тем временем, в темных стенах дворца, стоящего на окраине богатейшего города Фумецу, мегаполиса Зансатин, превзошедшим своим финансовым положением даже столицу, зазвучал разговор между членами «Девятнадцати великих сил». В полной темени сидело несколько членов организации. Они молвили о чем-то своем. Звучала прекрасная мелодия кото □²⁶□. В темном коридоре, быстрым шагом приближалась чья-то высокая фигура. Зайдя в комнату, та взбудоражила каждого.

— Господин Кэтсэро, — прозвучал низкий женский голос, — Вы уже читали это?

Из самой тени, протянулась могущественная мужская рука. Женщина передала конверт в длани главы. Он рассмотрел его, и ответил:

— А, это. Ничего такого, чтобы могло меня удивить.

— Взаправду? Не уж то Вас совершенно не волнует то, что один из сильнейших воинов сил покинул наши ряды?

— Совершенно.

Вдруг поддержал разговор из-за тени и тонкий детский голосок:

— Юцуна слишком глупый, он не знает, что потерял! Хи-хи.

— Не соглашусь с тобой, Нана. Это очень даже интересное решение.

Сидящий напротив главы человек поставил чашу с чаем на стол да произнес:

— Слышал ли ты, что наш великий номер два не выходит на связь со вчерашнего дня?

— Вот как, очень жаль.

— Кэтсэро, — вновь зазвучал женский голос, — Вы понимаете, что нас покинуло два человека, тем более Нозоми — совершенно иной уровень. Он вполне способен бросить вызов Вам!

— Братик Нозоми предатель. Смерть ему, хи-хи, — смеясь на полную катушку произнесла Нана, — я уже представляю, как расчленю его собственным мечом, это будет так весело!

— Даже не думай, малышка. В этом нет необходимости.

— Что?! Но он же предал нас!

Подключился к диалогу и мужчина с уверенным голосом:

— Значит он нашел то, что искал. Его изначально здесь быть не должно.

— Минато абсолютно прав, — огласил Кэтсэро, — с самого начала у нас был договор касательно того, что он — лишь временный член великих сил. В тот же миг, когда он найдет человека, которого так усердно искал, незамедлительно покинет наши ряды. Однако, это было опрометчиво с моей стороны давать ему настолько высокий ранг среди других воинов.

— Но, сэр, — озвался низкий ласковый голос девушки, что спала на коленях главы, — неужели Вы просто забудете о них?

— Конечно же нет, Макото, они всегда были будут нам дороги. Однако, мы также всегда можем заменить их одним из резервных сил. Уверен, они будут безумно рады.

— Сецуна, — обратилась Макото, — а что ты думаешь по этому поводу? Вы ведь были близки с Нозоми.

Девушка с совершенно пустым и бездушным голос ответила:

— Я... Не знаю... — задумчиво произнесла та. — Но, если ушел господин Нозоми, то почему ушел и Юцуна?

— Это само собой, они ведь словно ученик и наставник, — ответил Окуба Кэтсэро, — куда пойдет один — туда и другой. Это неизбежно.

— Выходит, что Вас совершенно не интересует их уход? — спросил человек, играющий на кото.

— Все так, однако, меня интересует человек, что так привлек их внимание. Я уже с нетерпением жду нашей встречи, неназванная особь.

Из мрачной комнаты доносился смех. Мелодия смешалась с голосами взрослых и детей, женщин и мужчин, криком души котоиста да звоном посуды.

Конфета. Вырванная страничка

Следуя по извитой тропе, усыпанной листвой рыжего клена и лепестками кроваво-красной сакуры, путники держали курс в окраины Ранзильема. Дуновение ветра развевало слова, доносящиеся из уст триады. Они были увлечены грядущим приключением. Холод обволакивал их в свои объятия до самих кончиков пальцев. Некая легкость в воздухе придавала сил.

Небо над главами мечников начало темнеть и приобрело серый оттенок, что не мог не заметить утомленный странник.

— Аргх!.. — обозленно огласил парень, — Что за день такой!

— Что случилось-то, Юцуна? — заинтересовано спросила нанаша.

— Кажется, ему не по душе наше странствие, учитывая то, что я нахожусь подле него, — с насмешкой произнес Нозоми.

— Ну что ты, думаю, что все совершенно не...

— Да! Абсолютно, и ещё раз да! — перебив огласил вспыльчивый парнишка. — Но ты — не единственная причина испорченного дня. Хотя, если бы мне предложили выбрать, что меня больше всего бесит, то твое присутствие оказалось бы на первом месте.

— Вот видишь, нанаша, на самом деле, с Юцуной все также, как и обычно: вспыльчивость не обошла его стороной и сегодня.

— Ха-ха, — усмехнувшись произнесла девушка, — быть, может, есть что-то более гнетущее?

— Что может быть хуже, чем этот...! — указал он руками на спутника. — Впрочем, посмотрите на это не менее отвратительное небо. Скоро пойдет этот несуразный дождь, а у нас ни денег, ни одежды, ни жилья!

— О, взаправду, — переняв свой взор на небо произнесла девушка. — Кажется, я ждала этого мгновения вечность.

— У тебя ужасный вкус, нанаша.

— Хочу отметить, что одежды нет только у тебя, ведь это ты умудрился где-то покинуть свое хаори, — упрек Нозоми.

— Какая тебе разница?! Да и вообще, это была необходимая мера!

— Как-то неохотно верится.

В сию же секунду, в головы мечницы и парнишки пришла гениальная мысль. Они переглянулись, и девица принялись её реализовать.

— Кхм-кхм, — хитро взглянув на мечника прозвучал голос нанаша, — милостивый Нозоми, скажите, есть ли у Вас какие-то сбережения?

Осознав, к чему клонит девушка, молодой человек произнес:

— Несомненно.

— Позволите ли Вы единожды воспользоваться Вашими средствами?

— Как пожелаешь. В любом случае, дорога до Ранзильема не так близка, как хотелось бы. Сегодня мы туда явно не доберемся, потому нужно будет где-то переночевать, и, конечно же, приобрести одному недалекому человеку верхнее одеяние.

— Не принимай ничего от этого выходца из столицы, — с некой обидой прозвучал голос юноши. — Нам ничего не нужно от тебя, мистер богач!

— Я вовсе и не богач. Просто временно имею неограниченный доступ к банковским

счетах, однако было бы нахально брать все деньги из казны и тратить их направо да налево, потому, могу вложиться лишь в самое необходимое.

— Мне все равно. Твои деньги нам ни к чему!

Девушку насторожили слова товарища о доступе к казне, но расспрашивать не стала.

— Постой-постой, Юцуна. Я, вообще-то, не отказывалась от помощи Нозоми, — с улыбкой отрекла молодлица.

— Как ты уже мог заметить, твой эгоизм и гордыня не помешают мне оказать вам услугу.

— Эй, ты на чьей стороне вообще, а, нанаша? — недовольно спросил мечник.

— Сочти меня нейтралитетом.

Парнишка взглянул на девушку обнадеженным взглядом и, в конечном итоге, вынужден был согласиться.

— Ну, что ж, — отведя свой взгляд в сторону произнес он, — думаю, вы в какой-то мере правы, потому лучше заночевать где-то, да и прохладно как-то...

— Вот и славно, — с улыбкой произнесла она-бугэйся, — осталось лишь найти, где бы нам расположиться.

— Вскоре перед нашим взором должен раскинуться небольшой поселок Кирумэ. Возможно, там нам удастся встретить господ, что впустят заблудшие души в свой дом.

— Какая чудесная новость! Есть ли там торговый квартал, где можно приобрести хаори? — заинтересовано прозвучал голос нанаша.

— Смею предположить, что так. Кирумэ — часть Сакурина, лишь менее населенная. Не думаю, что у них нет товара на околицах.

Услышав знакомое название поселка, Юцуна встревоженно спросил:

— Нам обязательно направляться именно туда? Ну, в плане, может можно пойти в другой населенный пункт...

— Это невозможно. Кирумэ — единственное, что разделяет Ранзильем и Сакурин, — огласил Нозоми и взглянул на лицо парня. — А что, есть причина, по которой ты не желаешь ступать на те земли?

— Вовсе нет.

Девушка бросила взгляд на путников, словно считывая их эмоции, и ответила:

— В таком случае, нам следует незамедлительно отправиться, дабы прибыть вовремя и, отдохнув, держать курс в Ранзильем.

— Ладно, как хотите, — тяжело вздохнув ответил Юцуна.

Идя по застеленной листвою тропе из камней, путники приближались к обширному саду. Хотя тот и принадлежал городу, было заметно, что все-таки был человек, который поддерживал здешний порядок.

Всматриваясь в чарующий сад, по пути которого можно было встретить деревья и кустарники небывалой красоты, товарищи наслаждались открывшимся перед их ликами видом. По обе стороны от тропы цвели ярко-красные *рододендроны*, а позади них раскинулись огненно-рыжие клены. До чего же чарующее зрелище им посчастливилось узреть, ведь именно это место прекрасно отображает пору Момидзи □²⁷□.

— Невероятно, таки и в Фумецу есть красивые места, преисполненные любовью и заботой, — произнесла нанаша глядя на осеннюю живопись.

— Пожалуй, это — самое красочное место в данных краях. Пика своей красоты Сакурин достигает на окраине города, а значит, вскоре перед нами откроется край Кирумэ.

— Очень жаль, что это место лишь красивая обертка безвкусной конфеты, — глядя вдаль высказался парнишка.

— Надеюсь, по прибытию в то место найду объяснение твоим словам.

— Даже искать не придется, нанаши, — отрек Юцуна.

Вот и настал тот момент, когда три отважных воина покинут окружности города встреч и взойдут на пик его величавости, дабы узреть свой дальний путь. Выходя из зачарованного сада, они стали на тропу не менее впечатляющего места. Это были земли Кирумэ.

Поселение выглядело несколько скромно, однако, до чего же красочным оно было. Возле каждой маленькой минки стояло минимум одно деревце сакуры, возле некоторых, стряхивая золотые пасма, расположилось *гинкго*. Жители не жалели последних средств на дизайн домов, украшенных в цветочки или лепестки, а то и вовсе засадили все вокруг декоративными растениями да кустарниками.

Стоило странникам войти на яркий холст этих земель, люди тут же спрятались по домам. В их глазах отражалось ничто иное как опасение, страх и презрение. Путники шли через выстеленную дорожку из песка, кидая взгляд на торопливо закрывающиеся двери. Смелычаки иль же безумцы, посылали неблагоприятные слова в адрес путешественникам, но те едва ли обращали внимание.

— Ха-а... — агрессивно вздохнув промолвил вспыльчивый парнишка. — Кажись, найти кого-то, кто впустил бы нас в двери своего дома, будет невыносимо сложно.

— Не стоит сдаваться раньше времени, Юцуна. — ответил мечник.

Не покидая надежды, когда, казалось, все шансы сводились к нулю, спутники безустанно выискивали хотя бы одного добряка. В сей же миг, нанаши обратила свое внимание на стоящую к ним спиной женщину, что томно покуривала кисэру²⁸. Её расслабленное поведение передавало полное безразличие к происходящему вокруг.

Сама госпожа была не особо высокой, вероятно, на несколько сантиметров ниже среднего роста. Она была тощей, аки жердь, лишь рукава серого хаори придавало ей какого-то объема. Серые волосы, как пепел от сигары, были заплетены в прическу марумагэ²⁹, перевязанную красной лентой. По ссохшейся руке, можно предположить, что женщине далеко за пятьдесят.

— Высокопочтенная госпожа, — обратился Нозоми к незнакомке, — изволите ль Вы помочь мне с товарищами?

Не спеша поворачиваясь, она промолвила своим низким голосом:

— Чего желаете?

— Не могли бы Вы предоставить нам ночлег на сей хмурый день?

— Да пожалуйста, — безразлично ответила женщина, — сколько вас всего?

— Трое, госпожа.

— Тогда с вас 150 нан. Зайдя внутрь, идите направо, через деревянную дверь. Она там одна, так что не заблудитесь.

— Эй, — озвался возмущенный парнишка, — а не слишком ли это много?! Мы не на курорт сюда приехали, чтобы платить такие суммы за ночь, так ещё и Вы не собираетесь лично сопроводить своих посетителей? Что за абсурд!

Выдыхая дым от сигары, женщина будто наглядно стряхнула с неё пылки да запрятала в хаори. Ясное дело, что ей не вподобь такой упрек, потому и решилась поглядеть в лица негодяям. Обернувшись, домовладелица узрела перед собой не самую благоприятную картину.

— Так и знала, что это ты, мальчишка, — кинув презренный взгляд промолвила женщина. — Твой нахальный голос я ни с чем не спутаю.

Увидев перед собой до боли знакомое лицо, у Юцуны встал ком в горле. Нахмутив брови, он всячески пытался не проявить своего утешения и ненависти в одном лице к открывшейся перед ним угрозе. Парень запросто мог провести женщину, чего же не скажешь о его товарищах, что вмиг заподозрили неладное.

— Госпожа Эйко, — глядя прямо в темные, как ночь, глаза произнес Юцуна.

Взглянув свысока на парня, та произнесла своим грубым голосом:

— Зачем пришел сюда? Тебе здесь не рады, не позабыл ли ты об этом?

— Такое тяжело забыть, не волнуйтесь.

— В таком случае, почему бы тебе прямо сейчас не отправиться в другое место? — махая в сторону кистью руки отекла Эйко.

— А почему бы Вам не избавиться от халатного отношения к посетителям?

Вокруг собеседников воцарила напряженная атмосфера, что передавала все презрение, испытываемое ими друг к другу. Товарищи мечника глядели на происходящее с попыткой проникнуться ситуацией.

— Что думаешь, нанаша, — обратился Нозоми к мечнице, — стоит ли нам принимать услугу этой женщины?

— Безусловно, — с неким коварством на лице ответила девушка.

Обеспокоенный странник взглянул украдкой на товарищей да промолвил:

— Мы примем это предложение, при условии, что Вы лично сопроводите нас.

— Так уж и быть, я предоставлю вам жилище и покажу все лично за 300 нан. — сложив руки накрест произнесла женщина.

Путники ошеломленно переглянулись и промолчали, в то время как Юцуна выявил свое недовольство в сей же раз:

— Какого черта! По какой причине Вы подняли суму вдвое?

— Кто же знал, что к нам заявится элитный посетитель. Какие-то проблемы?

— Если это из-за демонстрации комнаты, то с таким отношением она нам и даром не нужна, а за 300 нан уж давно!

— Нет, это лишь сума, за которую я готова предоставить вам ночлег. Не хочешь сопровождения — не получишь, а оплата как была в размере 300 так и останется. Хотя, если будешь и дальше мелькать перед моими глазами, подниму ещё на 100. А, раз уж вы нарушители закона, то приумножу на два.

— Да как ты..!

— Мы согласны приобрести комнату за названную цену, — озвался Нозоми.

— Ты в своем уме, Нозоми?! Это же пустая трата денег, она просто набивает себе цену!

— Не думаю, что нам сейчас стоит перебирать. В конце концов, на околицах нет ни души.

— Ха-а... Я совершенно не понимаю твою логику.

— Ты ведь хотел поспать, почему бы не принять предложение и не перетерпеть одну ночь? Думаю, что для ночевки это место вполне себе подходит, — присоединившись к разговору произнесла девица.

— Ладно, делайте что хотите, — вновь смирившись в поражении мнений, отрек Юцуна.

— Что ж, — произнес мечник, доставая бумажные купюры задля оплаты, — возьмите.

Женщина приняла деньги, и, все тщательно пересчитав, произнесла:

— Идите за мной.

Госпожа Эйко пошла напрямиком к заведению, а за ней, не торопясь, шли странники. Перед их взором раскинулся небольшой рёкан □³⁰□. Он был невысоким и по ширине сопоставлялся не более чем с двумя минками. Само здание было явно не из новых: старая, полусгнившая древесина прибавляла ей годов. Над изнуренными сёдзи □³¹□ раскинулась маленькая вывеска «В гостях у Эйко».

Распахнув дверь, раскинулась не самая страшная картина: впереди стояла своеобразная стойка, возле неё — несколько стульев. На полочках в некоем беспорядке находились различные чаи и баночки с различными травами, а рядом стояли аккуратные чашечки. Маленькие закуски хоть и не благоухали на всю гостиницу, но выглядели весьма опрятно.

По правую сторону от входа раскинулась фусума □³²□, за которыми находились пять пыльных ночлегов. Сама комнатка выглядела весьма чистой, однако свет в неё фактически не проникал. Две тумбочки стояли поодаль от футонов □³³□, а в углу комнаты расположилась одинокая ваза с полузавявшим цветком. Немного дальше от неё стоял крохотный столик.

Проведя небольшую экскурсию по дому, женщина отрекла:

— Я уберу два футона, раз уж они вам не нужны. Что понадобится — обращайтесь ко мне, зачастую я нахожусь в кофейни, помогу вам. Конечно, за дополнительную плату, — и, бросив едкий взор на Юцуну, закончила свою речь.

Странники поклонились и начали располагаться во временном укрытии. Онна-бугэйся присела на белоснежный футон и начала всматриваться в детали комнаты; Юцуна сразу же рухнул на чистую постель и ненадолго уснул; Нозоми же перебирал что-то в руках. Окинув взором попутчиков, нанаша поняла, что те уже полностью вымотались; но даже несмотря на усталость, странник собирался куда-то отлучиться.

— Нозоми, — обратилась девушка к старшему товарищу, — куда держишь путь?

Тот собирался уже распахнуть фусума, но, услышав голос мечницы, обернулся и ответил:

— За хаори для нашего вспыльчивого товарища.

Услышав такой ответ, девица привстала и направилась напрямиком к нему. Она, не торопясь, сняла свое черно-белое кашне □³⁴□ да накинула на выю спутника.

— Нанаша, — невольно обратился парень к девушке, завязывающей на его шее шарф.

— На улице дождь. Слышишь капли, бьющиеся о кровлю сего дома? Будет неприятно, если ты заболеешь. Позволь мне предотвратить это.

— Не волнуйся, я не болею.

— Заболеешь. Просто сочти это жестом доброй воли за оплату ночлега.

Взглянув на все тот же непоколебимый взгляд, Нозоми не стал перечить и принял сей дар.

— Спасибо. Когда вернусь, высушу его и отдам тебе.

— Удачной дороги.

Попрощавшись со спутницей, Нозоми покинул здание и направился на городской рынок. Нанаша вернулась на свой ночлег и начала вслушиваться в тишину. Казалось, что вокруг все затихло, но мысли в её голове говорили об обратном. Та все думала: что они будут делать, когда ступят на земли Ранзильема; смогут ли забрать хигин Сакацуя; удастся ли им выбраться оттуда и что будет дальше? Эти размышления повторялись из раза в раз. При всей смышленности девушки и таланту просчитывать действия наперед, на эти вопросы она не

могла дать ответ.

Спасаясь от невозмутимой тишины, она призвала душу Сакацуя. Легко падая на передние лапы, пушистый кот глядел на мечницу, желая пообщаться; но та не поддержала сию мысль, ведь не желала разбудить Юцуну. Кот разлегся на ногах нанаши и, под легкими ласками по головке, уснул. Чувствуя себя чуть менее одиноко, та продолжила свои размышления. «Поверить не могу, что в миг, как я очнулась ото длительного сна, стала врагом народа лишь неся меч в своей руке. Почему так произошло? Сколько же я спала?» — эти вопросы все никак не покидали голову девушки.

Пока девушка размышляла о том о сём, на улице перестал идти дождь. Из-за шороха, Сакацуй испугался и вновь вернулся в оружие. На сей раз, череду мыслей прервал голос проснувшегося Юцуны:

— Боже, в этом доме даже поспать нормально нельзя.

— Вижу, ты проснулся, — с легкой улыбкой произнесла нанаши. — Не выспался?

Окинув взором всю комнату и не найдя в ней блудного наставника, тот обратился к мечнице:

— Да, все нормально, а куда запропастился Нозоми?

— Он ушел в город за твоим хаори.

— А, — протянув, сказал он, — понятно. И давно?

— Относительно недавно: тотчас, как ты уснул.

Юцуна кивнул и сразу же умолк. В воздухе повисла тишина. Нанаши глядела на него, желая расспросить о чудаковатой женщине и его с ней взаимоотношениях, но сочла это неуместным.

Парень же, пытаясь сгладить неловкое молчание, решил завести небольшой диалог:

— Если тебе интересно узнать об этой грубиянке, то она моя давняя знакомая, точнее, моих родителей.

— Вот как, — несколько сдержано ответила девушка, — вижу, вы не в самых благоприятных отношениях.

— Да мы терпеть друг друга не можем! Эта противная женщина причина всех моих несчастий, если бы не она, то..! — осознав, что его занесло не в ту степь, парень прервал свое изъяснение. — Если говорить кратко, я не хотел бы с ней пересекаться когда-либо, потому что нетерпением жду завтрашнего дня, дабы уйти из этого дома.

— Прошу простить меня за мое любопытство и то, что сейчас ты находишься там, где не желаешь, — с искренностью произнесла молодница.

— Брось, это не какая-то уж прям тайна, так что мне все равно; а то, что я здесь — мой выбор, потому не извиняйся.

Девушка поклонилась и обратилась к пареньку:

— Будь по твоему. К слову, я бы хотела прогуляться по заднему двору, надеюсь, ты будешь не против.

— Да пожалуйста, я все равно планировал продолжить спать. Вот только, — заметив пропажу кашне, решил спросить нанаши, — куда подевался твой шарф?

— Я отдала его Нозоми. Пока ты спал, на улице шел дождь, потому посчитала, что он ему пригодится.

— Так вот что меня разбудило... — недовольно вздохнув, произнес парнишка. — Ладно, иди, а я продолжу бездельничать.

— Приятного времяпровождения, — улыбнувшись, произнесла девушка, и, захватив

свой меч, удалилась.

Вот уже и начало смеркаться на улице. Едва слышно приоткрылась дверь, в которую вошел Нозоми. Парнишка осмотрелся и заметил спящего Юцуно. «Уже спит. Не стану будить его и просто оставлю это здесь», — подумал про себя мечник и положил новоприобретенное хаори на тумбочку.

Нигде не приметив нанаша, парень решил поискать её в ином месте. Выйдя на дряхлую энгаву □³⁵□, Нозоми заметил тренирующуюся девушку. Та безудержно повторяла различные техники, но давалось ей это с трудом: потеря памяти негативно отразилась на изученных приемах. «Почему эти руки все помнят, но я не поспеваю за ними, словно они мне чужды?», — невольно пронеслась в её голове подобная мысль, однако нанаша и не подумала сдаваться и пыталась наловчиться.

Нозоми с некой тоской наблюдал за девушкой. Мечник явно был опечален зрелищем, но разочарования в силе нанаша он не испытывал. Не желая мешать спутнице, тот планировал вернуться обратно, но проявившиеся на руках девицы осколки льда заставили его одуматься. Он вспомнил слова связанные с шарфом, которые онна-бугэйся говорила ранее.

— Нанаша, — окликнул тот мечницу.

В сей же миг, девушка перевела свой взгляд на ожидающего её путника.

— Ты вернулся. Как все прошло?

— Замечательно, — произнес парень, подходя ближе к уставшей нанаша. — Возьми это.

Мечник протянул ей купленный шарф. Он почти ничем не отличался от знакомого девушке шарфа, в коем она проснулась. С неким недопониманием нанаша взяла его в руки.

— Твое кашне намокло, поэтому, я решил приобрести на первое время новое. Как только оно высохнет, сможешь выкинуть и носить вновь родной тебе шарф.

Слова мечника заставили улыбнуться нанаша. Её позабавила эта нелепая, но приятная сердцу забота.

— Не стоило так утруждаться, но все равно спасибо. Я буду беречь его.

— Пошли в дом, стало довольно-таки холодно. Будет неприятно, если ты заболешь. Позволь мне предотвратить это.

Используя против нанаша её же слова, те двое собирались зайти в дом, как вдруг, перед их взором появился Юцуна. Он выстроил весьма недовольную гримасу.

— Вижу, ты проснулся, — обратился к парнишке мечник.

— Вы...! — с ноткой агрессии в голос произнес парень. — Почему вы не прикрыли дверь?! Весь холод зашел внутрь!

— Извини нас, Юцуна. Мы снова помешали тебе отоспаться; но обещаю, ночью ты точно сможешь отдохнуть, — слегка поклонившись ответила онна-бугэйся.

Увидев поклон спутницы, он почувствовал небольшую вину и, с целью не заострять внимание на произошедшем, пригласил всех внутрь.

Дабы согреться, Нозоми сходил в чайную и принес три чашки чая с небольшой закуской. Партнеры любезно поблагодарили странника и принялись за питво. Наслаждаясь теплым сладким вкусом, что согревал душу, товарищи разговаривали о чем-то своем, а после небольшого перекуса легли спать.

Прошло часа два, коль не больше, а нанаша все еще не спала. В попытках уснуть, в её голову пришла не самая разумная идея, но отказываться от неё та не планировала.

Едва слышно, словно крадущаяся кошка, девушка покинула свой ночлег. Только она

собиралась выйти за пределы комнаты, как послышался голос одного из товарищей — Нозоми.

— Куда собралась, нанаша? — обратился он к мечнице, пытающейся тихо улизнуть.

Осознав, что её неидеальный план был раскрыт, нанаша преподнесла палец к губам и аккуратно подошла ближе к парню.

— Я выйду ненадолго: воды выпью. А ты ложись спать, я скоро вернусь.

Все ещё сомневаясь в подлинности сказанных слов, мечник ответил согласием. «Вот же лгунья», — с некой насмешкой подумал он.

Девушка вышла за пределы комнаты и направилась к стойке. За ней, читая какую-то книгу, сидела владелица. На подпорке стояла неполная чаша рисового вина. Она не заметила прихода нанаша, пока та не обратилась к ней.

— Да здравствует вечерняя заря, госпожа Эйко.

— Ну здравствуй. Чего не спишь?

— Да вот, все никак не могу уснуть: страдаю от агрипнии □³⁶□. Может, Вы сможете мне чем-то помочь?

— Агрипния? Пф, мелочи. Если заплатишь мне 40 нан, так уж и быть, дам тебе отвар.

— Прошу простить меня, но, на данный момент, у меня нет денег.

— Тогда ничем не могу помочь, — недовольно отрекла мадам.

— Сейчас нет. На утро появятся.

— И что? Вот утром и сделаю.

— Что Вы, мы ведь находимся в одном доме. Разве что-то изменится, ежели я оплачу Вашу услугу ранним утром?

Госпожа Эйко не скрывала своего презрения и недовольства, но решила смиренно согласиться. «Таки она не денется никуда», — думала та.

— Ладно, — повернувшись спиной и начав перебирать нижние полки с травами и отварами, ответила женщина. — Я приготовлю тебе отвар с тимьяна.

Нанаша кинула взгляд на стоящую рядом чашу вина. По прилично выпитому количеству вина, можно было понять, что женщина неоднократно упивалась алкоголем. Глядя на небольшое количество жидкости, в глазах девушки отобразилось невозмутимое коварство. Кажется, словно в её голове роились нечистые помыслы.

Не прошло и трех минут, как женщина подала отвар девице:

— Вот.

Бросив свой взгляд на поставленную перед лицом нанаша чашу со снадобьем произнесла.

— Премного благодарна Вам, госпожа.

— Пожалуйста, — с неким презрением ответила женщина.

Сделав маленький глоток, мечница вновь обратилась к владелице:

— Прошу Вас вновь простить меня за грубость, но не могли бы вы преподнести мне некую закуску? Боюсь, мне будет тягостно выпить отвар тимьяна без ничего.

Кинув неодобрительный взгляд, женщина молча отвернулась в поисках подходящей закуски.

В это же время, за считанные секунды, нанаша смешала отвар чебреца с оставшимся алкоголем. «Должно получиться», — кинув многозначительный взгляд на госпожу подумала та.

Эйко подала закуску госте и, пока та со спокойной душой допила отвар, сама села

напротив да, попивая вино, продолжила читать книгу. Было заметно, что женщина не раз хваталась за голову: перед глазами все плыло, а к горлу подступал ком.

— От сего сердца благодарю Вас за столь чудесный отвар и прекрасную закуску.

— Да пожалуйста, — несколько опьяненным голосом ответила та.

— Не скажите ли, что Вас связывает с семьей Юцуны?

Не оценив некую нахальность, женщина посмотрела на сидящую впереди девушку тяжелым взглядом.

— Опять этот род Янагивара. Не говори со мной о них.

— Род Янагивара?

— Да, — упиваясь алкоголем произносила женщина, — этот невежда — один из них; и это здание тоже их. Записано так, но оно моё по праву!

Разузнав истину, девушка внимательно вслушивалась в слова воришки, все нахваливая да нахваливая её, чтобы та не прекращала свой рассказ.

— Умопомрачительно, как же такой смышленной госпоже удалось добиться всего?

— Не поверишь, — опьяневшим голос отвечала она, — украла бумаги и забрала себе! Ха-ха, видала?

— Впечатляет, — презренной улыбкой нанаша боготворила Эйко.

— Сначала я их всех выгнала, а потом...! — не успев договорить, женщине стало совсем плохо.

Эйко направилась в уборную, после чего вернулась и плюхнулась прямоком на чайную стойку. Та перепила и мигом заснула.

Настал час действовать. Дожидаясь подходящего момента, нанаша заприметила небольшую шкатулку: вероятно, в ней находились украденные деньги. Как только та проверила, спит ли женщина, в сей же раз направилась к ней и не прогадала: внутри действительно были банкноты, причем не маленьких размеров. Девушка вынула из шкатулки практически все денежные средства, оставив лишь несколько бумажек, а снизу, дабы создать иллюзию того, что все «заработанное» на месте, насыпала горстку трав.

Не скрывая свое любопытство, нанаша заметила и небольшой шкафчик, что вызывал явное подозрение. Мечнице его открытие давалось тяжело, однако, приложив свои усилия, все же смогла открыть его. В сим месте, она точно не ожидала увидеть такие вещи, как упомянутые ранее листы бумаги. Быстро вынув да плотно закрыв шкафчик, девушка спрятала все в рукаве своего хаори и направилась обратно в комнату.

Прежде, чем открыть фусума, девушка напоследок взглянула на выпившую женщину и подумала про себя: «Какая ирония, Эйко. Мне пришлось скрыть свое презрение, но при ином раскладе, мне бы не удалось провести тебя, — недолго раздумывая продолжила она. — Я ничем не лучше тебя, своровавшей деньги у рода Янагивара, но и ты ничем не лучше того рода, чтобы прикарманивать себе его заслуги». Хотя она и осуждала действия женщины, нанаша таки было жаль её. Положив обещанные 40 нан, мечница вернулась в комнату и направилась к своему футону. Отвар из трав действительно помог, потом она быстро уснула.

Ночь. Бездонная тьма.

Верно, гнездо свое потерял —

Стонет где-то кулик. □³⁷□

Крик пустоши. Слова, покрытые тайнами

Раннее утро. Колкое дыхание ветра прошлось по лицам дремлющих странников. Улочки были окутаны с головы до пят невозмутимой прохладой. На студеную землю, подобную белому холсту, осыпались огненно-красные листья, а вокруг — ни души. Никто не мог узреть столь очаровывающее зрелище.

Кругом стояла тишина, лишь дуновение разносило краткие взмахи меча: кажется, кто-то тренировался во дворе. Сначала, тот вздымался вверх, так легко, аки перышко на ветру, а вскоре молниеносно падал, словно метеор, что сломя голову летел на землю. И так продолжалось из раза в раз. Неужто это — тихий омут?

Под чувством приближающейся зимы, очнулся ото сна и один из мечников — Нозоми. Выпрямив спину, словно расправившая крылья пташка, тот направился к энгаве, из которой доносились едва слышимые звуки.

Ступая на заскорюзлое крыльцо, парень взглянул на сияющее солнце, однако теплые лучи уже не достигали его. «Скоро эти края настигнет зима. Пора бы уходить.», — подумал мечник и перекинул свой взор на сражающуюся с тенью нанаша. Та, изрядно покорпев, уже куда лучше владела своим мечом.

Едва пораженный путник приближался ко властной мечнице, но та, полностью вовлеченная в тренировку, не услышала его шагов. Слегка улыбнувшись безудержному труду девицы, Нозоми подошел сзади и, аккуратно схватив рукой лезвие меча, остановил её, после чего, нанаша обернулась. Не сказать бы, что та удивилась приходу парня, однако такое доверие поистине поразило девушку.

— Твои навыки заметно улучшились, не могу не восторгаться этим, — промолвил тот.

— Был настолько восторжен, что не побоялся заполучить шрам? — с неким лукавством отрекла девушка.

— Ты весьма осторожна в этом плане, потом и не усомнился в твоих навыках.

— Так убежден, что мое кэндзюцу не так ничтожно, коим кажется?

— Абсолютно.

Ответ странника заставил улыбнуться нанаша: не стоит отрицать важность этих слов для неё. Перекинувшись ещё парой словечек, девушка запрятала катану в ножны. Мечники присели на крыльцо и продолжили свой диалог.

— Что планируешь делать с украденными деньгами? — выискивая истину во взгляде спутницы произнес Нозоми.

О том, что ему было известно о коварном поступке девицы, странница и не сомневалась.

— Отдам Юцуне как только он проснется.

— А бумаги?

Этот вопрос заставил призадуматься мечницу. «Несомненно, можно было бы отдать их Юцуне, но есть ли в этом какой-то смысл, коль он не держит путь на родину?» — подумала про себя та.

— Нозоми, — слегка переменив тему, обратилась к путнику, — знаешь ли ты, где обитает род Янагивара?

— Далеко. Намного дальше, чем Ранзильем.

— Расскажешь подробнее? — незамысловато спросила онна-бугэйся.

Он кивнул на просьбу девушку и произнес:

— Сначала необходимо-таки пройти земли Ранзильема. За ними сразу же раскинется город, который часто именуют «городом развлечений» — Тейменто. После, двигаясь на север, нас встретит один из самых богатых городов Фумецу — Зансатин. Он известен своим казино «Нет игры — нет жизни» или же аналогичным названием «NGNR» □³⁸□. Помимо этого, там находится и резиденция «Девятнадцати великих сил». Если переживем странствие по всем этим городам, наш пункт назначения, Киосинкай, предстанет перед нами. Сам по себе город небольшой, но именно там находятся дома известных ранее самураев, ронинов □³⁹□ и, помимо них, искусных ковалей, ремесленников, строителей и прочей рабочей силы. Там же и проживает обеднелый род Янагивара.

Слегка потеряв висок, девушка задумалась: «Дорога не близка, и это не радует. Из трех городов, что нам необходимо пройти, уже самый первый представляет опасность, а последующие так и вовсе не обещают ничего хорошего. Киосинкай... Сможем ли мы вообще приблизиться к нему без жертв?»

— Нанаши.

Голос Нозоми прогнал из головы мечницы сомнения и негативные мысли. Она взглянула на него и продумала про себя: «Нет смысла утверждать подобное, не попробовав»; и, привставши, произнесла:

— Все хорошо. Сейчас нам стоит разбудить Юцуну и поскорее выдвинуться в путь. В противном случае, придется разбираться с госпожой Эйко.

— Коль так, идем.

Странники зашли внутрь. Вокруг все также стояла тишина. Они облегченно вздохнули и, направившись к своему спящему товарищу, начали будить того. К превеликой удаче, на этот раз им удалось это сделать без особых затруднений, о которых рассказывал Нозоми: те происходили ещё когда мечники работали под руководством «Девятнадцати великих сил».

— Юцуна, — обратилась девушка к проснувшемуся товарищу, — у меня есть кое-что для тебя

Настороженный мечник смотрел прямиком в глаза спутницы, которая передала в его руки крупные купюры. Он с неким недопониманием смотрел то на деньги, то на неё.

— Что это за деньги, а если быть точнее, чьи они?

— Твои, по праву.

Услышанный ответ ввел парня в ещё большее заблуждение.

— Мои? На каком обосновании они являются моими, а уж тем более, где ты их взяла? — с недоверием промолвил тот.

Девушка перевела взгляд, словно обдумывая слова, и промолвила:

— Я не прочь обсудить некоторые подробности несколько позже; сейчас же нам лучше немедля покинуть гостиницу.

Хотя Юцуна и хотел услышать разъяснений, но все же счел решение нанаши правильным, потому поставил разум свыше любопытства.

Шустро упаковав вещи и убедившись, что ничего не забыто, триада выдвинулась на встречу приключениям. Ранее цветущий поселок сейчас выглядел совершенно угрюмым и беспристрастным. Многие деревья утратили свой окрас, а чарующие кустарники обзавелись наготой.

Идя по сонным улочкам, на которые ещё не ступала нога в новый день, странники направляли свой путь к землям Ранзильема. Держась вместе, меланхолические мысли, на

некоторое время покинули их отрешенные главы. Осыпавшаяся листва лопотала под ногами путников. Холод обволакивал тех с головы до пят, но узрев непоколебимые взгляды тут же отпускал.

Для одного милый и прекрасный, для другого черствый и отвратный город оставался позади. За всю дорогу странники не проронили и слова, вероятно, в предвкушении встречи лицом к лицу со смертью. Однако, преодолев немаленький путь, тишину таки прервал томный голос нанаши:

— Почему не спрашиваешь?

Юцуна, осознав, что девушка обращается к нему, отрек непривычно спокойным голосом:

— Посчитал, что сейчас не время.

На лице онны-бугейси проявилась едва заметная ухмылка. Она кинула на путника мимолетный взгляд и тут же перевела его на дорогу. Девушка прекрасно понимала, что он едва сдерживает свое любопытство.

— Я украла деньги у госпожи Эйко, а вместе с ними и некоторые бумаги, подтверждающие право собственности на рёкан, — глядя вдаль отрекла та.

Не скрывая своего удивления, парень резко посмотрел на мечницу.

— С какой целью ты это сделала?

— Ваш род ведь потерпел крушение из-за эдакого происшествия?

— Ха-а... — вздохнул мечник, почесывая лоб, — ты невероятна. Как тебе удалось узнать такие подробности всего за одну ночь? Ты что, пыталась Эйко?

— О, ни в коем случае. Я всего лишь любезно пообщалась с ней за выпивкой.

— Боюсь представить, чем ты её так споила. К слову, где сейчас эти бумаги?

Девушка потянулась за документами, дабы продемонстрировать те путнику.

— Со мной. Надеюсь, ты не будешь против того, чтобы они временно остались при мне.

— Можешь их выкинуть. В любом случае, отца больше нет в живых, а значит никто не будет заботиться об этом месте.

— Не могу, — вновь пряча бумаги промолвила нанаши.

Юцуна озадаченно смотрел на спутницу, пытаясь найти какое-то объяснение её словам.

— В роду Янагивара ведь есть люди помимо твоего отца, не так ли? Если брать во внимание их положение, не будут ли они рады такой милостыне? В конце концов, эта гостиница будет памяткой о главе или же шагом на пути восстановления былой славы.

— Её ещё нужно забрать у Эйко. Учитывая тот факт, что она уже давно работает в том месте, это усугубляет ситуацию; а помогать роду самураев так и по-прежнему никто не станет.

— Это не так важно. Моей целью является лишь передача бумаг, их дальнейшая судьба уже не моего ума дело.

— Как знаешь. Но я хочу спросить, каким образом ты вообще планируешь с ними встретиться?

— Пока мы не пройдем земли Ранзильема, боюсь, не смогу ничего ответить.

— Ты права, — спустя некоторое время, к разговору подключился и Нозоми, — я уже чувствую дивный ветер, исходящий из земель этого мертвого города. Мы приближаемся к границе, а значит, нам открывается неведомость. Выживем мы или нет — уже не важно, ведь мы ступаем на земли Ранзильема — места, покрытого тайнами, и города, ведающего неясную судьбу.

— Есть в этих словах нечто завораживающее; быть может, так кажется из-за дуновения

ветра? — предположила девушка.

— В Ранзильеме поистине странный воздух, пропитанный страхом и отчаянием, агонией да самой смертью.

Среди триады повисло многозначительное молчание. В их душах появилась некая горечь, печаль, желание вернуться и вновь жить своей беззаботной жизнью, но это не имело значения: оставалось всего несколько десятков метров, и они ступят на мрачную землю.

Шаг за шагом они приближались к городу смерти. С его стороны исходил ветер, что перебрасывал пыльцу шуцуриана на студеную землю: та перебиралась на соседнюю территорию. Вещество попадало в обувь целеустремленным путникам, благодаря чему, казалось, ощущалось тепло. Последний шаг.

Перед взором странников раскинулась почти что пустая земля, коя своим видом напоминала пустыню. На кристально-белой земле располагались элементы готического декора, все черные, мрачные, что так или иначе передавали предчувствие смерти; однако больше всего это чувство заострялось при испытываемом ощущении слезки. Вокруг никого не было, лишь останки толь зверья, толь людства. Вдали же красовалось большое здание, совершенно незнакомое, но до чего же прекрасное. Белое, аки сама смерть; высокое, словно Замок белой цапли, но имел невиданное ранее строение, что издали казалось столь крошечным. Чарующая красота. Убийственная.

— Как здесь круто! — с восхищением да отголосками надменности огласил парнишка, — вот бы я стоял во главе этого города!

Инфантильность Юцуны поражала даже в столь напряженные моменты, хотя никто не упрекал его за подобную черту: было в этом что-то особенное, быть может, даже милое. Однако о первоначальной цели прибытия забыть не смел никто.

— Нанаши, — обратился мечник к девушке, — у тебя есть какой-то план?

Немного призадумавшись, молодница произнесла:

— Есть. Он может показаться вам несколько сомнительным.

— Давай обсудим твою идею.

Онна-бугэйся кивнула и принялась за рассказ новоиспеченного плана:

— Перво-наперво мы должны добраться до сего сооружения, — указав дланью на видневшийся издали замок произнесла та, — после чего, нам необходимо как-то выманить нашу фальшивую императрицу из-за его стен. Если же задумка окажется провальной, встретимся с ней напрямую уже в самом здании.

— погоди, ты серьезно? Идти в пасть к зверю? — с ошарашенным видом упрекнул Юцуна.

— Вполне.

Не делая поспешных выводов, Нозоми обратился к мечнице:

— Расскажешь поподробнее?

Нанаши кивнула.

— Я планирую в том или ином случае встретиться с ней один на один и поговорить, если удастся. В это же время передам вам Сакацуя, а значит поиски хигина останутся за вами.

Как и предполагала девушка, для странников план звучал весьма сомнительно, хотя и обладал своей логикой.

— Ты мыслишь в правильную сторону, однако, что будет, если разговор не заладится? Не смею усомниться, что она обладает каким-то, да оружием, а значит, без всяких сомнений,

направит его в твою сторону. Как поступишь в таком случае?

Не скрывая собственного смеха, мечница произнесла:

— Думаешь, не справлюсь без оружия? Не стоит. Я умею заговаривать зубы, этого должно хватить хотя бы на несколько минут для вашего поиска, а дальнейшие действия я буду смотреть уже находясь на грани жизни и смерти, но не волнуйся, в мои планы не входит сдаться.

— Хочешь взять хитростью и проницательностью? Умно, — проявив уважение ответил тот.

— Быть может, так, а может — иначе, — переведя свой взгляд на союзника, девица продолжила свою речь. — Каково твое мнение по этому поводу, Юцуна?

— Как всегда максимально странный план. Хотя я не удивлюсь, если подобная проделка сработает.

— Приятно слышать столь любезное доверие исходя из такой безумной идеи.

— Эй, я, вообще-то, все ещё не доверяю тебе, — с надменным выражением лица отрек тот. — вдруг ты все-таки Куро, просто стала излишне проворной?

— Успокойся, Юцуна. Я уже говорил тебе, что нанаша не является ею.

— А тебе-то откуда знать? Вдруг, вы с ней в сговоре.

После сказанных слов, на лице Нозоми проявилось ярко выраженное презрение.

— Потому что знаю.

Нанаша с любопытством наблюдала за происходящим, словно уловив какую-то зацепку, но вникать не стала. Вскоре, мечники умолкли, лишь время от времени перекидываясь недоверчивыми взглядами.

— Поболтаем, как только выйдем за пределы этого города. Понимаю, у каждого свое на уме, за что судить не стану, но, тем не менее, дело не терпит отлагательств. Не стоит подвергать себя опасности находясь в столь энигматическом $\square^{40}\square$ месте. Никто ведь не ведает, одна здесь Кенко иль же нет, сильна иль напрочь, беспомощна, — нам стоит завершить начатое.

— Тогда выдвигаемся, нанаша.

— И ещё, — заглянув каждому в глаза, словно в самую душу, произнесла, — доверьтесь мне, а я доверюсь вам.

Спутники кивнули и выдвинулись в путь. Дела принимали серьезный оборот, и каждый, на подсознательном уровне, понимал это.

Мечники волновались не столь о собственном благополучии, как о благополучии ближнего. Странная команда полна сюрпризов и неожиданностей: мечник, чья сила покрыта тайнами, потомок рода самураев, что имеет легкомысленный, нередко даже агрессивный подход к делам, и странница, что предпочитает сражаться словами. Имеют ли те шанс на успех — одним лишь небесам ясно. Однако решительности им не занимать. Устремляя свой взор вдаль, напрямик на сие подобие замка, те уверенно шли вперед.

Пыльца попадала в гэта раз за разом, оставляя лишь приятный след, что тут же струшивал ветер. Совершенно отличительная погода в сравнении с Сакурином: теплая, с легкой прохладой, но до чего же нежной.

Специфические украшения уже не так пугали, ведь эта тишина сводила с ума. Пытаясь отвлечься, триада перекидывалась время от времени парочкой слов, после чего вновь затихали. «Жить в абсолютном одиночестве в этом безмолвии... Неужели это стало причиной её безумия?», — глядя на местность в округе раздумывала девица.

Чем ближе путники подбирались к замку, тем больше усиливалось их беспокойство. Чувство слезки не покидало странников, как вдруг, над их головами пролетело два черных ворона, горлающих во всю. Устремляясь в само небо, то и дело что разносилось это бездушное карканье. «Умопомрачительно, здесь и вороны есть! — подумал про себя парнишка. — Эх, поскорее бы покончить с Кенко, чтобы забрать этот город!»

Вновь нарушив тишину, один из странников обратился:

— Безымянная.

Девушка вопросительно посмотрела на обратившегося к ней мечника.

— Ничего не чувствуешь?

— Наблюдение из тени. Словно нас окружает то, чего мы не видим. Мертвые души, небось?

— Ума тебе не занимать.

— Все совсем не так, — отмахнувшись произнесла она, — я лишь воспользовалась подсказкой, которую ты дал нам, рассказывая о Ранзильеме в общих чертах.

— Значит, таки я не ошибся.

— Касаемо чего?

На мгновение, в глазах Нозоми отобразились отголоски печали.

— В твоей находчивости и проницательности. Эти качества не раз нам пригодятся.

Вместо слов, нанаша одарила его небольшой улыбкой. За всеми разговорами, мечники и не заметили, как близко подобралась к замку. Считанные метры — и долгожданная цель будет достигнута.

Вальяжный дворец красовалась перед взором путников во всю. Высокие колонны передавали все могущество ключевой фигуры замка.

— Вот мы и здесь. Твой хигин — за этими дверями, — указав на вход промолвил мечник.

Нанаша окинула взором все здание. По вдумчивому взгляду стало ясно — зародилась новая мысль.

— Нозоми, — обратилась та к спутнику, — знаешь ли ты, как часто императрица покидает пределы города?

— Вероятно, не чаще чем раз в месяц, коль не реже. Увидеть её в людях столь тяжело, аки застать падение звезды с ночного неба.

— Хм, — протянула девица, — в таком случае, думаю, нам стоит открыть дверь в сию же секунду.

— А что касаемо твоей идеи привлечь её внимание и вытащить из дворца?

— Если привлечь внимание шумом с улицы, — проведя дланью по окрашенной стене да постукивая отрезала девушка, — не сработает, эта постройка обладает излишне крепкими стенами. Единственное, что можно предпринять, так это проникновение через сам вход. Попробуем открыть — вероятно, услышит, а значит и выйдет. Если же вход не заперт, то все становится куда проще, однако подобное под вопросом.

— Тогда ты сразу же встретишься лицом к лицу с Кенко? — выкрикнул Юцуна.

— Вполне возможно. Попробуемся внутрь, а там уже будем смотреть по обстоятельствам; но будьте тише, даже если встречи не избежать, то можно немного облегчить наши поиски.

— Попробуем? — озвался Нозоми.

Спутники одобрительно кивнули. Нанаша, собравшись с духом, положила кисти на две

шаровидные детали. Бесподобно гравированные бронзовые ручки сияли на фоне бледой архитектуры. Схватившись поудобнее, девица потянула их на себя, — и о, чудо! Прямоком перед из взором распахнулась дверца, а за ними — чарующий дизайн. «Открыто!» — подумали те про себя и незамедлительно пробрались внутрь.

Легкий холодок, схожий с издыханием смерти, касался их лиц. Игра черных и белых цветов манили к себе странников.

Девушка окинула взором мрачную локацию, внимая все окружающее. Взглянув на белое фортепиано, ей показалось, мол некий музыка пробегался своими утонченными пальцами по тугим клавишам, что эдаким звучанием сначала успокаивал томные души, а вскоре навевал невообразимый страх.

Высокая лестница, расположившаяся в самом центре зала, походила на те самые клавиши. Каждый, что шагал по ступеням, словно прыгая по инструменту, звучал; и каждый играл свою мелодию, вот только ей заведомо, получит ли та одобрительный возглас иль же напрочь, порицательный.

По двум сторонам явилась развилка, но оба зала вели к самым темным закоулкам сего замка. Неясно, что хранят в себе те длинные коридоры, что блекли на фоне мрачных картин.

Страница оценивала взглядом каждую деталь, даже самую незначительную. Казалось, та вот-вот хотела заглянуть в те потайные коридоры, как с самого верха прозвучал сомнительный монолог:

— За что мне это се, Всевышний, — почти что навзрыд молвил женский голосок, — в чем так уж провинилась я, что заслужила столь бездушную кару! Эти голоса — они повсюду... Эти лица — я вижу их везде... Эти танцы — до чего осточертели мне! Ответь, коль есть, зачем так мучишь мою душу? Чем услужить-то не смогла, что преподнес сей адский дар? Ответь же мне, да не молчи!

На мгновение, голос притих. Отчаяние переменялось на негодование:

— «Се ля ви», — говорят они, — «се ля ви...» Вы, глупые и неотесанные души, коль столь разумны — усмирите! Усмирите их — тех, иных, что душу мою лишь калечат, болтуны. Вы не наглейте и творите, иль заживо, уж вдруг, умрите!

Фальшивая императрица. Пронзающая небеса

Встревоженный, но до чего ласковый голос достиг нанаша. Услышать весьма юное девичье звучание никто и не думал, ведь, по слухам, сия леди была властна и надменна, да и ко всему прочему, считалась императрицей, хоть и самопровозглашенной.

«Кенко в замке, — подумала про себя та, — но почему же не выходит? И эти слова, что же они значат?» Пройдя чуть вперед, мечница рукой позвала за собой странников, взглянула по сторонам и, кивнув головой, подала знак рассыпаться по сему зданию. Парни ловко, едва слышно, словно крадущиеся синоби, двинулись в ближайший зал.

Услышав повторяющиеся из раза в раз постукивания, девица наострила уши и принялась строить догадки. «Дивный цокот, звучащий с верха. Без сомнения, это она», — припустила девушка. Она вдохнула на полную грудь, сохраняя все то же беспристрастное выражение лица. Скрестив руки, нанаша стояла вблизи входной двери. Она ждала её.

Цокот становился все громче, ярче и насыщенней. Императрица приближалась медленно, оставляя за собой невозмутимое предвкушение; и вот, черная бестия подошла к белоснежно-черным ступеням, что ведут её к столь безумной иль бесстрашной девице. Она смотрела сверку вниз на нежданную гостью.

— Кто ты и что здесь позабыла? — спросила та.

Нанаша, совершив уважительный поклон, промолвила:

— Я безымянная странница, прибывшая на эти земли, дабы узреть Ваш богоподобный лик.

Кенко презрительно взглянула на неё и томным шагом начала спускаться. Её бледная кожа вся сияла, а длинные черные волосы били по спине и достигали самих ног. Странное одеяние выглядело совершенно чужим, но черты лица глаголили об обратном. Проницательный пленяющий взгляд и прямые брови придавали ей величественности, а тонкий нос и губы — благородства. Длинное платье было с короткими спущенными рукавами, благодаря чему можно было заметить весьма глубокий шрам; обрамленный шипами подол завораживал и пугал одновременно. Изящная нога лишь немного поглядывала из-за мрачных одежд, а туфли на каблук придавала статности и без того высокой девице. Различные украшения в виде треугольников, двух — на руке, и по одному — в ушах, притягивали к себе все внимание. Меч, обвитый теми же шипами, блистал в руках девицы. Она воистину походила на ключевую фигуру империи.

Подойдя почти в плотную к мечнице, она промолвила своим властным тоном:

— Ты знаешь, что эта территория — запретная зона? Здесь нельзя расхаживать как тебе того захочется.

— Знаю, за что прошу меня простить, — с неким лукавством отрекла она-бугэйся.

Услышав некое язвление, в глазах девушки отобразилось презрение. Вглядываясь в очи мечницы, она обернулась и, собираясь вернуться наверх, промолвила:

— Уходи. Тебе здесь не место.

— Не могу.

Ответ онны-бугэйси потряс императрицу до глубины души. Не виданное ранее нахальство вызывало у той отвращение.

Обернувшись да кинув едкий взгляд, она промолвила:

— Повтори.

— Я не могу уйти в сию минуту.

— Ха, — вопросительно усмехнувшись съязвила та, — приходишь на запретную территорию, вторгаешься в чужую резиденцию и перечишь её владычице. Не уж то совсем не ведаешь страха?

— Быть может ведаю, а может — нет. Это все тлен в сравнении с Вашей красотой, госпожа.

— Насмотрелась — уходи. Не люблю людей, говорящих загадками, а столь самоуверенных и подавно.

— Мне жаль, что я разочаровала Вас, однако — преклонив голову да лукаво усмехнувшись отрекла та, — не лучше ли Вам обзавестись собеседником, дабы не сойти с ума в этом пропитанном смертью месте?

На сей раз императрица не выдержала такого надмения и, метнувшись напрямик к нанаше, вонзила катану в дверь, едва касаясь плеча девушки.

— Кажется, мне неистово везет встречаться с мечниками вроде Вас. Приятно, — промолвила та.

— Замолчи. Ты не дух, но тоже сводишь меня с ума, но при этом я могу прикончить тебя, — не сдерживая своей злости отрекла императрица и, вынув катану, замахнулась ею на девушку.

— Не так быстро, — остановив пронзающее лезвие ногой произнесла онна-бугэйся, — сначала я заберу то, что принадлежит моему спутнику.

«Сильная, — подумала про себя нанаша, глядя на впившееся в гэта острие меча, — не просто так себя императрицей чтет».

— И что же ты здесь забыла? — вновь резко атаковав промолвила Кенко.

— Хигин, — уворачиваясь отрекла молодица.

По выражению лица девушки, стало ясно, что такой ответ ей не понравился.

— Здесь нет ничего твоего. К тому же, как ты собралась найти его без меча?

Одна мастерски атаковала, почти что касаясь острием катаны всех важных жизненных точек, а другая умело уворачивалась. Их бой, если его можно так назвать, был почти что на равных. Сражайся они на мечах в честном поединке, выбрать победителя было бы довольно трудно.

Во время сражения двух необычайно сильных особей, напрямик перед нанаше упал тренировочный бамбуковый меч. Ловко пропустив атаку, спустившись вниз, она прибрала к себе столь полезную вещь.

— Он у моих товарищей, — промолвила онна-бугэйся.

— Ты притащила сюда ещё каких-то подонков? — молниеносно атаковав со всей силы, прозвучал голос императрицы.

— Все так, Ваше Императорское высочество, — отразив нападение синаем □⁴²□, согласилась девушка.

Их мечи поглощали друг друга, однако преимущество таки было за Кенко. Приложив все усилия, её меч пронзил насквозь тренировочное оружие и часть того пала ниц.

— Достаточно игр, безымянная мечница, — направив катану на противницу произнесла властная дева, — поскольку я сочла тебя настоящей занозой, коей, по своей натуре и являешься, то позволю узреть тебе всю нашу с Санмарин силу и пасть от моей руки.

— Не будьте столь надменной, леди. В моей руке все ещё есть часть меча.

— Посмотрим, насколько тебя хватит.

Вздыхаемый меч угрожающе сверкал в руке Кенко, предвещая крах противника. Обвитые вокруг рукояти катаны шипы сейчас захватили и руку. Императрица закрыла глаза, концентрирую свою энергию на лезвие меча, что вытекала в черное, словно горящее, свечение.

— Я заставлю тебя сойти с ума, мечница, — громогласно прогремел голос девушки.

Вокруг все затянулось, словно небо перед дождем. Белые стены замка помрачнели, а из уст самопровозглашенной императрице вылетели странные слова:

— Мертвые души: пляска смерти!

Оглушение. Яркий свет слепил глаза. На мгновение, нанаши прикрыла веки, однако стоило их открыть, как перед ней расположилась мрачная картина: повсюду стояли мертвые души. Кто-то сидел за фортепиано, играя странную мелодию, кто-то раскаивался за грехи, стоя прямо у ног молодницы. Другие занимались своими неясными делами. Весь замок был наполнен ими. Каждая мертвая душа отличалась от другой, но было у них нечто общее — слезы, текущие из их очей. Стоило им взглянуть на Кенко, тут же начинали плясать как ненормальные. Сама же девушка стояла непоколебимо, но в её взгляде отображалась одна вещь — презрение.

Мечница с недопониманием смотрела на происходящее вокруг. Не столь страшила её мысль о существовании духов, как о том, что она увидела их по щелчку пальца. «Что это за сила? — недоумевающая раздумывала она. — Почему они плачут и пляшут?»

Её мысли прервал голос Кенко:

— Теперь ты видишь тоже что и я. Каждый, находящийся под воздействием моего хакая будет видеть духов. Если буду находиться совсем рядом с ними, они начнут плясать на последнем издыхании.

Девушка, пораженная подобным представлением, все-таки начала раздумывать над прозвучавшей речью: «Хакай? Это слово... — пытаюсь сыскать надлежащие воспоминания рассуждала та, — оно кажется мне знакомым, но не могу вспомнить, где же слышала его».

Переключившись на происходящее вокруг, она-бугэйся задала ещё один вопрос владычице:

— Я вижу их везде, но постиг ли твой... хакай моих товарищей?

— Конечно, — вновь направив меч на девушку отрекла императрица, — ареал хакая достигает предела этого замка, а значит твои товарищи находятся под его воздействием.

— Ох, — протянула та, прикрыв лицо дланью.

Пока Кенко пыталась понять реакцию нанаши, у спутников девушки появились кое-какие проблемы.

Находясь в одном из залов, странников настигло весьма странное ненастье.

— Черт побери, что это! — ошарашенно глядя прямо в глаза духу прогремел Юцуна.

— Неужели ты не видишь, что это мертвая душа?

— Да вижу я его, ты посмотри на лицо этого уродца. Я чуть ли не умер со страху!

Заплакав, дух мужчины отстранился от мечника.

— Да ты и сам его напугал.

— Простите... — едва слышно протянул дух, — я не хотел вас напугать...

Мечники одновременно посмотрели на говорящего духа, переглянулись, но один из напарников не выдержал подобного представления. Юцуна загорланил со страху во всю, скрываясь за спиной Нозоми, что тут же прикрыл тому рот.

— Тебе говорили вести себя тише, — презренно глядя на шокированного товарища промолвил парень.

Юцуна лишь кивнул на то, чтобы его отпустили.

Удостоверившись, что странник не учудит чего, Нозоми обратился к духу:

— Все в порядке.

— Вы столь великодушны, господин...

— Не стоит, — отмахнувшись промолвил далее. — Скажите, могу ли я попросить Вас об услуге?

— Зависит от того, чего возжелаете.

— Знаете ли Вы, где здесь хранятся хигины?

От услышанного дух схватился за сердце и ошарашено отринул. Своими мертвыми глазами, он зрел прямо в душу. Замешкавшись, тот обратился к мечникам:

— А вам зачем?

— Какая разница. Лучше скажи, сможешь провести нас к ним или нет? — вмешавшись огласил Юцуна.

— Здесь есть одна вещица, что принадлежит нашему товарищу, потом, мы бы хотели вернуть её.

Мертвая душа задумчиво глядела на путников, пытаясь определиться.

— Понимаете, мне совсем не сложно, но если Её Высочество узнает...

— Она не будет против. Прямо сейчас, прибывший с нами странник беседует с императрицей.

— Исходя из того, что вы видите меня, переговоры проходят не очень-то успешно...

— Это лишь побочный эффект. Результат будет положительным.

— Хм... — протянул дух, — тогда ладно. Думаю, я смогу вас провести к месту нахождения оболочек.

— От всей души благодарен Вам, — преклонив голову промолвил Нозоми.

Дух шёл впереди, а за ним — странники. Спускаясь в подземные ходы, те успешно направлялись за хигином, в тот час, как между прибывшей странницей и самопровозглашенной императрицей проходили так называемые "переговоры".

— Находишь время поразмышлять в разгаре боя? Как невежественно, — упрекнула мечницу Кенко.

— Прошу меня простить, леди, — вновь преклонив голову промолвила девица, — не могу не волноваться о том, как удачно проходят поиски моих спутников.

— Не о том ты думаешь, безымянная странница. Если я использую второй тан, ты не успеешь даже распрощаться с собственной жизнью.

«Хакай, тан, «мертвые души: пляска смерти», что это все значит? Ничего не понимаю, и от этого так тяжело на душе», — невольно подумала нанаши.

— Звучит так, словно Вы, Всемиловивейшая государыня, взаправду всемиловивы.

— На сей раз я соглашусь с тобой и твоим непрошеным мнением, — в тотчас направив меч на странную гостью, промолвила девушка, — давай посмотрим, что произойдет быстрее: ты сойдешь с ума, находясь в сем подобии ада, или от моей сильнейшей, на данный момент, способности.

— Столь интригующие слова да какое сладкое предвкушение.

— Вижу, ты совсем страха не ведаешь. Готова пожертвовать собой, чтобы спасти один единственный хигин? Меня разочаровывает сия мысль.

Девушка улыбнулась, но её томный голос преобразился на серьезный, став тверже:

— Я не пожертвую собой. В этом не будет эдакого смысла. Я буду сражаться на последнем издыхании, пока мое сердце не остановится, а в легкие не поступит и грамма воздуха. Пока ноги от изнеможения не потянут к земле, пока у меня есть две руки. И нет, это не жертва. Это отчаянное сражение, в котором я не намереваюсь проигрывать до самой смерти.

Кенко удивленно вскинула свои тонкие брови и глядела прямоком на молодницу:

— Каким же образом ты планируешь выстоять против меня? При тебе нет ни меча, ни защиты, так какую идею выдаст твоя пустая головушка?

— У меня все ещё сила воли и тяга к жизни, не так ли? Засим и предпочту опереться на собственные чувства.

Императрица потерла свой лоб, словно утомившись от столь нелепых разговоров. Кенко изрядно вымоталась слушать бродяжку, но по какой-то неведомой причине её сердце настигло беспокойство. «До чего мне осточертела эта болтунья. Покончу с ней одним ударом и всего-то», — громогласно пронеслась сия мысль в голове у девушки.

Своим властным тоном, императрица весьма грубо отрекла:

— Ты, кажется, чего-то недопоняла, — произнесла та, вздымая острую, аки пронзающую небеса, катану, — впрочем, лучше все наглядно показать, дабы усмирить твой пыл.

На эти слова нанаша не стала отвечать, лишь слегка напряглась, чтобы в подходящий момент ловко увернуться или выстоять на ногах. Вариантов не много, однако что-то таки стоит предпринять. Страх, сопутствующий странницу по дороге в Ранзильем, с каждым движением рук Кенко отступал, но расслабляться не стоило.

— Запомни слова, что прозвучат сейчас в твоих ушах.

Сверкающий меч глядел сверху вниз на девушку ровно также, как и его обладательница. Они не видели в ней равных себе.

Длань Кенко сжала рукоять катаны мертвой хваткой, таким образом концентрируя собственную силу да направляя в нужное русло. На одно лишь мгновение императрица прикрыла глаза, делая глубокий вдох, как её опасный, полный решимости взгляд и всевластный голос прогремели:

— Мертвые души: крик пустоши!

На сей раз, ослепляющей вспышки не было. Вместо этого, на какое-то мгновение воцарилась полная тишина. Нанаша глядела на сверкающий меч, что все сильнее тлел на фоне белых стен. Это темное свечение завораживало и пленило узревшего подобное происшествие. Стоило ей было повернуть голову, как изо всех сторон начали пропадать пляшущие мертвецы. Те глядели своими красными глазами, опухшими от громких слез, на катану, и тут же погибали. Меч Кенко срывал всю плоть с мертвецов, покуда останки душ не рассыпались в прах. Нанаша осознала, что это и есть тот самый шуцуриан, коим покрыта земля Ранзильема.

Высушенная душа бесследно исчезала, но меньше тех не становилась. Сила Кенко выборочно иссушала их. Девица переняла свой взор на катану императрицы, что фактически воссоздал огромный молот из плоти мертвецов, и тут же осознала, что раскрыла страшную тайну. Её глаза преисполнились неутолимым страхом.

Мечница хотела-было поделиться с императрицей сим секретом, но та, полностью увлеченная в процесс создания орудия убийства, не внимала нанаша. Тогда, рванув что есть

силы, она молниеносно приблизилась к Кенко и повалила тут на ступени. Не успела императрица и моргнуть, как оказалась прижата к ступеням.

— Что ты творишь! — громогласно промолвила она, глядя обезумевшими глазами на нанаша и пытаюсь выбраться из-под навалившейся девицы.

Онна-бугэйся не ослабляла хватку и немного встряхивая девушку, промолвила ошарашенным голосом:

— Кенко, прошу, выслушай меня! Это очень...важно...

Не успев проговорить последние слова, голос нанаша просел из-за сильной боли. Пронзающее лезвие Санмарин впилося ей прямоком в меж ребер, едва касаясь костей. Она шустро выбила катану из рук Кенко, все сильнее скручиваясь от нанесенного урона.

Девушка прижалась пальцами правой руки прямоком к глубокому шраму, в тот час как левая удерживала руки неугомонной императрицы. Из-под окровавленной руки истекала алая кровь, что пачкала белоснежную лестницу. Со стороны картина походила на белоснежный снег, кой украшали капли крови убитого зверья.

— Отцепись от меня, ты, ненормальная! — все сильнее вырываясь из рук мечницы гремел голос императрицы.

Девушке становилось все хуже: она уперлась лицом в хаори и закашляла кровью. Пытаясь выдавить из себя хоть пару слов, та промолвила:

— Ты...не больна...

Не расслышав слов мечницы, Кенко отрекла:

— Что ты несешь?! Отцепись от меня!

— Ты не имеешь... психических расстройств... Здорова...ты... Не больна...

Кенко поняла. Отдаленно, не дословно, но поняла самую суть. Её ошарашенный взгляд требовал разъяснений, которых, из-за своей проделки, навряд ли услышит.

Встревоженным, но уже чуть менее агрессивным настроением голосом она обратилась к нанаша:

— О чем ты говоришь, я ничего не понимаю! — промолвила императрица, встряхивая мечницу, дабы та не отключилась.

В глазах девушки все плыло. С минуты на минуту её тело могло пасть ниц перед столь невыносимой болью. Нанаша держалась из последних сил, но все же выудила последние слова для императрицы.

— Я слышала...твои, — вновь закашляв кровью, промолвила томным голосом, — слова... Ты не больна...просто твоя...сила...она слишком...

Агония захватила душу девушки и не стала отпускать. Холодный пот стекал по её и без того бледному лицу. Хрупкое тело мечницы свалилось прямоком на Кенко.

Повисла пугающая тишина, императрица сходила в ней с ума. Пальцы её рук дрожали, пытаюсь вцепиться в павшее тело странницы, что мертвым грузом лежало на ней. От паники сердце неистово билось, от страха очи глядели хоть куда. Учащалось дыхание, а ужас так и не отступал.

Кенко трусила девицу из раза в раз. Била по лицу, чтобы та проснулась. Она хотела знать ответ. Хотела знать, что онна-бугэйся жива.

Своим встревоженным тоном, императрица молвила:

— Объясни, прошу, объясни свои слова! Очнись, не умирай, скажи, что же ты поняла, — почти что навзрыд кричал её голос.

Кровь из раны девушки изливалась все сильнее и сильнее. Как только императрица

приподняла её, чтобы разглядеть кровоточащую рану, — ужаснулась. Огромное кровавое пятно растекалось по всему одеянию, почти что просачиваясь наружу.

В мгновение ока, она сняла шарф с шеи мечницы и перевязала как можно туже рану, параллельно пытаясь взять на руки павшую странницу и отнести в свои покои. Холодное тело было таким легким, невесомым, словно вместо взрослой девушки лежал утомленный ребенок.

Страх и боль. Стыд. Они заполнили душу Кенко, испытываемой неистовое отчаяние. Императрица поднялась по окровавленной лестнице и быстро скрылась за поворотом.

Второе дыхание. Правда во лжи

Холод. Он отовсюду просачивался через стены замка. Страх. Он все никак не отпускал, лишь оставлял за собой неведение. Боль. Неутолимые страдания.

Белые стены, темный пол. Небольшое, но до чего изящное окно сияло. Ветер колыхал мрачные занавески, что покачивались от одного лишь дуновения. Он щекотал их, и, как Эдо фурин □⁴³□ на ветру, что излучал приятные звуки, те хохотали вместе с ним.

По правую стену от окна висел нарисованный портрет. До чего прекрасная особь была изображена на нем. Властный взгляд, изящная осанка, благородные черты лица. В ней все выдавало императрицу Ранзильема, но женщина выглядела более зрело. Её лик выражал мудрость, совершенствующаяся годами.

На изящном выгравированном кресле сидела Кенко. Её задумчивый взгляд, выглядывающий из-под полуприкрытых век, говорил о многом. Императрица раздумывала о разном, но большую часть мыслей у неё заняло произошедшее днем ранее.

На вальяжной кровати, раскинувшейся неподалеку от кресла, лежала девушка. Её белоснежные локоны рассыпались на фоне сумрачной ночи, что приходилась пеленой для павшей зари. Очи, укрытые белоснежными ресницами походили на затрушенные пушистым снегом улочки, коим одаряла метель. По безжизненному личику разлился красный румянец, повествующей о ранней агонии, но покинула ли та её — не ведомо никому, лишь капелькам, стекающим из-под холодного компресса по худощавым щечкам прямоком на лилейный □⁴⁴□ нагадзюбан □⁴⁵□. Даже спав она поражала, даже умирая она выглядела столь непоколебимой.

В закоулках замка, что дотоле обладали некой таинственностью и неясностью, расположилась временная обитель странников и, на сей раз, готового к сражениям меча. Те сидели на мягонькой софе, повесив нос, не проронив и словечка да раздумывая обо всем. Таки им удалось возвернуть ту самую недостающую деталь, но цена оказалась слишком велика.

Одним днем ранее.

— Ох, — протянув огласил Юцуна, — ну в самом-то деле. После такого длительного путешествия, мы наконец приблизились к желанному хигину, а он заморожен? Серьезно?

Дух взглянул на парня и мотнул головой.

— Ни в коем случае, сэр, — промолвил тот, приближаясь к одной из оболочек для душ. — Это не изморозь и не лед. Так выглядит хигин, что не носился долгое время и пережил тяжкие времена.

— Впервые вижу подобное явление, — раздумывая над услышанным отрек Нозоми.

Больше не боясь контактировать с чужеземцами, мертвая душа кивнула и произнесла:

— Одно из самых редких явлений среди оболочек, — беспрерывно глядя на хигин молвил он, — боюсь представить, что произошло с владельцем меча, если защитный покров так изнашивался.

Юцуна задумался над словами духа и выказал первое пришедшее на ум:

— Это из-за особенности нанаша?

— Нет, — возразил мечник, — она не использовала облаченный в хигин меч, тем паче, что тот сам по себе не является кровным ей.

— А как же душа, связанная с владельцем напрямую?

Слова спутника заставили усомниться Нозоми в подлинности собственных слов, но тот быстро одумался.

— Вряд ли в этом дело.

Хотя странник и отрицал такую мысль, на деле же принялся копать вглубь истины. Сколь не казалось ему возмутительным подобное предположение, было в нем-таки что-то не дающее покоя, какая-то упущенная деталь. «Душа и обладатель — связаны, — раздумывал тот, — но может ли та переместиться из одного орудия в другое? И, если так, почему тому же нанесен ущерб?»

Пока странник засел в долгих раздумьях, затерявшись в собственных мыслях, вспыльчивый мечник не терял время зря и выказал:

— Слушай, — обратился тот к спутнику, — а с чего ты вообще решил, что меч нанаша не родной ей? Знаешь владельца этого клинка что ли?

— Эта катана не подходит ей, — воспротивил странник, — возможно, ты не замечал, но владение мечом нанаша находится на высоком уровне, невзирая на утерянную память и некие умения. Однако, движения рук и сами перехваты даются с трудом. Даже по самой манере видно, что она владела саблей с индивидуальной цукой, да и по длине та явно превосходила сию.

Юцуна слушал путника до самого конца, пытаясь вдуматься в каждое выказанное словечко, но все, что выдала его головушка, это так званую «карикатуру».

— Понятно, — ошарашенно отрек тот, — кажется, у неё действительно был другой меч. Теперь я в этом не сомневаюсь.

— Просто признай, что ничего не понял.

— Не буду я ничего признавать!

Глядя на оживленную беседу путников, мертвая душа попыталась втиснуться в неё.

— Кхм, — протянул тот, — раз уж вы пришли сюда в поиске хигина, а теперь отыскали, то почему бы не возобновить его?

— Показывайте, — отрек Нозоми.

Дух кивнул, взял катану из рук странника и преподнес ту так, чтобы сохранилось горизонтальное положение. Легким медленным шагом он приближался к светящейся оболочке, протягивая меч все ближе и ближе. Хигин пробивался через лед, словно птенчик, вырывающийся из скорлупы наружу. И вот, поднеся катану вплотную к оболочке, та заискрилась и рассыпалась на мелкие частички, питая орудие.

Мечники вдумчиво глядели на подобное происшествие, приравнивая его к чему-то невероятному и, коим-то образом, настораживающим.

Стоило мечу потухнуть, как изнутри вырвался маленький комочек счастья. Это был Сакацуй, носитель имени и верный защитник меча нанаша. Белоснежный котенок являлся точной копией своей владычицы: те же изумрудные глаза, тот же бесподобный окрас и тот неповторимый пронизательный взгляд.

Поднявшись на коротенькие лапки, тот весь взъерошился и, мотнув головой, словно сбрасывая павшие пылинки, глянул на мечников. Его шустрый взгляд прошелся по каждому с явным любопытством, но, когда дело дошло до старшего, зрачки котенка значительно расширились, словно перед ним стоял не блуждающий мечник, а аппетитненькая пташка. Тому была в радость сия встреча.

Нозоми одарил душу приятной улыбкой и, легко проходясь по нежной шерстке,

промолвил:

— Ну здравствуй, Сакацуй. Рад нашей встречи.

Котенок вмиг приободрился, потоптался на месте, и, едва не упав, прыгнул на своих коротких лапках напрямик к Нозоми. Со стороны подобное зрелище грело душу, покуда маленькая душа не затряслась от внезапно нахлынувшего страха.

Мечник внимательно осмотрел напуганного товарища, как тот же накатившийся страх заполнил его душу. Сакацуй немедля вернулся в родной сосуд, дожидаясь реакции спутников.

— У меня плохое предчувствие. Нам стоит выдвигаться, — несколько встревоженным голосом произнес он.

— А? Да что не так-то, Нозоми?

— Просто прислушайся ко мне.

Странник повернулся лицом к духу и, совершив низкий, наполненный уважением и искренностью поклон, немедля удалился. Парнишка последовал примеру своего наставника, хотя наспех это выглядело весьма нелепо, отблагодарил господина и ринулся за старшим.

Быстрый шаг переменялся почти что на бег. Кругом стояла пугающая тишина, и лишь постукивания гэта о твердый пол нарушали её покои.

Они бежали по темным коридорам, как вдруг, выскочив в центральный зал увидели одну лишь пустоту. Ни нанаша, ни самопровозглашенной императрицы уже не было.

— Они что, пошли любезно выпить чаю? — нахмутив брови да с некой иронией промолвил Нозоми. — Как ты, черт побери, нанаша, договариваешься?

Юцуна прытко осмотрел весь зал, как тут же его внимание привлекла запачканная лестница на верхний этаж.

— Глянь, — обратился тот к мечнику, указав на кровавые следы вдоль ступеней, — кажется, они там.

Узрев алые пятная на фоне лилового окраса, мечники стремительно взобрались по лестнице напрямик наверх. Осмотревшись по сторонам, они узрели уйму дверей, ведущих в безызвестность. Среди десятков дверей лишь одна вела по верному пути. Некоторые из них были открыты, потому путники начали с них — не ошиблись.

Ворвавшись в одну из комнат, Нозоми нашел пропавшую спутницу вместе с императрицей.

Прямиком перед его взором была нанаша. Истощенная, бледная, словно чистый лист бумаги, что украшали лишь несколько амарантовых $\square^{46}\square$ разводов от нахлынувшей агонии. Повсюду валялись бинты, а рядом лежал острый ножик. Стояло и ведро воды.

Кенко облачала безжизненное тело в аккуратный нагадзюбан. Сняв острую заколочку, она бережно укладывала девушку на чистую постель, поправляя каждый загнувшийся кончик, расправляя каждую складку. Управившись с одним — принялась за другое. Рассыпав локоны по всей кровати, императрица переменяла мокрую тряпочку да положила напрямик на лоб мечнице. Такая забота вызывала недоразумение и изумление в одном лице.

Нозоми стоял в дверном проеме, все глядя на сию картину. «Сама ранила, сама лечит», — пытаюсь понять ход мыслей противницы подумал тот.

Через минуту прибежал и вспльчивый парнишка. Вот он то уж точно не оставит подобное просто так.

— Эй, ты, императричка, — с язвлением молвил Юцуна, — немедля отойди от нашей главы!

Продолжая глазеть на раненую девицу, она сделала вид, что не услышала столь явной агрессии в свою сторону, лишь невольно подумала: «Глава...»

Чем дольше парень смотрел на столь безразличное отношение, тем больше его это изводило.

— Императричка, я, вообще-то, к тебе обращаюсь. Убери свои грязные руки от этой самоуверенной девицы, иначе мы с наставником прикончим тебя! — прогремел мечник, совершая несколько шагов навстречу Кенко.

— Стой, — едва слышно промолвила та.

— Думаешь, послушаюсь тебя, а?

— Остановись, — схватив за руку мальчонку отрек Нозоми, — ты не дал ей сказать и слова.

— Зачем нам слушать убийцу?!

— «Грехи других судить Вы так усердно рветесь, начните со своих и до чужих не доберетесь» □⁴⁷□, - промолвила Кенко ступая к мечникам.

Императрица подошла достаточно близко, чтобы говорить с глазу на глаз, но и сохраняла небольшую дистанцию. В её сумрачных очах отображалась неведомая печаль и стыд перед странниками.

— Громкое высказывание, — обратился к девушке странник, — как же его расценивать?

— Эти слова мне когда-то сказала моя матушка, — отведя взгляд на портрет продолжила она, — я не хотела вас задеть, но и мне неприятен столь жестокий упрек.

— Но ты ведь убийца! Посмотри на то, что сотворила с нанашаи.

— В порыве гнева я совершила необдуманный поступок, за что от всей души прошу простить меня, хоть и желать такого не смею, — с небывалой искренностью в глазах и на устах, преклонив голову произнесла Кенко.

— Тебе стоит говорить это не нам, а этой барышне, — промолвил Нозоми, переведя взгляд на нанашаи.

— Боюсь, мои слова будут пустым звоном для неё. Одними речами столь грязный проступок не перекрыть.

— Она простит тебя. Если увидит истину в твоих словах, то поступит именно так и никак иначе.

— Не знаю, насколько добродушным должен быть человек, чтобы простить что-то столь отвратительное по отношению к себе.

— Не обязательно быть добродушным, чтобы быть рассудительным. Впрочем, увидишь все своими глазами, если нанашаи очнется.

— А если нет?

— Почему бы тебе, — вновь кинув взгляд на Кенко продолжил мечник, — просто не думать о лучшем исходе?

— Что ж, ты прав. Или мне лучше сказать Вы правы?

— Обойдемся без формальностей.

Императрица кивнула и обратилась к обоим странникам:

— В таком случае, давайте покинем все наши разногласия до тех пор, пока ваша спутница находится без сознания. Я проведу вас в гостиную, где вы сможете переждать некоторое время.

Императрица покинула комнату, а вслед за ней вышел и Юцуна. Нозоми был подле

нанаша.

Мечник глядел на девушку опустошенным взглядом, но знал ли он сам, сколько в нем крылось боли и тоски. Он стоял рядом, не совершая никаких движений. Его дыхание, столь тихое, что казалось и вовсе отсутствующим, лишь изредка пропускало тяжкие вздохи. Глядеть на изувеченного человека, более того, родного душе, невозможно туго.

Парень не произнес ни слова, лишь глядел на едва пропускающие вдохи и выдохи странницы. Те были настолько томными, как будто вот-вот затихнут раз и навсегда. Поглядев на закрытые веки мечницы в последний раз, он вернулся к товарищу. Тот поджидал его на мягонькой козетке □⁴⁸□ с явным желанием переговорить.

С минуты на минуту, как спутник вошел в комнату, парнишка тотчас атаковал его вопросом:

— Нозоми, почему ты остановил меня, когда я хотел преподать урок этой проказной дамочке? И почему ты вообще не сказал ничего толкового, а?

Подойдя ближе к товарищу, мечник присел на соседнюю козетку и, прикрыв дланью лицо, нехотя, отрек:

— Сдается мне, ты позабыл, где мы находимся.

— Да знаю я, что мы находимся в резиденции Кенко, но какое это имеет значение?!

— Помимо того, что мы вторглись в частную собственность, посягнули на имущество обладательницы и её жизнь, мы находимся на территории Ранзильема, запретной территории.

— Да, но...

— У нас вообще нет права говорить что-либо в этой ситуации. Хотя нанаша ранили, Кенко предоставила ей достойный уход, потом, есть ли нам что предъявить помимо возмущений о небрежности? Как глупо.

Мечник взглянул на своего спутника, соглашаясь с выказанными словами. Все вышло действительно так, как он и сказал, и этот логос был последним, что услышал странник за оставшееся ожидание. Больше те не произнесли ни звука, лишь сидели да ждали хороших или не очень новостей.

Прошло немало времени, а кругом стояла все та же тишина. Кенко сидела подле раненой девушки, странники — в гостиной. Нанаша лежала все также неподвижно, но жар понемногу отпускал её. Ранение оказалось куда более опасным, чем можно было представить. Все ждали ответ на те самые вопросы: все ли будет в порядке; выживет ли она; справится ли? Безмолвное ожидание пугало их.

Тяжкое дыхание нанаша исподволь угасало. Биение затихало, словно вот-вот остановится навеки. Лицо поблекло, а на теле выступили синие пятна, предвещающие смерть. Неужто это конец?

Её жизнь весела на волоске от смерти. Температура падала, превращая мечницу в ледяшку. Льдом укрывалось и её тело. Так медленно, но сколь прогрессивно. Иглы пронзали кожу, вырываясь наружу.

Узрев подобное явление, Кенко ринулась к девушке и всячески старалась отодрать лед — не получалось. Пробовала отогреть — ничего. Нанаша укрывалась льдом прямиком на глазах девушки, что едва ли не задыхалась от страха. Ещё мгновение и её сердце замерзнет навеки вечные.

Страх. Боль. Страх. Боль. Страх. Боль.

Эти чувства смешались воедино, но павшая странница открыла глаза да приподнялась настолько резко, что едва не потеряла сознание от болевого шока. Она заглывала воздух так жадно, словно рыба, выброшенная на сушу. Глаза, переполненные утомленностью и страхом смерти, старались уловить свет, ссохшиеся уста, что вновь укрылись кровавыми пятнами, сердце, что забилося мол ошалевшее, помутневший разум, что пытался вернуть трезвый ум, — все они сражались за жизнь онны-бугэйси в это мгновение.

Понемногу, захватившая в свои объятия девушку агония отступала, и та смогла уже чуть более спокойно дышать. Исподволь жизнь возвращалась к ней.

Туго повернув голову, взор девицы пал на лежащую у самого конца кровати императрицу. Удивленным взглядом, она окинула девушку и, едва слышно, обратилась:

— Кенко...?

Ощувив на себе пристальный взгляд и донесенное слово мечницы, девушка быстро взылась и ошарашенно, с неким облегчением воззрела в томные, но до чего притягательные глаза бродяжки. От шока, она потеряла дар речи.

— Кенко... — промолвила та, потянув пальцы к шокированной девушке, — где я?

— Не вставай, — своим встревоженным голосом ответила императрица и уложила на подушку странницу.

Она смотрела на неё с некой виной, что переросла в желание исправиться и позаботиться о раненой.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мгх... — протянула та, почесывая голову от накатившей боли, — все хорошо. Чувствую себя получше, чем после нашего сражения.

Нанаши попыталась посмеяться, но боль в ребре не позволила ей этого сделать.

— Не смейся, только хуже станет, — с опасением произнесла императрица.

— Ха... Попади ты чуть выше, задела бы легкие, туго бы мне пришлось. А так ниже попала, не зацепила, благо ничего, и проучила меня заодно.

— Мне так стыдно перед тобой. Я знаю, что содеяла непоправимое и не заслуживаю на милость, но, все-таки, искренне раскаиваюсь и молю о прощении, — преклонив голову, молвила та.

Мечница отмахнулась, явно отрицая виновность девушки:

— Все в порядке, не стоит так волноваться, — отрекла та, перескочив с одной темы на другую, — в довершении чего, ты ведь ждала мгновения, когда я почувствуюсь, дабы расспросить о сказанных ранее словах, не так ли?

От стыда, Кенко отвела взгляд в сторону и возразила:

— Нет... не совсем. Меня больше интересовало твое состояние.

Онна-бугэйся с умилением глядела на девушку, словно перед ней была не властная императрица, а совсем юная девчонка.

— Все в порядке, я отвечу.

— Правда?! — от услышанного, та почти что вскрикнула.

Нанаши кивнула:

— Скажи, видела ли ты при первом же приходе на эти земли мертвые души?

— Хм, — призадумалась девушка, — полагаю, что нет.

— Их и не должно быть.

— Так разве это не значит, что я больна? Я ведь кругом вижу эти души.

— А видишь ли ты их повсюду вне Ранзильема?

Императрица задумалась, пытаясь уловить суть, как вдруг, её осенило. Переведя взгляд на раненую, она промолвила с некой надеждой:

— Получается...

— Все так, как ты думаешь, — переведя взгляд на окно, продолжила свою речь, — дело не в болезни, а в силе, коей обладаешь. Кажись, ты неоднократно использовала способности в сих землях, да и явно не на одном и том же месте. Как ты и говорила, твой хакай занимает территорию равноценную округа этого замка; исходя из этого, каждое место, в котором ты использовала подобную силу, «возрождало» мертвецов. Чем больше требуется сил, тем больше их появляется на земле, в конечном итоге, заполняя всю окружающую среду. Потом, чтобы ты не была в убытке, мертвые души преисполнили весь Ранзильем и даже это здание.

Кенко слушала нанаша так старательно, внимая каждую вымолвленную букву, каждое звучащее слово. Императрица восхищалась её проницательностью, поражалась смелостью, что та выказала, дабы указать на правду, донести ту, не взирая ни на что; и также она чувствовала себя не в своей тарелке.

— Как тебе удалось разузнать подобное всего лишь за несколько десятков минут? — пытаясь сыскать истину в глазах странницы произнесла та, — я здесь уже шестой год, но правды так и не познала. Не будь тебя здесь, кто знает, сколько бы ещё провела в неведении...

— Порой то, что мы так усердно ищем, находиться прямо перед нами, лишь нужно быть немного повнимательней, — промолвила нанаша, переведя взгляд на собеседницу, — но в этом нет твоей вины.

Императрица тяжело вздохнула: ей все ещё было тяжело сидеть с той, что пострадала по её вине. Нанаша заметила некие колебания в поведении владычицы замка.

Размышляя над тем, как бы помочь павшей страннице, Кенко поднялась и своим потерянным голосом отрекла:

— Пожалуй, схожу принести тебе еды. У меня не так много опыта в готовке традиционных блюд Фумецу, но, быть может, тебе есть чего пожелать?

— Стой, — обратилась странница и протянула свою руку к подавленной собеседнице, — протяни мне свою длань.

Императрица сомневалась, но вскоре нерешительно протянула руку к мечнице. Она аккуратно схватила её, и прикрыв второй ладонью, промолвила:

— Присядь.

Девушка не понимала действий онны-бугэйси, но разум подсказывал подчиниться указаниям.

Нанаша смотрела своими уставшими, но до чего сияющими глазами на портрет, висевший позади. Томный голос зазвучал:

— Эта женщина на портрете — твоя мать не так ли?

Императрица перевела свой взгляд на картину. Легкая улыбка всплыла на её угрюмом личике.

— Мы так похожи? — незамысловато спросила та.

— Даже и не знаю. Черты лица — одинаковые, а взгляд — иной.

Слова нанаша рассмешили девушку. Нахлынувшие воспоминания грели душу, а сердце таяло при взгляде на родные черты лица.

— И не поспоришь. Моя матушка была своеобразной женщиной, но сколь же почитаемой. Слаба телом, но сильна душой. Ты напомнила мне её, безымянная странница.

Нанаши одарила ту ласковой улыбкой.

— Сия госпожа вырастила прекрасную дочь. Уверенна, она гордилась бы тобой.

— Быть может так, но я не совсем понимаю, что значат твои слова.

— Под ними я подразумеваю то, что тебе не стоит корить себя, — глядя напрямик в глаза девушке и озаряя ласковой улыбкой молвила та, — я вижу до чего тебе стыдно и тяжело находиться со мной, но наяву то все в порядке: я жива, и ты свободна. Ты умеешь сопереживать, я это ценю, но мы обе оказались неправы и обе же пострадали от своих выходов, потом, не страдай в одиночестве.

Императрица едва сдерживалась, чтобы не заплакать от этих слов. Подумать только: всего лишь слова, но те вмиг сняли тревогу. «Эта девушка... такая странная», — думала Кенко, смеясь с нахлынувшей мысли.

— Ты именно такая, как и говорили твои друзья. Хотелось бы мне узнать тебя лучше...

— Почему бы тебе не присоединиться к нам?

От неожиданности девушка вскинула свои брови и с изумлением промолвила:

— О чем это ты?

— Приглашаю тебя присоединиться к странствию «Генезиса».

— «Генезиса» ...? — путаясь все сильнее пыталась вникнуть та.

Мечницу потешало подобное недоразумение, что едва ли сдерживала накатившийся смехок.

— Мы с ребятами создали небольшое объединение, что нарекли генезисом, ведь каждый из нас — созданный, но не завершённый, не совершенный. Я предлагаю тебе стать одной из таких же неидеальных людей, как и сама я.

«Генезис... — молниеносно пронеслось в голове Кенко, — почему странница предлагает мне стать такой же, как она? Какой в этом смысл и... как же я могу последовать за ней?»

Недолго размышляя, императрица обратилась к страннице с целью сыскать истину:

— Почему ты предлагаешь кому-то, вроде меня, вступить в твою «организацию»?

— Ты ведь сказала, что хочешь узнать меня лучше, так? Но, вот незадача, я и сама о себе ничего не знаю, — с горечью да прикрываясь улыбкой молвила бродяжка, — однако моя душа не покидает надежды разузнать, каким человеком я была до потери памяти, и знаю наверняка, что в нашем путешествии мне откроется эта истина, покрытая тайнами, что, быть может, лежит у меня прямо перед носом.

— Вы объединились, чтобы вместе радоваться жизни и узнать, кто ты есть? Весьма трогательно.

— В твоих глазах это выглядит именно так? — спросила нанаши, глядя на Кенко своим пронизательным взглядом, — вчера мы жили как незначительные преступники, сегодня мы вторглись на запретную территорию, завтра обойдем каждый городок Фумецу, послезавтра — бросим вызов небесам, а пятым днем — избавимся от названного правителя сей земли.

Последние слова заставили напрячься императрицу. Её взгляд стал серьезнее, тяжелее и на сей раз презренно зрел в глаза собеседницы.

— Так, значит, вы хотите повторить историю шестилетней давности? — настороженно молвила Кенко. — Произнося такие речи, думаешь ли о последствиях подобных мыслей?

— Думаешь, не справимся? — с лукавством отрекла она-бугэйся. — Ошибаешься. Во время нашего странствия, я надеюсь встретить таких же смельчаков или безумцев, как мы

сами, и тогда, в один прекрасный день, один из нас собственными руками лишит жизни сего тирана.

— Слишком самоуверенное заявление, чтобы быть правдой, — с недоверием продолжила императрица. — Слышала о запрете на искусство владения мечом на этих землях? Как же ты собралась отыскать людей, что поставят свою жизнь на кон ради этого?

— Но ты же сидишь прямо передо мной, ловко управляешься мечом, — значит, все не так уж невозможно. Мои товарищи тоже не лыком шиты. Если в мире есть те, кто идут против закона, то среди них найдутся и те, кто возжелает сокрушить создателя подобных правил. Подобное неизбежно.

— Хорошо, — отрекла Кенко, — допустим, ты найдешь ещё с пару десятков мечников в «Девятнадцати великих силах», но как же ты склонишь их на свою сторону?

— Ха... — с улыбкой на лице протянула нанаша, — неужели помимо них нет иных обладателей кэндзюцу?

— Не могу сказать. Мне лишь известно, что кроме основных сил, есть ещё одна-две резервные, и на каждого есть своя замена, а это уже немалое сборище мечников.

— Хорошо, может быть и так, однако на моей стороне уже есть второй и восьмой номера, а также, что мне мешает попытаться удачу заключить с ними альянс?

— Твоих спутников зовут Нозоми и Юцуна? — не испытывая удивления, промолвила дальше. — Так вот в чем причина этой самоуверенности. Но ты ведь знаешь, на острове не так много сильных мечников, которые предадут себя, своих людей и станут под твое начало.

— Именно по этой причине, я предлагаю тебе вступить к нам. Ты сильна и твоя способность может быть полезна.

Кенко вынула свою длань из-за рук нанаша и, неспешно вставая, выказала:

— Моя сила слаба в местах, где нет кровопролития.

— Сдается мне, таких мест в Фумецу крайне мало.

— И все равно, — повернувшись спиной к нанаша молвила та, — я считаю, что мне не место среди вас.

На какое-то время воцарилась тишина. Лишь краткий вздох нарушал его устрой.

— Хорошо, — ответила девушка и более не произнесла и слова.

Императрица двинулась к двери, и, остановившись, произнесла:

— Я позову ожидающих спутников и приготовлю тебе чего-нибудь. Есть пожелания?

— Все, что ты приготовишь, будет мне вподобь. Спасибо.

Услышав ответ, девушка прикрыла дверь и удалилась.

«Прости меня, нанаша, — переведя взгляд на браслет думала про себя та, — я солгала тебе... Я так сильно хочу вырваться из этого места, так жадаю свободы, но не могу себе этого позволить... Прошу, прости меня за эту ложь».

Холодная слеза левого глаза потекла по щеке девушки, и та мигом направилась к странникам.

Искусство ши. Взаперти собственных чувств

Отринув всякие мысли, императрица, направляясь к ожидающим мечникам, хутко вытерла слезу и продолжила свой путь. Стоило ей только приблизиться к странникам, как те мигом осознали, о чем будет идти речь; и не передать словами ту испытываемую радость-облегчение после слов: «Ступайте. Она ждет вас». Путники воодушевленно поднялись да мигом подались в покой своего компаньона.

Войдя в комнату, товарищи заприметили нанаша, что выглядела гораздо лучше с их последней встречи. Сидя на мрачной кровати, её кожа, что недавно походила на омертвевшую, сияла, а белоснежные волосы купались в лучах солнца. Сияла и её легкая улыбка. Лишь только рана, что просочилась через бинты да одеяние напоминала о трагедии минувших дней.

— Чему так радуется наша беспечная дева? — спросил Нозоми.

Едва слышно посмеявшись, сомкнув глаза, она произнесла:

— Меня отвергли.

— И почему же ты улыбаешься? — с недопониманием выпалил Юцуна.

— Это не улыбка. Это боль, печаль и неугасимое отчаяние, что сокрылись в глубине моей души.

— Кто, позволю поинтересоваться, успел тебя отвергнуть, покуда ты была без сознания?

— Кенко, друг мой, Кенко.

Странник вопросительно взглянул на мечницу, пытаясь выведать более точный ответ.

— Я предложила присоединиться к нашему странствию, но мне отказали. А жаль, мне уже успела полюбиться эта милостивая девчушка.

— Ушам своим не верю, — выпалил Юцуна, — «предложила присоединиться к нашему странствию», «милостивая девчушка»? Нанаша, ты в своем уме; она тебе точно ничего там не выбила из головы?

— Насколько мне известно, — продолжил, перекинув взгляд на рану, — нанаша целились в бок, а не главу.

— Да знаю я, но ты вообще слышишь, что она говорит? Ей что, нравятся покушения на себя?

— Ну что ты, вовсе нет. Я предпочитаю вершить покушения на других.

Путники переглянулись. Вновь повисла неловкая тишина. Пытаясь сгладить углы весьма странного разговора, Нозоми протянул катану девушки.

— Мы нашли хигин Сакацуя.

Нанаша, расплывшись в улыбке, приняла меч и, аккуратно поглаживая острие, выказала:

— Я в вас не сомневалась. От всей души благодарю.

— Ты бы знала, сколько нам пришлось пережить, чтобы достать его! — вновь выказал Юцуна. — Сначала, мы бегали туда-сюда по действительно страшным коридорам с разными странными картинами. Потом, мы забрели в какое-то неясное место и как — бум! Перед нами, из ниоткуда, явился дух, да ещё и какой страшный. Я не на шутку перепугался. А потом, он повел нас в очередное странное место этого чертового лабиринта, пока мы не пришли к твоему хигину. Он был весь покрыт льдом, пока тот призрак не исправил ситуацию...

— Хигин, покрытый льдом? — прервав рассказ парня спросила мечница.

— Да! Что ты с ним делала такого, что он был похож на тебя же саму в приступе смерти?

— Не знаю, — не предаваясь печали произнесла девушка, — я ведь не помню ничего.

Понимая, что такой вопрос был выказан наобум, мечнику стало не по себе.

— Ладно, извини. Это было слишком... — пытаюсь подобрать слова протянул он.

— Необдуманно?

— Невежливо, — вымолвил Нозоми.

Странник, закатив глаза (ведь не любил, когда Нозоми оказывался прав), вынужден был согласиться.

— Не думай слишком много о подобном, иначе тоже потеряешь воспоминания. Все хорошо.

— А, ну, да.

— Нанаши, — неожиданно обратился Нозоми, — когда мы сидели в гостевой, сверху доносились звуки вашего диалога с императрицей. О чем вы разговаривали, помимо вступления в «Генезис»?

Вопрос товарища заставил призадуматься девушку. Разговор с Кенко был весьма насыщенный, но она и знать не знала, что именно желал услышать спутник: о раскаяниях императрицы, о правде, сокрытой в её силе, о женщине с портрета или о замыслах их же группировки.

Тогда, в голову мечницы пришла одна идея.

— О её силе.

— И что же ты узнала?

— Сначала, давайте переведем дух за миской вкусного яства, — вымолвила, взгляну на входную дверь. — Войди, Кенко.

Скитальцы одновременно взглянули на дверной проем, в котором, с маленьким столиком, на котором была миска риса и тофу, стояла императрица.

— Я не помешала вашей беседе?

— Ничуть.

Направившись к онне-бугэйсе, та поставила еду и, поклонившись, пожелала приятного аппетита.

— Благодарю за столь любезный жест, Кенко.

— Я и для вас приготовила еду, — обратилась императрица к странникам, — идите за мной.

— Наконец-то я поем чего сытного! — выпалил Юцуна.

Императрица вяло усмехнулась и уже собиралась покинуть комнату.

— Кенко, — окликнула нанаши, — у нас с ребятами есть к тебе серьезный разговор. Не забудь прийти.

Ни странники, ни Кенко не догадывались, что на уме у молодежи, потому, оставаясь в неведении, девушка кивнула и вместе с мечниками удалилась.

Принявшись за приготовленную владычицей замка еду, нанаши не могла не восхититься столь питательным и потрясающим яством. «Сия снедь так вкусна из-за простоты или бушующего во мне голода после очередного пробуждения?» — спросила про себя мечница.

Товарищи также заполучили по миске риса с тофу. Они не привыкли есть простые блюда сродни этого, ведь в «Девятнадцати великих силах» их глава, Окубо Кэтсеро, имел

особое расположение в Зансатине, потому и готовили им лучшие повара Фумецу; однако, не стоит отрицать тот факт, что такая легкая и простая стряпня пришлась им по вкусу.

И вот, подкрепившись да набравшись сил, настало время того самого *серьезного* разговора. В окружении четырех мечников, нескольких оболочек душ и того самого портрета на стене, даже просторная опочивальня императрицы казалась до ужаса маленькой. Трое из них встали в шеренгу напротив нанаша и, как провинившиеся котята, дожидались своего наказания.

— Кенко.

— Да, — уверенно вымолвила она, ступая на шаг вперед.

— Юцуна.

— Здесь! — выпалил, как из пушки, и также приблизился вперед.

— Нозоми.

Мечник безмолвно кивнул и сделал шаг навстречу к девушке.

— Итак, — взирая на робких товарищей продолжила та, — у меня к вам очень важный вопрос.

Настал этот момент. Они ждали. Страница оставляла неясное предвкушение, благодаря чему любопытство товарищей перемешалась с опаской неведомости и неожиданности. И вдруг, девушка вымолвила:

— Хочу спросить, — вновь пройдясь по лицу каждого из присутствующих, словно видя их насквозь, — вы почему такие напряженные? Я не собираюсь вас убивать.

Они ожидали всего, но явно не этого. Их разум вообразил невиданные сценарии, что сами ввели себя же в заблуждение.

— Ты говорила про серьезный разговор, — начал старший мечник, — о чем же он?

— О, ты прав, — лукавым голосом продолжила, — но для начала, присядьте.

Мечники присели, кто куда мог.

— Кенко, я хочу поговорить о твоей силе.

— Моей силе? Хочешь оповестить всех о правде, что ты недавно разузнала?

— Не думаю, что в этом есть эдакий смысл.

— Тогда, о чем же?

— Не уверена, как много другим ведомо что-то о подобной силе, но мне все хочется расспросить тебя о нечто, именуемом *хакаем, таном* и о тех возгласах.

— Ох, — протянула страница, — это все элементы *искусства ши*.

«Искусство ши...» — размышляла над сказанным девушка.

— Вам что-то известно об этом? — обращалась та к спутникам.

— Это древнее искусство владения мечом и его душой, что испокон веков изучалось в различных кланах и благородных семьях. В силу своей бедности, фумчане низших сословий не могли обзавестись сенсеем $\square^{49}\square$ и приступить к изучению сего искусства; но в редких случаях, им это удавалось, хоть и не всегда на полную.

— А ещё, искусство ши очень скучное, — выказал Юцуна. — Я не знаю, кем были люди, что достигли ступени *абиты*, но явно не простыми смертными.

— Поэтому не все мечники, посвятившие свою жизнь изучению ши, смогли взойти не то, что на ступень *абиты*, а и на умы иль пона.

Выслушав разговор мечников, нанаша, отныне думала лишь обо всех этих ступенях и прочих элементах сего пути.

— Сможете ли вы просветить меня в детали этого учения?

— Вряд ли. Ши — тонкое искусство, рассказ о нем будет слишком перегружен и непонятен.

— Весьма досадно... Оно меня заинтересовало.

Наблюдая за беседой странников, вдруг зазвучала и Кенко:

— У меня в библиотеке есть несколько книг, из которых вы можете вычерпать необходимые ведомости.

— Коль не затруднит, могу я попросить тебя отыскать их?

Императрица одобрительно кивнула и мигом удалилась.

— Нанаши, — обратился Юцуна, — ты такая беспечная. Как ты можешь доверять ей? Она в любую минуту может прихлопнуть нас здесь — и все, не увидать нам белого света!

— Почему бы и нет?

— Она подозрительная.

— Я тоже подозрительная, но ты ведь мне доверяешь.

На мгновение странник умолк, а после едко вымолвил:

— Вообще-то, я все ещё не уверен в тебе. Ты хитрая, как лиса, и никогда неясно, что у тебя на уме.

— Не доверяй ты мне, уже не находился бы здесь. Да и не волнуйся так, коль я могу оказаться твоим врагом, — вновь лукаво вымолвила странница.

— Я здесь по своему желанию, не волнуюсь, и ты не мой враг. То есть, мой, но это пока не точно. И вообще, хватит вводить в заблуждение! Мне будет все равно, если мы лишимся нашего лидера, после того, как покинули «Великие силы», примкнули к какой-то безымянной бродяжке и направили против себя не только меч господина Кэтсеро, но ещё и других девятнадцати мечников!

— Что за инфантильность, — отчаянно выказал Нозоми.

Очередной конфликт из ниоткуда продолжался, покуда не прибежала Кенко с целой стопкой книг.

— Вот, — поставила книги на пол, — возможно, вы сможете найти здесь что-нибудь полезное.

Утихомирившись, мечники принялись перебирать каждую рукопись, в которой можно было бы найти не только уйму воды и разбросанной информации, а и четкого краткого сведения.

Так они перебирали вторую, третью, но все учения рассчитаны на поэтапное изучение ши, а ведомости слишком расплывчаты. Однако, перелопатив всю стопку с различными книгами, Юцуна сумел отыскать то самое идеальное повествование — лаконичное, четкое и понятное. Он передал его нанаши, и та принялась вычитывать первые странички. В них говорилось так:

«Искусство ши — непревзойденное учение о силе разума, мира и разрушения, что основал Шибурико Азэми ещё в далеком прошлом. Сейчас сие учение — основа всех основ для умелого, а главное эффективного использования как сил орудия, так и его владельца.

Каждому самураю ведомо такие слова как *хакай*, *тан*, и некоторые считают, что могут наловчиться им без особых усилий, но это мнение ошибочно.

Хакай — сила/умение, а *тан* в нем — ступень. Использование тана, варьирующегося от второго до наибольшего на сей момент, пятого, требует невозмутимого спокойствия, концентрации и самообладания. Однако это не значит, что первый тан легче заполучить или же считать, что, преобладая всеми этими качествами, каждый *пон* или *ума* сумеет овладеть

техникой *абиты*. Для этого нужно проникнуться искусством ши, дословно — искусством *смерти*.

Само искусство повествует об *разрушении*, исходящего из слова *хакай*. Это одна из трех ступеней в познании ши. Первая ступень называется *чино*, означающая «разум». Никто не смеет сеять разрушение, если не обладает здравым смыслом и высоким коэффициентом интеллекта. Тех, кому удалось преодолеть первую ступень, называют *понами* или же *пешками*, ведь они — слабейшие фигуры, стоящие на шахматной доске, что располагается на грани жизни и смерти. Второй идет *хейва*, означающая «мир». В искусстве ши гласится так: «Кто желает нести лишь раздор, презирая мир и его порядки, — глуп и надменен, — враг сам себе. Кто не в ладах с собой и орудием, с которым связана его душа, — не ведал мира во всем мире. Кто не ведал мира и не нес его на землю — не смеет нести и разрушение». Запутанно, сложно, но именно первые два пути и степень *умы*, эдакого *коня* на той же шахматной доске, позволяет мечникам приблизиться к *абитам*, так называемым *вершителям, ладьям*. Каждый из них умеет использовать как минимум один тан *хакая*, ведь те, кто превзошел учеников *пон* и *ума*, постиг высшего разума и жил в мире во всем мире, — получил доступ к разрушению.

Чаще всего, *абиты* не превосходят свой предел, варьирующегося от одного до двух танов. Тогда к ним на замену идут *зайнины* — *грешники* и *безбожники, короли*. Чаще всего, всех обладателей *хакая* в простонародье, незаслуженно, нарекают именно так. В искусстве смерти есть свои пределы, и использование третьего тана да свыше, несущих абсолютные бедствия, под запретом. Они теряют первые две ступени, что противоречит гласу ши, при этом, все равно считаются последователями сего искусства, хоть и бывшими, занимающими высшее расположение в обществе. *Зайнины* могут обучать желающих искусству ши, но сами не смеют совершенствовать собственные навыки у *сенсеев*: им уготован одиночный путь.

В мире есть лишь два человека, постигших пятый тан: *Асура Хомма* и *Масару Яно*. Их имена слышал каждый как в обольстительной, так и в отталкивающей манере.

Асура Хомма — бывший император *Фумецу* и, по совместительству, *сёгун* □⁵⁰□, прославившийся на весь мир. Правление клана *Хомма* было длиннейшим в истории, покуда царь соседнего государства, *Александр Цымыш*, не сверг главу рода. О потомках его по сей день нет никаких вестей. Предположительно, все они мертвы.

Масару Яно же ничем таким не прославился. О его жизни нет и малейших записей, кроме как «*странствующий пьянчуга*».

Эти люди — сильнейшие, но даже над ними смогли взять верх. Помимо искусства ши, в которое фигурируют три ступени, а *хакай* — одна часть из них, существует определенный круг людей, что не имеют общего название, но, в силу своей способности, зовутся *гонши*.

Гонши, или *формула* — подлинное изучение искусства ши, всецело превосходящим его, путем различных экспериментов над телом, разумом и душой мечника. Особенность такого эксперимента предоставляет быстрое раскрытие потенциала и открытия *формулы*, своеобразного «*хакая*» в ши. В народе этих *самураев* прозвали *хошики*, но в узких кругах именуется *формула-юзерами*. Зачинщиком подобного безумия стала неуставленная особь, происходящая из империи *Дунфан*. По найденным сведениям, численность *сих* воинов не превышает пятерых, но до *сих* пор в мире не встречалось ни одного *формула-юзера*. Единственный человек, обладающий схожими по описанию способностями, но полностью отрицающий свою связь с *гонши*, является заключенный *Ясураги Гэндзи*...»

Дочитав краткие ведомости о двух искусствах, — ши и его аналогу гонши, — мечница стала анализировать те, и вскоре обратилась к товарищам.

— Какие здесь прикольные картинки, — невзначай вымолвил Юцуна. — Ты узнала что-нибудь полезное, нанаша?

— Да. На удивление, эти две странички оказались достаточно информативными.

— Вижу, там и про гонши есть. Что думаешь об этом? — спросил Нозоми.

— Хм, должна сказать, что эта часть заинтриговала меня больше всего. Например, какие именно эксперименты ставит эта персона из империи Дунфан, и как ей удалось прийти к такому умозаключению.

— Меня тоже привлекают хошики, но правда о них неведома никому.

— Знаешь ли ты что-нибудь о такой личности, как Ясураги Гэндзи?

— Помимо того, что он сидит под стражей уже как одиннадцатый год — ничего. Если хочешь спросить о его связи с гонши — забудь об этом.

Эта мысль имела право на существование, но доводы странника все же звучали правильнее, потому девушка, без малейшего упрека, кивнула.

— Ты как никогда прав, Нозоми, однако сейчас меня интересует одно, — обратилась к своим товарищам, — изучал ли кто-нибудь из вас искусство ши?

— Я пробовал, — промолвил младший странник, — но эта задача оказалась непосильной даже для меня.

— Так, а ты, Нозоми?

Какое-то время путник молчал, обдумывая подходящие слова.

— Я никогда не гнался за изучением ши. Мне хватает мастерства владения мечом, но кое-что я таки знаю о нем.

— До чего же ты силен, раз смог стать вторым номером при Окубе Кэтсеро без использования всего потенциала меча? — заинтриговано вопрошала странница.

— Я вовсе и не силен. Причина сего кроется в моих взаимоотношениях с главой и контрактов, что нынче исчерпали свою силу.

Уловив некоторые недоговоренности, девушка спокойно согласилась со словами мечника.

— А знаете ли вы такого человека как Масару Яно?

Все единолично призадумались и отрешенно мотнули головой.

«Выходит, это ошибка? — задумалась девушка, но сразу же опустила эту мысль. — Нет, возможно этот человек скрывается под другим именем, ведь он один из гениев; но какова причина того, что, в противоречии, никто даже не знает о нем?»

Выбрасывая из головы ненужные вещи, нанаша протянула книгу Кенко и произнесла:

— Спасибо за столь любезный жест, Кенко. Я отвечу на твою помощь в будущем.

— Не пойми превратно, я помогла тебе не с надеждой получить что-то взамен, мне просто... захотелось помочь?

— А я постараюсь не забыть того, кто помог мне, и вспомнить тех, кому должна.

Кенко в очередной раз застали врасплох собственные чувства. Вот так вот легко и просто разговаривая не только с нанаша, но и другими мечниками ей приходилось по нраву. Сердце неустанно билось при каждом вымолвленном слове, а дыхание учащалось в больше и больше. Она хотела быть одной из них. До чего же она сего ждала, что готова была хоть прямо сейчас, стоя на коленях, попросить забыть отказ и взять её с собой в путешествие, но страх оказаться лишней, познать, что ты не с теми людьми и не в то время, бросить все и

быть преследованной армией Цымыша, как беглянка, останавливало девушку; и от этого ей было так горестно.

— Ты в порядке? — обратился к Кенко Нозоми.

— Да, я... Пойду отдохну немного, надеюсь, вы не возражаете?

— Нет, — вновь заглянув в лицо девушки, вымолвила она-бугэйся, — но, быть может, ты хочешь о чем-то спросить меня?

Сердце императрицы замерло. Хотела она было вымолвить то самое желание, но вместо него ответила кратко:

— Нет. Ничего.

— Тогда можешь приходить к нам в любое время. Я буду ждать тебя.

— Несомненно.

— И ещё, не окажешь ли ты нам услугу остаться здесь ещё на малость денниц?

— Оставайся, покуда полностью не оправисься.

— Благодарю я тебя вновь, Кенко.

Завершив свою беседу со странниками, императрица подалась в одну из комнатушек первого этажа, убегая от собственных блаженств. Быть может, она пожалела, что согласилась оставить бродяг в своем имении ещё на несколько суток, но не выгонять же раненную, да ещё и по твоей вине. Был в этом и плюс, ведь Кенко сможет насладиться их компанией ещё самую малость, всего пару деньков, и вернется к коротанию днин в кристально чистом, но темно-тусклом замке.

— Исходя из ваших домыслов, — обратилась нанаша, — много ли последователей ши осталась на сих землях?

— Много. Очень много.

— Сейчас это учение так-то утерало свою популярность и уже не используется, но жители вовек не забудут его. Это та часть культуры, которой они непреклонно гордятся, — выказал Юцуна.

— Если ты так заинтересована во встрече с другими последователями ши, поправляйся скорее и мы отправимся в Тейменто. Не гоже пропускать забавы этого города, ведь они — его изюминка.

— Коль ты так благоволишь, не посмею я оттягивать момент нашей приятной встречи как «Генезиса» с местом радости и веселья. Пробудем здесь парочку дней и под самой яркой ранней зарей выдвинемся в путь.

— Какой хороший выбор, Тейменто — лучшее место, где я успел побывать за свою жизнь! — огласил вспылчивый паренек.

— Ты говоришь так про любой город, где бушевать и веселиться — не вето □⁵¹□.

— Может и так, но Тейменто — особенный. Я бывал там всего раз, но до чего же там весело!

— Уж здесь-то на любителя.

— Ваши рассказы заставляют меня полыхать от желания встречи лицом к лицу с сим городом и его особенностями, — заинтриговано молвила нанаша. — Надеюсь, судьба позволит нам насладиться тем временем вдоволь.

Так и продолжалась беседа странников, что морально готовились к новым приключениям целый день, покуда ясное солнце не запряталось за линию горизонта, повествуя об окончании очередной насыщенной денницы, а на смену ему явилась Селена□⁵²□, что освещала путь заблудшим и незрячим.

Неожиданное известие. Путь к развлечениям

На темный небосвод вошло златавое солнце, что светило ярче, чем обычно. Минуло зо три денницы с последнего разговора между членами «Генезиса» и Кенко. Они едва ли пересекались с фальшивой императрицей, ведь казалось, что та их избегала. Девушка готовила странникам, расспрашивала нанаша о самочувствии, но больше — ни слова. Так мечники и коротали эти дни, разговаривая сами с собой да златыми песками, виднеющимися за окном. Бывало, навещал их какой дух, вот и вели беседу безустанно. Но пришло время прощаться, ведь страннице стало знатно лучше. Им уготован свой путь, а Кенко...

В сей час из комнаты мечницы доносились какие-то голоса. Один — томный, ласковый, другой же — восторженный.

— На ясное небо вошла ранняя заря

Отдохнули ли вы, мои друзья?

Нам пришел час прощаться

В сей день знаменной,

Путь нас ждет развлекаться

Под яркой звездой.

Раздался воодушевленный хлопок, а за ним изумленный голос:

— Нанаша, — огласил Юцуна, — да ты поэт! Почти как Мацуо Басё!

Девушка отблагодарила путника низким поклоном.

Присоединившись к разговору, зазвучал голос и старшего мечника:

— Мацуо Басё не просто поэт, а мастер хайку, — наставлял Нозоми.

— Ну, значит она второй мастер хайку. Разговоров-то.

— Хайку — трехстишие, а поэзия нанаша имеет шесть строк.

— Да какая вообще разница, главное, что круто получилось. И не учи меня, мы больше не ученик-наставник.

— Если бы я не старался наставить тебя, в любой момент ты бы мог сказать, что хайку

— игра, а Мацуо Басё — торговец пряностями на обочине.

С этих слов мальчишка едва не вспыхнул.

— Ты!.. — сделав глубокий вдох вымолвил. — Ты мне давным-давно сказал уже, что означают эти два слова.

— Но кажется, что тебе в одно ухо влетело, а во второе, — продолжил, щелкнув по ушку паренька, — вылетело.

— Какой ты жестокий! Давай разрешим этот спор по-мужски — боем на мечях!

Юцуна уперся головой в длань старшего мечника, что без особых усилий могла не только удерживать разбушевавшегося юношу, но и сдвинуть его чуть подальше.

— Нанаша, — обратился Нозоми, — когда мы собираемся выдвинуться в путь?

— В скором времени. Я бы хотела напоследок попрощаться с Кенко.

— Кажется, ты расстроена тем, что она не пойдет с нами.

— В мире есть много вещей, не зависящих от нас, и эта — одна из них.

— Твои слова — истина. Ввиду сего, давай окажем достойный уход, — переведя взгляд на все также бушующего паренька, — ты тоже.

— Ладно, — сухо ответил тот.

Нанаши кивнула и подалась к двери. Стоило лишь приоткрыть её, как странники впали в недоумение: они увидели самую неожиданную вещь в этом доме. Прямоком перед их взором, стоя на коленях, была Кенко. Её вид полностью отличался от обычного: вместо излюбленного платья, та облачилась в роскошное да изящное темно-фиолетовое кимоно, что ничем не уступало своей красотой предыдущему одеянию, а на голове раскинулась широкая шляпа с длинной, аж до самого пола вуалью. За ней было едва видно лицо императрицы, что без особой на то причины находилась в столь дивном положении.

— Милая Кенко, — обратилась нанаши, кинувшись к девушке, — что случилось? Почему ты сидишь в таком положении?

— Пожалуйста... — едва слышно произнесла императрица, — прошу вас...

— В чем дело?

— Милостивая нанаши, господин Нозоми и Юцуна...

— Почему я просто Юцуна? — возмущенно огласил парень, за что получил подзатыльник.

— Я так хочу присоединиться к вам, — вымолвила молодлица, проронив и не одну слезинку, — но мне так страшно. Пожалуйста, заберите меня с собой...

— Кенко, — схватив девушку за плечи вымолвила нанаши, — сначала тебе стоит успокоиться и объяснить нам, в чем причина столь необузданного страха.

Императрица взглянула своими заплаканными глазами на мечницу и кинулась девушке на шею. Она прижимала бродяжку так крепко, словно та была единственной надеждой в её жизни.

— Спасибо, нанаши... спасибо, что слушаешь меня, — вполголоса произнесла Кенко.

Онна-бугэйся приобняла тую в ответ. Кинув многозначительный взгляд на Нозоми. Странник кивнул, словно соглашаясь на просьбу девицы. Юцуна же, находясь в полном недоумении, наблюдал за каждым из мечников. «Ну и дела», — прозвучало в его голове.

Спустя некоторое время, когда все стало на свои места, настал и час разговора. Все та же опочивальня служила прекрасным местом для переговоров. Первой зазвучала нанаши.

— Итак, поведаешь ли ты нам, Кенко, о причине своей тоски, печали и страха?

Волнение от предстоящей беседы нахлынуло на девушку, но та все равно ответила.

— Да. Эта история начинается с моей матери. Она не была чистокровной фумчанкой, ведь её мать походила из империи Дунфан, а отец — из Фумецу. Эту шляпу, — продолжила, сняв головной убор, — она получила от своей родительницы прямоком из соседнего государства, опосля чего та досталась мне, но сейчас не об этом. Дело в том, что, не взирая на дунфанские корни, она занимала высокое расположение в обществе, побывала придворной дамой и даже наложницей. И, казалось бы, раз такой статус дает прекрасные привилегии, то и проблем не должно возникать, вот только не в этом случае. Как раз на момент вторжения армии Цанахина, она осталась в Императорском дворце. Цымыш не убил мою мать, а решил взять себе в жены. С тех пор, я считаюсь его дочерью, хоть и не родной.

— Твой страх кроется в преследовании и последствий такого бегства? — обратилась нанаши.

— Верно. Это именно та причина, по которой я так хочу присоединиться к вам, но опасуюсь исхода.

— Значит, основание такого внимания со стороны Цымыша к твоей персоне кроется в этом, — продолжил Нозоми, все раздумывая над чем-то. — Среди простых граждан ходят слухи о желании сего тирана взять тебя в наложницы.

— Слухи на то и слухи, чтобы лгать и недоговаривать. Хотя, вполне возможно, что он задабривал меня именно с этой целью.

— Твоя мама все ещё при Императорском дворце? — заинтриговано спросил Юцуна.

На мгновение в комнате затихло абсолютно все.

— Больше, нет. Он убил её, сосчитав недостойной «императорского сердца».

— Кенко, — вновь-таки обратилась она-бугэйся, уже более твердым голосом, — ты ненавидишь Александра Цымыша?

— Я всей душой презираю его. Он испортил мне жизнь, сослав в это место, заставил сомневаться в здравости своего разума, а мою матушку и вовсе убил. Этот человек не заслуживает ничего, кроме обезглавливания, о доброжелательном отношении не может быть и речи.

Мечники одновременно переглянулись. Но не из-за жестокости слов, а раздумывая над принятием какого-то решения. Они взвешивали все «за» и «против» взглядами, и вскоре нанаша огласила:

— Милая Кенко. Мы понимаем все твои опасения да волнения касаясь такой ситуации, и принимаем их. В связи с этим, я хочу предложить тебе нашу защиту, как члену «Генезиса», — вытянув руку, продолжила дальше, — если твое сердце желает идти с нами по одному пути, если разум жаждет истины, и если сердце ждет возмездия — ступай с нами в новый день как созданная, но несовершенная, незавершенная. Здесь ты найдешь себе место и постигнешь желаемого.

Услышав вновь слова, в которых так нуждалась душа Кенко, она, вне всяких сомнений, ответила:

— Я согласна вступить с вами в новый день и неизведанные края, как одна из «Генезиса». Позаботьтесь обо мне.

Мечники воодушевленно захлопали, изрядно радуясь такой новости. Быть может, в их сердцах все ещё таятся сомнения, основанные на недавнем инциденте, однако почему бы и не дать второй шанс тому, кто так отчаянно выражает свое сочувствие и желание следовать несуразным, но интригующим идеям, найти себя и радоваться каждому дню вместе, а главное — освободиться от оков? В её глазах, даже в печали, отчаянии и негодовании, они все равно будут улыбаться, покуда держатся вместе.

— Я рада, что ты остаешься с нами, Кенко, — молвила нанаша, придерживая девушку за руки.

— Нанаша, — обращалась та, — я все хотела сказать, что, может, у тебя и есть корни фумчан, но тоже не являешься чистокровкой. Твоя внешность совсем не походит на жителей Фумецу или Дунфана. Ты ничего не помнишь, поэтому не знаю, поможет ли тебе это найти правду о себе...

— Вот как, — призадумавшись продолжила, — быть может, я и вовсе не фумчанка?

— Нет, мне кажется, что Фумецу — твоя родина, но видеть светловолосую девушку с изумрудными глазами и совершенно чужими чертами лица очень непривычно. В жизни я встречала лишь двух таких, но даже они не обладали такой белоснежной кожей и волосами. И в книгах о подобных случаях не упоминалось...

— Кенко, ты забываешь о жителях Цанахина, что также имеют отличительную внешность. Среди них нередко встречаются светловолосые дамы и господа. Однако нанаша и с ними имеет сильные различия, — выказал паренек.

— Точно, — кивнув, согласилась девушка. — И вовсе вылетело из головы...

— У нас будет достаточно времени, чтобы разузнать об этом.

— Ты права, нанаша. Но, в любом случае, будь осторожна. Может ты и прекрасна, как первый снег, обворожительна, как яркий полумесяц, однако люди не любят тех, кто не похож на них, и я волнуюсь, как бы ты не пострадала от этого.

«Выходит, здесь чужестранцев все ещё не жалуют, — раздумывала та. — Неудивительно. Именно они причинили столько вреда сим землям. Однако, имею ли я к этому особое отношение?»

— Все будет хорошо. Спасибо за твою заботу, — вымолвила, и девушки улыбнулись друг другу.

— И все же, — зазвучал парнишка, — как насчет того, чтобы отправиться в Тейменто? Нам следует поторопиться, иначе будем блуждать в потемках, а мне так хочется поскорее попробовать тамошнее *данго*. Город, конечно, тоже хочу увидеть.

— Ты прав. Дорога не так далека, но на своих двух мы туда не доберемся за два часа. Хотя, будь у нас аргамак⁵³, то смогли бы преодолеть такое расстояние куда быстрее.

— Вся прелесть путешествий в том, что ты долго, трепетно блуждаешь, видишь не только цивилизованный да обустроенный мир, но и прелестные виды природы вокруг. Замечаешь цветение сакуры, падение листка клена, дуновение ветра и проливной дождь... — молвил старший мечник.

Эти слова очаровали странницу. В это мгновение, она узрела иную сторону Нозоми — утонченную и чувственную. Создавалось ощущение, что перед ней стоял не какой-то странный, всеведущий незнакомец, а кто-то очень близкий и родной сердцу. Быть может, слова мечника были ей как никогда знакомы.

— Коль вы не прочь, давайте поговорим уже в пути. Безусловно, нам есть что обсудить, — выказала нанаша.

— Постой, — обратился мечник, доставая какую-то вещь из-под кровати, — ты забыла это.

Странник протянул алую заколку, что ранее красовалась на волосах девицы.

— Я и не заметила, что её нет при мне... — продолжила, перенимая утерянную вещь. — Премного благодарна тебе, Нозоми.

— Постарайся больше не терять её. Она тебе к лицу, — промолвил путник с улыбкой, хотя в его голосе и чувствовалась некая печаль.

Вновь переубедившись, что все ценное при странниках, те выдвинулись уже в новом составе, но все той же неугасимой надеждой и верой в лучшее.

Легкий ветерок развеивал шуцуриан, а тот ласкала пяты странникам. Этот город, как и раньше, был совершенно пустым, укрытым тем же мраком и переполнен пугающим декором, но даже так он больше не казался одиноким. Маленькая цитадель потеряла значение в жизни своего правителя. Больше он в ней не нуждается, и не станет преклонять колени перед страхом и отчаянием. Неприступная территория сняла свои оковы и зажила самостоятельно, но какова её дальнейшая судьба — не ведомо никому.

Темные пташки вздымались высоко вверх, разбавляя яркий небосвод своим тоскливым нравом. Птицы подлетали к Кенко, но никогда не задерживались, ведь у них слишком много дел, и императрица явно не входила в их счет.

— Знаете, я не говорила ранее, но меня поразила ваша смелость по прибытию в земли Ранзильема. Нарушить закон, блуждая с саблями за оби, ступить на неприступную территорию и бросить мне вызов — это что-то невероятное, — молвила Кенко.

— Зачинщицей сего стала наша безымянная госпожа, ведь куда она — туда и мы.

— Отнюдь нет. Мне думалось, что мы разминемся по прибытию на эту территорию, однако все произошло вопреки планам, за что я более чем благодарна. Без вас мне было бы куда хуже, но и твоей вины в этом нет, Кенко. Прежде всего я привела ребят с собой на неприступную землю, и также рада, что лишь я отделалась кое-какими ранениями.

— Нанаши, не слишком ли ты беспечна? Говорить так немного странно. Я даже начинаю сомневаться в подлинности твоего отрицания на подозрения в мазохизме...

Императрица невзначай хихикнула.

— Она по-настоящему о вас заботиться, что даже готова принять удар на себя. Надеюсь, я не причиню каких-либо хлопот.

— Мы ведь уже говорили ранее, что в случае чего окажем достойную помощь как члену «Генезиса», потому и волноваться тебе не о чем, — упрекнул Юцуна.

— Я рада это слышать, — продолжила Кенко, — а можете ли вы поведать мне, где такие разные характеры впервые повстречались?

— Ну, мы с Нозоми знакомы с «Девятнадцати великих сил», а вот с нанаши впервые встретились на крыше какого-то бара. Я тогда подозревал её в том, что она «белокрылая нимфа» Куро, потому что та тоже белая.

— Куро? — отрешенно спросила девушка и неоднозначно взглянула на странницу.

— Ага, но, как оказалось, это не она.

— Вот как. Значит, у вас была очень занятная история знакомства.

— Да, только мы тогда сразу разошлись, а вот со следующей нашей встречи я стал её первым спутником в Фумецу!

— Вижу, ты гордишься этим, — с улыбкой молвила Кенко, — а что насчет вас, нанаши и Нозоми?

Онна-бугэйся взглянула на мечника, словно дожидаясь его слов. Странник уловил созерцание девицы и вымолвил:

— Не так давно за чашей нихонсю в «Вельзевуле», кой в Сакурине.

— Никогда бы не подумала, что вы знакомы самую малость.

Нозоми старался не встречаться взглядом со странниками, потому, все также глядя вдаль, вопрошал:

— Почему же?

— Даже не знаю. Есть в ваших взаимоотношениях что-то такое, заставляющее думать именно так. Ваши мнения сходятся во многом, похожа манера речи и поведение, хотя, быть может, это просто совпадение или судьба.

Когда он услышал слово «судьба», то едва ли не засмеялся, вспомнив не верящую во что-то столь нелепое нанаши, а также её речи, связанные с этим.

— У нас есть общее, есть и различное, потому не стоит делать поспешные выводы.

— Ты прав, но мне все равно было интересно послушать о ваших первых встречах друг с другом.

— Нозоми единственный человек из вас троих, с кем я познакомилась вне сражения. Надеюсь, судьба одарит меня и последующими не менее спокойными знакомствами.

— Даже не знаю, гордиться этим или нет.

Компания все также заливалась смехом, беседуя, о чем только в голову взбредет, и блуждая по бледным пескам. Теплый солнечный осенний день грел душу, не взирая на то, что вот, всего лишь через день, наступит зябкая зима. Последний день столь прекрасного и красочного времени года совсем не ощущался таковым. Легкий ветер и только. Мысли-

фразы — больше ничего.

— Каков он — этот Тейменто?

— Тейменто всегда был известен своей растительностью и яркой игрой тонов. Порой, сие место именовали, как оазис, в связи с близким расположением эдакой «пустыни» Ранзильема и водоемом в самом центре города. Укутанные да разукрашенные в зеленый виды походили на нечто сверхъестественное и даже божественное, однако со сменой сезонов меняется и вид местности. В период со середины осени и до самой зимы, город заливается алой краской, преображая цепкий оазис на *ликорис* с небесно-голубым стеблем. Листва не опадает длительный промежуток времени, а все вокруг тонет в красе сего места. Что о зиме? Восторг: она неопишима. Не сумею я вымолвить и одного слова, что смогло бы изложить все волшебство города, — молвил Нозоми.

— Вот-вот наступит зима. Как бы застать это чудное мгновение, — мечтательно проговаривала Кенко.

— Как бы нам успеть прийти вовремя, чтобы мой любимый продавец данго был ещё на месте! — выказывал свое недовольство и опасение парнишка. — Мы прошли уже такую дистанцию, а города все ещё не видно...

— Издали виднеются очертания города. Быть может, скоро мы достигнем нашего пункта назначения.

Взаправду. Манящие алые макушки деревьев тяжело бы не заприметить среди столь светлых оттенков. Совсем скоро, мечники ступят на очередные земли в поисках приключений, истины и забвения.

Шаг за шагом, город приближался к странникам, иль странники к городу — как знать. Вдали, это место выглядело столь крошечным, но стоило лишь пройти с десятков миль, как Тейменто величаво глядел сверху вниз на маленьких людишек, что так усердно стремятся узреть во всю его красу.

— Сия река даже издалека величественнее, нежели можно представить, — молвила нанаша, глядя глубоко в даль неохватных просторов.

— Шиаванами — одна из самых красивых и больших рек во всем Фумецу, так что считай, узреть её в живую — роскошь. Мы обязательно должны спуститься к ней по прибытию! — воодушевленно выказал Юцуна.

Странники согласились со столь интересной мыслью. Тогда же, Нозоми кое-что вспомнил:

— Нередко к этому именованию приплетают выражение «и смех и грех», якобы объединяя в себе радость от предстоящего веселья и грех от легкомысленности да беспамятства, глупой людской натуре.

— Безудержная радость пьянит сильнее алкоголя, потому теряешься в этом забвении.

— Ты схватываешь все на лету, нанаша, — с восхищением изрекла Кенко.

Вновь и вновь разговоры ни о чем да обо всем кружили в воздухе, что пропитался позитивным настроем мечников. В силу того, что Ранзильем — самый маленький город островного государства, дорога к Тейменто намного меньше, чем путь от близлежащего городка веселья до Зансатина. И вот, блуждая при восходе солнца до конца денницы, путники таки-то узрели границы последующего места. Здесь пыльца шуцуриана лишь немного затрагивала земли чарующего леса Тейменто.

Однако, спокойное и беззаботное странствие нарушил какой-то шорох, доносящийся из-за леса. Громкий, интенсивный, словно кто-то бежит сюда.

— Вы слышите это? — указав на лес обратилась императрица.

— Это твои приведения, Кенко? — спросил несколько озадаченно Юцуна.

— Да нет же, это что-то непонятное...

Мечники постарались всмотреться, как вдруг из-за леса стремглав выскочила невысокая, но до чего шустрая молодлица, что едва ли не наткнулась на ошарашенных странников, но успела выказать: «Поберегись!»

Странники рассыпались по всей дороге в разные стороны, как девушка, совершив какой-то невиданный ранее трюк, приземлилась прямоком перед ними.

— Фух, успела остановиться, — выказала та.

С неким недопониманием, путешественники перевели свой взгляд на непоседливую леди. Перед ними красовалась миловидная девчушка, что своими большими глазами глядела на них, дожидаясь какой-либо реакции. Темные, собранные в пучок волосы рассыпались, развеваясь на ветру, аки ветви ивы. Расставив руки в боки, она улыбалась во всю, не взирая на свою усталость и одышку. С первого взгляда, она походила на какую-то разбойницу, её одежда — подобна простолюдинам, беднякам, но стоило лишь приглядеться в эти черты лица, укрытые капельками пота и упавшими волосинками, можно разглядеть изысканность, которая была, как правило, у благородных дам, танцовщиц и их учениц. Так они и поведали о новой знакомой.

— Почему вы смотрите на меня так, будто увидели что-то странное?

— Нас впечатлило Ваше неожиданное да умопомрачительное появление, — молвила нанаши.

— Тоже мне — запуганные дети, — смеясь во всю выказала молодлица. — Мичико Кавасаки — мое имя. Я знаю, что тебя зовут Юцуна, тебя — Нозоми, а тебя, — приподняв доули девушки, — Кенко. А тебя, — указав на нанаши, — я не знаю. Но мне не так уж интересно твое имя, странная мечница, потому что я здесь, дабы привести вас к наставнице и показать город.

— Кто же твоя наставница, Мичико Кавасаки? — вопрошала девушка.

— А вот это уже — секрет.

— Хорошо, будь по-твоему, майко □⁵⁴□.

— Уже поняла, что я майко? Умница, странница!

Нанаши поблагодарила Мичико небольшим поклоном головы, а тая поклонилась ей. Молодлица ступила вперед на усыпанную листвой тропу, странники — последовали её примеру.

— А вы чего притихли? — обратилась к мечникам. — Спрашивайте, что хотите, но не обещаю, что отвечу.

— Вопрос о том, кто подослал тебя, напрашивается сам собой, но раз говорить ты не желаешь, то, может, поведаешь, далеко ли расположено её имение? — спросил Нозоми.

— Не-а, скоро вы встретитесь. Её домик совсем близко, стоит лишь пройти лес.

— Мы бы хотели посмотреть реку, вообще-то, — недовольно огласил Юцуна.

— У тебя будет полным-полно времени посмотреть на неё, а заставлять ждать достопочтенную женщину — неприлично.

Закатив глаза, странник умолк. Повисла неловкая тишина.

— Почему вы такие скучные? — огорченно бормотала девушка. — Мне говорили, что прибывшие мечники — занятные люди, но на деле все оказалось совсем не так.

Пройдя чуть дальше вперед, майко обернулась и подошла почти вплотную к нанаши.

— Но знаешь, ты, беловолосая странница, выглядишь очень странно, прямо-таки выделяешься из всех. Откуда ты?

Небрежно поведя плечом, она-бугэйся произнесла:

— Мне чужды разговоры о себе, но что насчет тебя, Мичико Кавасаки? Как давно ты обучаешься у наставницы?

— Любопытствуешь, да? Я не против, — улыбаясь, продолжила, — на гейшу я обучаюсь с раннего детства, конечно же. Но вот с наставницей мы познакомились лет так пять назад, когда она только прибыла сюда и поразила всех своим выступлением. Тогда я, безусловно, решила следовать её примеру и попросила обучить, чтобы стать такой же невероятной гейшей, ведь это дозволено лишь в Тейменто. Но знаешь, скоро я тоже смогу попытаться удачу и ступить на путь великой танцовщицы.

— Весьма увлекательная история, майко. Кажется, твоя наставница — невероятный и почитаемый человек.

— Ха-ха, наставница и правда впечатляет. О ней ходят разные слухи, но, когда дело доходит до танцев, она — лучшая из лучших.

— А что насчет окия □⁵⁵□? — спросила Кенко. — Ты ведь не туда нас ведешь, так?

— Я бы провела вас туда без малейшего колебания, если бы не правила, запрещающие ступать мужчинам в учреждённый дом. Да и наставница не часто проявляется там, поэтому мы держим курс в одну из её минок.

— Вот как, тогда я с нетерпением жду нашей встречи!

— Осталось совсем немного, ребятки, — выказала майко с неким подвохом.

Блуждая среди опрятных и изысканных видов, вглядываясь в каждое деревце, листочек, и вслушиваясь в чарующее пение птичек, мечники и не заметили, как оказались совсем близко к небольшой, но весьма аккуратной минке. Дом, сооруженный из лучшей древесины Фумецу, что пахла свежестью, аки от проливного дождя, вычищенная до блеска энгава, новенькая сёдзи, — все выдавало в ней обеспеченную госпожу.

Приоткрыв дверь, неким жестом майко пригласила странников внутрь. Те неспешно вошли, но, не успели и оглянуться, как их обоняние пленил какой-то запах. Приятный, убаюкивающий и до чего же нежный аромат затуманил разум каждому вошедшему.

— Что за чудный аромат?... — в полусонном бреду вопрошала нанаша.

— Пахнет...данго... — улыбаясь, как ненормальный, выказал Юцуна.

Но не успел кто-либо что-нибудь сказать, как разом мечники повалились на пол и уснули мертвым сном, вдыхая блаженный запах, рассыпавшийся по всей минке.

— Надеюсь, вам понравится подарок наставницы, — обращалась Мичико к странникам, стараясь не вдыхать вездесущий аромат, и быстро покинула дом.

Сон, блаженство и неясность — вот что окружало странников.

I

Холодный пол, темная беспросветная местность. Приторный аромат сырости, кой бьет прямо в нос. Минуло явно не с десяток минут, быть может, даже и не пару часов, но лакомый запах все ещё витал в воздухе, словно ничего и не произошло.

Нанаши лежала на влажной, ничем не примечательной, разве что укрытой пеленой мрака, земле. Да, признаться честно, и она во тьме — абсолютно черное тело. Казалось, что вокруг не было и души, лишь приглушенное шуршание выдавало себя.

В одно мгновение, девушка медленно открыла очи. Опиравсь на руку, что касалась чего-то стылого, та ничего не понимала, как и не видела, и лишь томительная боль в голове да все тот же дурманящий аромат заставил её очнуться от какого-то кошмара, дабы впасть в ещё больший ужас. «Что это было и, самое главное, что приключилось с нами? Где ребята...», — все ещё неясным умом бредила она, пытаясь нащупать хоть что-то в непроглядной тьме.

Нанаши чувствовала, что вот-вот отключится вновь, но волнение за товарищей взяло верх.

— Нозоми? Кенко? — вопрошала она, а в ответ — тишина.

Тогда мечница решила попробовать обратиться к другим товарищам:

— Юцуна, Мичико? Ребята, вы здесь? — и вновь ничего.

Вскоре, она-бугэйся остановилась в попытке найти свою саблю да встать на ноги, но вот незадача — той не было на месте.

«Моей катаны тоже нет, — все помышляла она. — До чего странное происшествие...»

Немного проползя в бок, нанаши смогла почувствовать некую опору, коя походила на стену. С догадкой о том, что она в пещере, та прислонилась к ней и продолжила череду размышлений. Накатившийся сон почти что лишил её сознания.

«С ребятами все ведь будет хорошо?» — размышляла странница и вовсе позабыв, что находится не в самом лучшем положении дел. Тело ощущало невозмутимый холод, желающий затянуть его в свои объятия и укрыть кристально чистой ледяной корой. Беспроглядная тьма, дурманящий аромат, смешанный с сыростью, легкий шорох. Она осознавала — ей нельзя засыпать, понимала — стоит пойти посмотреть, нет ли кого-нибудь рядом, узнать, откуда доносится шум, но тело стало таким невесомым, что, не взирая на все усилия, не смогло бороться с обессиливающей дремотой, холодом и голодом, посему, обмякнув, уснуло на какое-то время...

Минул получас с того момента, как нанаши вновь открыла очи, почувствовав маленький полыхающий огонек, исходящий от свечи. Она перевела взгляд на длани, что уже успели укрыться небольшой корочкой, но, помимо этого, также заприметила осколки льда, лежащие поодаль. «Некая особь сделала мне любезный жест, предоставив канделу. Но как я могла не почувствовать сдиравшуюся кору, что походил на кожу?» — с неким предостережением думала нанаши и резко переведя взгляд вперед, увидела мужчину, кой шел к какому-то туннелю.

— Пойдите, господин, — обратилась нанаши.

Мужчина остановился и лишь немного повернул голову, ожидая девушку. Высокий силуэт в темных одеждах, что очень походило на крестьянские, стоял спиной к девице. Он ни разу не обернулся, не вымолвил словечка, все только ждал её. Немного пройдя вперед,

странница смогла заметить у того короткие волосы, которые, по всей видимости, он обрезал сам.

Стоило нанаша приблизиться, мужчина сразу же зашагал вперед. Между ними была небольшая дистанция. Он вел девушку — она шла за ним. Пристально вглядываясь в его спину, словно видя насквозь, та обращалась:

— Господин, извольте спросить, что это за место?

Тот все молчал. Тогда она попробовала ещё раз:

— Мои товарищи...люди, пришедшие со мной, в порядке ли они?

Молчание за молчанием следует.

— Вы не видели мою катану?

И вновь ни пары из уст.

— Вам неприятна моя компания, господин? — вопрошала нанаша несколько насторожено.

Тогда ведущий человек остановился, его примеру последовала и нанаша.

— Почему ты обращаешься ко мне? — вопрошал мужчина каким-то неразборчивым, неясным голосом.

— Это ведь вы мне предоставили свечу и попытались ободрать льдины?

— ...

Тяжко вздохнув, крестьянин надумал свой ответ:

— Да. Я — путеводитель по этому месту. Твоих друзей наверняка проводят мои товарищи. Меча твоего здесь не было. Больше не обращай ко мне.

— Если замолчу, то ничего не изучу, прошу меня простить. К тому же, Вы ведь единственный человек в сей крошечной тьме.

— Неприятная ты гостья всяко.

— Вам запрещено общаться с теми, кого сопровождаете?

— Нет.

— И в чем же Ваша причина? В личной неприязни?

— ...

И вновь он замолчал, но, на сей раз, ненадолго.

— Потому что я ужасен и не достоин общаться с людьми.

— О чем это вы? — удивленно вопрошала нанаша.

— Перестань меня допрашивать, человек.

— Но и Вы ведь человек.

— Нет, я не человек... — опечалено промолвил тот.

Мужчина стоял спиной к девушке, но ощущение того, что он улыбался через боль не покидало её.

— Господин, Вам не стоит так говорить о себе, — утешающей манерой речи обращалась нанаша. — Вы очень помогли мне, так как же такой милосердный муж, сопровождающий затерянных странников, может звать себя так?

— Да у какого же люда нет души? Зверье и только.

— Однако...

— Взгляни на меня.

Мужчина нерешительно повернулся к девушке своим лицом. Она ошарашенно смотрела на безликого. На его лице не было ни глаз, ни носа, ни даже рта. Совершенно ничего.

— Что с Вами произошло? — вопрошала она настороженно. — Поведайте мне, коль не

прочь.

— Я Ноппэрапон, безликий дух. История этой метаморфозы длительная, берущая свое начало ещё сотен лет назад, когда я был человеком с самой настоящей душой, чистой улыбкой и красивыми глазами. Другие крестьяне часто молвили обо мне, как об одном из лучших людей, встречавшихся на их жизненном пути, ведь я и правда всегда был готов помочь каждому нуждающемуся. Помимо этого, девушки и мужчины, молодые да старцы всегда восхваляли мою красоту. Особенно им нравились мои глаза... Мне они тоже нравились. Возможно, это звучит слишком эгоистично, но даже осознавая подобное, меня тешили их приятные слова. Вот только раньше я не задумывался о том, что душа и красота станут моим грехом, — вымолвил и резко замолк.

— Вы и сейчас довольно привлекательны, господин Ноппэрапон, но что же случилось засим?

— Говоришь такое, называя меня этим проклятым именем? Ха-ха, но это моя судьба, уж что могу я с тем поделать, — продолжал он, вглядываясь в беспросветную тьму, — когда я был юношей и почти встал на ступень долгожданной взрослой жизни, приключилось одно несчастье. Брат у меня младший был, его звали Хитоши. Забавно, что значение имени совсем не подходит ему. «Благожелательность» ... Он тоже был привлекательным с виду, казался мне хорошим человеком. Вот только люди так не считали. Сравнивали нас во всем, находили недостатки, говорили, мол груб и неблагочестив, станет прислуживать тамошним господам. Было в нем как что-то притягательное, так и отталкивающее, но я всегда поддерживал его. Считал, что и он на моей стороне, глупцом был. Влюбила меня красавица местная, подруга его, в коей души не чаял, а у меня были другие планы на жизнь... — с тоской продолжал. — До сих пор помню те его слова, что не заслужил её любви, был груб, надменен и жесток, так и навлек на себя беду. Устав от неудач, обезумевший от любви он, — человек, что был дороже всех и вся, которого я ценил и любил больше жизни, — не разделял моих чувств. Хитоши предал меня одним из самых беспощадных способов, но расценивал ли я тогда это аки предательство — как знать. Когда он окунул мое лицо в кипящую воду, а после выколол глаза, я уж не смог думать ни о чем. Помню лишь эти ужасные ощущения и боль, сильную боль в сердце от его поступка. Пока мое лицо варилось, а последний воздух покидал легкие, думал лишь о том, в чем оступился, но ответа так и не нашел...

— А после Вы умерли, обратившись духом, воруящим лица, — продолжила его мысль нанаша.

— Все так, юная леди, все так.

— И что же стало с тем человеком?

— Из-за того, что горожане уважали меня, Хитоши пытали до самой смерти. Когда я наблюдал за ним, то видел, как его избивали, а после фиксировали голову, выбривали макушку, а вода из закрепленного на высоте чана по капле падала ему на темя. Он умирал так долго, и за это я чувствую огромную вину перед ним.

— Чувствуете вину даже будучи пострадавшим... Вы поистине благородный человек, — восхищенно нарекала нанаша.

— Все ещё считаешь меня таким-то «хорошим человеком»? Я Ноппэрапон, безликий дух, что ворует чужие лица. У меня нет глаз, а значит и души. Знаешь почему? Потому что у вас, счастливых беззаботных людишек есть все, чего я так жадаю сотни лет, — недолго думая, продолжил. — Душой обладает лишь тот, кто создан добрыми силами. Я же — злой дух...

Нанаши смотрела на него с некой жалостью и сочувствием:

— Но я все ещё вижу Вас достойным этих слов. Ваши желания так просты, что мне захотелось даже поделиться с Вами своими чертами.

— Неужели ты так глупа? Не боишься, что и твое лицо заберу?

— Можете забрать. Я безымянный грешник, блуждающий по миру в поисках истины. И я отыщу её, даже лишившись лица, коль он Вам так нужен. Но, будь это так, его бы уже не было при мне, не так ли?

— Глупая девочка, глупая...

— Мы с Вами похожи, господин. Человек без имени, как без лица, — абсолютно нагой и пустой. Только Вы помните все, а я — ничего. Но даже так остаетесь прекрасным человеком, чего я не могу позволить себе.

— Быть может, именно поэтому я сопровождаю тебя, странница, — вымолвил, уходя вперед.

— Не жалеете о содеянном, что свершено не Вашими руками. Вы забираете у преступников их провинность, не гоже так поступать.

— Пф-ф, — выдав легкий смешок, продолжил, — забавно. Наверное, я поторопился с выводами о тебе, девочка. Надменная, гордая, а умеешь говорить желаемое. Станный взгляд на жизнь, но мне пришлось по душе.

В тот момент, нанаши искренне улыбалась своему путеводителю и весело беседуя о чем-то своем, продолжали двигаться дальше.

Пройдя немаленький путь, дух остановился и передал свечу нанаши. «Устал нести?» — размышляла та да с неким недопониманием глядела на него.

— Боюсь, теперь нам придется разминуться, странница, — обращался Ноппэрапон.

— А разве Вы не должны провести меня через весь путь? Это Ваш долг как путеводителя.

Колеблясь, тот ответил:

— Здесь осталось совсем немного. Я бы провел до конца, да не могу, приближусь к свету — и умру.

— Вот как, — опечалено взглянув на свечу продолжила нанаши, — жаль так расставаться с Вами, мой милый друг.

Мужчина легко посмеялся.

— Я должен поблагодарить тебя за оказанную помощь и поддержку, но ещё больше мне хочется выразить свою благодарность за то, что побыла моим временным другом в этой непроглядной тьме. Хотел бы я встретиться с «госпожой безымянной» ещё раз, коль представилась бы такая возможность.

— Уверяю Вас, если суждено, мы встретимся и не один раз.

Товарищи хохотали вместе, хотя, в такой ситуации, это могло выглядеть несколько дивно.

Свершив несколько шагов назад, безликий дух выказал последние слова:

— Ну бывай, товарищ по несчастью, мой верный друг и безымянный путник. Удачи тебе в поисках истины.

— Спасибо, Ноппэрапон. Надеюсь, ты обретешь свое счастье.

Услышав прощальные слова, мужчина скрылся во тьме, словно его здесь никогда и не было. Но, наяву, он просто рассыпался на маленькие частички, исполнив свое предназначение.

«И когда это я начала верить в судьбу», — думала девушка, выдавая легкую усмешку, да продолжила идти через сокрытый в темноте тоннель, что освещала лишь одна-единая свеча.

II

Кенко очнулась в тех же условиях, что и нанаша. Создавалось ощущение, что все это пространство — едино, и разниться лишь ходами. Устремив свой взгляд в темный потолок, из ниоткуда над ней повисла свеча, а девочка, держащая его, подсвечивала им свое лицо:

— Бу! — лукаво выказала малышка.

Императрица едва не выбила канделу из рук девчонки.

— Ну что ты творишь, пугливая? — возмущено вопрошала та своим детским голоском. — Ты чуть не выбила свечу из моих рук!

Не успев перевести дыхание, Кенко посмотрела на малышку, сидящую на корточках. Девочка рассматривала её, как картинки в книжке, а та, в свою очередь, ошарашенно глядела на все происходящее вокруг. Она совершенно не понимала, где находится и что это за гостя, сидящая подле неё. Разодетая, как куколка, с бантиком на голове, что сиял на её белоснежных волосах, но до чего же томный и печальный взгляд выражали её глаза. Поставив светило на пол, девчонка начала крутить в своих руках изящный зонтик.

«Теперь я увидела уже третьего человека с белыми волосами. Что с этим миром не так...» — терялась в догадках девушка.

— Прощу простить меня, юная леди...

— Хмпф, конечно я тебе прощаю, — надменно вымолвила та, — будешь моей сестренкой?

Кенко, ещё больше путаясь в собственных мыслях, выдала:

— Что.

— Говорю, сестрой мне будешь? С-е-с-т-р-о-й, понимаешь?

Хлопая ресницами, императрица глядела на девочку теперь уже не понимая совершенно ничего.

— Я ведь не знаю тебя, зачем мне становиться твоей сестрой?

— Это значит «нет»? — выказала, переменяв свой добрый детский голос на более грубый и беспощадный.

— Не знаю... а как тебя зовут, малышка?

— Если скажу, станешь моей сестрой?

— Почему ты хочешь, чтобы я стала твоей сестрой?

— Потому что хочу. Меня зовут Ибицу. Тебя?

«И что здесь происходит... Это какое-то представление?» — размышляла та, нервно поглаживая волосы.

— Кенко. Зови меня Кенко, Ибицу.

— Ладно. Давай поиграем, Кенко?

Девушка не понимала, что этому ребенку нужно от неё, да и сейчас игры — последнее, о чем она могла подумать.

— Послушай, — прерывисто говорила императрица, — я не против сыграть с тобой, но давай ты сначала мне расскажешь, что это за место?

— Ты ставишь мне условия? Совсем жизнь не дорога?

— Мне очень жаль, я неправильно выразилась, но может и ты не будешь грубить мне? Я просто спросила о том, где нахожусь. Меня безвольно удерживают здесь, а ведь я

императрица Ранзильема (хотя и бывшая). Это переходит все границы дозволенного!

— Ладно, императрица Ранзильема Кенко, я, как императрица этого места, Ибицу, сделаю тебе одолжение и помогу, если согласишься быть моей сестрой.

По выражению лица Кенко становилось ясно — ей не нравятся эти игры. Она отвела взгляд в сторону, дабы увернуться от ответа. Для неё семья всегда была нечто важным и особенным, потому вот так вот бездумно соглашаться на просьбу нелепой незнакомки приходилось ей несколько абсурдным.

— Ну так что, — вопрошала девчонка, — согласна?

А девушка лишь отводила взгляд в сторону. Ибицу, понимая, что так они ни о чем не договорятся, решила пойти ва-банк.

— Если будешь хорошо себя вести, я выведу тебя из этого места.

От такого предложения Кенко уже не могла отвертеться.

— Если твое условие остается прежним, то я не могу дать тебе тот ответ на выбор, перед которым ты меня ставишь.

— Нет, — указав на доули императрицы, — я проведу тебя, если отдашь мне свою шляпу.

— Мою шляпу? — вымолвила, переведя взгляд на лежащий рядом подарок.

Императрица взяла её в руки и начала крутить со всех сторон, словно запоминая каждую деталь. Изящная вуаль рассыпалась в дланях.

— Она очень дорога для меня, — разочаровано молвила Кенко.

— Ты тоже дорога мне, поэтому, если хочешь уйти, ты должна дать мне что-то взамен.

— Плата...

«Она ведь не знает, так?», — раздумывала девушка. Выдавая легкую улыбку, та протянула шляпу девочке:

— Ладно, бери. Наверняка, она тебе больше пойдет.

— Правда?! Ура! — воодушевленно зазвучала девчонка, словно мечтала о таком подарке всю свою жизнь.

Ибицу нацепила на себя шляпу и покрутилась вокруг. Та была ей немного велика, но смотрелась чудесно.

— Тебе очень идет.

— Я знаю. Мне все к лицу.

Немного понаблюдав за девочкой, Кенко спросила:

— Так что, ты проведешь меня к выходу?

Ибицу немного призадумалась, оценивающе взглянула на странницу оценивающим, словно решала нечто важное. В её глазах буквально можно было прочесть: «Уступить или убить», и вскоре та ответила:

— Пошли, Кенко.

Облегченно вздохнув, мечница встала и последовала за девчонкой. По пути, она расспрашивала малышку о разном, но на вопрос, что же это за место, ответа так и не дала.

— Кстати, Ибицу, а как ты здесь оказалась? Ты потерялась? — заинтересовано обращалась императрица.

— Нет, я давно уже здесь, ведь ровно также давно и умерла.

— Умерла? Я не встречала твоей души.

— Меня нет в живых уже более сотни лет, а ещё я — злой дух, а не просто какой-то там мертвец.

— И все же, не слышала я о тебе.

— Это потому что я — восходящая звезда. Скоро обо мне будут говорить все, просто наблюдай за тем, как я восхожу на пьедестал.

«Сколько надменности и до чего великие планы у этой заблудшей души», — думала Кенко, с умилением глядя на малышку. Вдруг, в её сознании всплыла одна деталь, о которой ей так хотелось расспросить.

— Скажи, Ибицу, — несколько неуверенно обращалась девушка, — а как ты умерла?

Услышав сей вопрос, девчонка, скачущая из стороны в сторону от радости, замедлила свой ход и поменялась в лице.

— А что, так интересно знать?

— Да, мне любопытно, но если для тебя это слишком, то...

— Ты меня разочаровываешь, сестренка, — вымолвила девочка, приставив острие украденной из-под носа катаны прямым к шее Кенко.

Та ошарашенно поглядела на Ибицу, явно не ожидая столь бурной реакции. Голос девушки переменялся на более грубый и она выказала:

— Как ты можешь так поступить со мной, говоря о желании стать сестрой? Я бы никогда не согласилась иметь родственницу, что желает меня убить!

Сказать о том, что слова мечницы поразили её — ничего не сказать. Маленькие очи стали какими-то безумными и одновременно передавали всю печаль, накопившуюся внутри. Тогда, из её глаз непроизвольно потекли слезы, и чтобы вытереть их, она убрала катану от выи.

— Несчастный случай. Смерть. Все.

Немногословный ответ дал понять не только правду о гибели девочки, но и то, что слова, сказанные ранее, сильно ранили её.

— Прости, я сказала это, не подумав, — сконфуженно обратилась Кенко.

— И как ты загладишь свою вину?

Недолго думая, странница ответила:

— Ты хотела, чтобы я стала твоей сестрой? Хорошо, я согласна стать ею, но только на один день.

Девочка улыбнулась на такое предложение, но выглядело это настолько мляво, аки эта идея уже не кажется ей такой уж хорошей.

— У меня был старший брат. Он часто меня бил и стал одной из причин «несчастливого случая». Но ты ведь будешь хорошей сестрой, правда?

— К-конечно, я постараюсь изо всех сил, сестренка! — произнесла императрица так, чтобы поддержать девчонку, но, по правде говоря, со стороны это выглядело немного так себе.

— Если ты делаешь это только потому, что боишься, как бы я тебя не убила, то перестань, иначе правда так поступлю, не доведя до выхода.

— Ха-ха... Да, конечно.

Ибицу посмотрела на взбудораженную Кенко с серьезным выражением лица, но едва смогла сдержать свой смех.

— Господи, сестрица, какая же ты забавная. Мне всегда хотелось старшую сестру, подобную тебе, императрица Ранзильема Кенко.

«А ты хорошо запомнила фразу, пророненную невзначай, — думала та, — пора бы мне научиться подбирать правильные выражения».

Кенко протянула свою длань девочке, предлагая той взяться за неё. Ибицу с недопониманием взглянула на девушку и тут же сцепила их руки. Продолжая блуждать среди тьмы, слова из уст так и лились. Тогда же, малышка огорченно выказала:

— Очень жаль, что за время нашего знакомства, мы так и не сыграли в маджонг.

— А ты умеешь?

— Ну конечно умею, как ты могла усомниться в моих навыках! — вновь все тем же возвышенным голосом проговаривала Ибицу, но теперь он не казался Кенко уж настолько противным.

— Сможете ли Вы, сенсей, обучить меня на словах? — лукаво молвила девушка.

— Конечно, гакусэй □⁵⁶□, иначе и быть не может!

Так шли они, перенимая что-то у друг друга, обучаясь чему-то да беседуя просто ни о чем. Но любая встреча подходит к концу, никогда не стоит забывать это. А если же эта встреча была по-своему хороша, то расставаться будет ещё тяжелее.

— Старшая сестра Кенко.

— Что такое, Ибицу?

— Сегодня ты скрасила мою серую жизнь в этом унылом и невзрачном месте. Это было поистине здорово.

— Должна признать, мне тоже было в какой-то мере весело. Но не сразу. Однако, к чему ты клонишь?

Пройдя чуть вперед да обернувшись, девчонка, воодушевленно, выказала:

— Я кое-что должна отдать тебе в знак благодарности, так?

— Нет же, мне ничего не нужно, — с улыбкой выказывала та, но на душе словно был какой-то камень.

— Мне жаль, что, не успел пройти и день, а ты снова перестанешь быть моей сестрой.

— О чем ты, Ибицу?

Улыбнувшись во всю, девочка выказала:

— Прощай, императрица Ранзильема Кенко, я буду скучать по тебе. И не умри раньше, чем я убила бы тебя!

— Что? Постой! — встревоженно выказала девушка.

Не успела она и подойти на шаг ближе, как Ибицу рассыпалась на пылинки, что всегда именовались как шуцуриан. За считанные секунды девочка превратилась в ничто, а Кенко, вместо названной сестры, сумела лишь ухватить шляпу, что стремительно падала вниз. Глядя на то, как она вновь не смогла никого спасти, не успев даже надлежаще распрощаться, императрица пала на колени и судорожно заплакала. Быть может малышка не была хорошей да милой, аки другие дети, но она была собой и уже успела оставить свой след в жизни мечницы. Потом та, схватив доули, лишь продолжила слезливое прощание над прахом канувшей в Лету.

III

Холод от одного лишь его взгляда, неясное предвкушение, накаляющаяся атмосфера и ощущение приближающегося конфликта — вот что влек за собой Нозоми, сидящий, как ни в чем не бывало, опёршись о студёную влажную стену, что выглядела так, аки здесь прошелся хмурый дождь. Не выражающее и единой эмоции лицо выглядело как искусственное, ведь со стороны он походил больше на досконально вытворенную статую, ежели человека. Сидя так, мечник казался непринужденным, но его острый неотрывный взгляд был наготове, и в любую секунду мог пронзить противника. И не просто так. Услышав шаги да за приметив свечение от приближающейся фигуры дело принимало совершенно иной оборот.

— Снова всех перехитрил, да, всезнающий Нозоми? — отозвался чей-то до ужаса неприятный и грубый голос.

— Юрэй □⁵⁷□ Онрё.

Ему не нужно было и глядеть на прибывшего проводника, чтобы определить, кого к нему подослали. За свою жизнь, он обернул против себя десятки тысяч мечей, что так хотят узреть свершение мести. Переполненная ненавистью и злостью ко всем, желающая возмездия особь, скитающаяся по всему миру, одним лишь видом вызывала отвращение. Белые погребальные одежды, умытые в чей-то крови, длинные темные волосы, что едва не скрывали её лицо, и бледно-белая, почти что синюшная кожа выдавала в ней того самого гневного духа.

— Какое недовольное лицо. Даже приятно стало.

— Это снова проделки Шинкоку, я прав?

— Пф, — возмущенно выдав, продолжила, — разговариваешь со мной в такой манере, будто мы знакомы не одно столетие. А я ведь и убить тебя могу за такую надменность.

— Попробуй, если длани не усеченные.

— Да ты такой же негодяй, как о тебе и говорят.

Надменно фыркнув, странник выказал:

— Люди всегда судачат о других, если не о чем больше.

— О тебе именно так только и скажешь. Болтаешь, да все без толку.

Не желая вести философские беседы с ничтожным существом, он спросил уже более строгим голосом:

— Где нанаша?

— Волнуешься только за свою светловолосую хозяйшку, да?

— А как иначе. Из нас четверых она выделяется своей безрассудностью.

Оставляя неясное предвкушение, гневный дух переменял тему.

— Свои грехи ты пустил на самотек, дружок. Люди, находящиеся из-за тебя в царстве усопших, так страдают, а *она* и вовсе умывается кровавыми слезами, ха-ха-ха!

— За грехи минувших дней только мне и расплачиваться. Тебе не о чем волноваться.

Всем своим видом Нозоми выказывал отвращение к особи, находящейся с ним в одном подземном ходе.

— Что, не нравится, когда упоминают людей, которых ты покинул во имя своих «гениальных идей»? Или только о *той*, с которой пылинки сдувал, аки с ценнейшего сокровища, что когда-либо было в твоих руках?

— Ты много разговариваешь как для мертвеца.

— Сколько надмения, ц-ц-ц, надо бы тебя проучить, — молвила та, доставая что-то из-за своего обветшалого рукава, — погляди-ка, что у меня есть.

Женщина вынула катану, что более чем знакома страннику.

— Может, забереешь? — молвила она, похаживая из стороны в сторону, яро выказывая свое величие над Нозоми, — а нет, не могу я её отдать, ведь тогда мне нечем будет сразить тебя в мгновение ока.

«Меч нанаша...» — опознал про себя, и настороженно проследил за каждым движением рук противницы.

— И как же он оказался у тебя? — решил спросить.

— Да вот, исключила одного игрока из игры, — лукаво поговаривала та, словно специально разжигая огонь ненависти между ними.

Нозоми долго держался в стороне, но такого надмения он стерпеть никак не мог и, вынув катану из ножен, ринулся на встречу Онрё.

— Ты знаешь, что против меня у тебя нет и шанса.

— О, конечно знаю, ты ведь приложил столько усилий чтобы стоять с *ней* на одном уровне, — ехидно промолвила та, — но знай, я, как мстящий дух, принесла возмездие за твои поступки, и с этой мыслью, шанс твоей победы все уменьшается да уменьшается.

— Посмотрим, как долго скиталец продержится в битве против себе подобного.

С этими словами, мечник приблизился к озлобленной душе, сражаясь не на жизнь, а на смерть. Высокомерно глядя на странника, женщина не стала даже поднимать саблю, все уклонялась, да уклонялась, но это не помешало тому оставить несколько порезов на её одеянии. Перекрестными взмахами, Нозоми непрерывно продолжал атаковать Онрё, а та лишь смеялась как не в себя с того, что такая мелочь смогла задеть невозмутимого самурая. Едва не поскользнувшись на луже, ей пришлось вытянуть клинок вперед, дабы уберечь себя от ранений.

— Да ты смешон, дружок. Я ожидала от тебя большего, но слова и правда настолько пусты? — ехидно смеясь продолжал дух. — Я-то думала, что *она* обучила тебя более чем точному и изящному фехтованию, а это что?

— Мне незачем тратить собственные силы, чтобы впечатлить тебя своим кэндзюцу.

Ощущая каждой частичкой своего мертвого тела презрение, Онрё стала крайне озлобленной.

— Ну все, дружок, ты мне наскучил!

Резко отринув клинок странника, та начала судорожно махать мечом, из-за чего атаки выглядели просто абсурдно. Однако, стоило ей лишь осознать, что, прижав его к стене, сможет закончить бой в считанные секунды, тут же принялась насмехаться.

— Почему ты так усердно продолжаешь отрицать свою ничтожность перед другими, а, Нозоми? — продолжая хохотать, как безумная, молвила та.

— Судачишь в разгаре битвы? Как неразумно.

— А сам? Ты никого не смог спасти: ни своих товарищей, ни её, а теперь — даже себя! Ты такой слабак, и я все думаю, как же ты сражался с ней на равных?!

И вот, оказавшись у самой стены, мечник не мог ничего сделать, кроме как подцепить катану противницы своей да вывернуть вниз. Дух озадачено глядела на павший меч, но тут же переведя взгляд на странника вновь попыталась высмеять того.

— Хорошо, ты победил в этой битве, но эта война все ещё за мной, ведь моих слов тебе

хватило, чтобы так разбушеваться и своими руками устроить этот поединок.

Пусто глядя на вонзенный в шею духа клинок да немного надавливая на тот, Нозоми спросил:

— Интересно, можно ли убить духа во второй раз?

— Ты смеешь вопрошать меня о столь нелепых словах? Ах-ха...кх-кх, — захрипев, продолжила, — ну давай, сделай это. Тебе ведь не впервой. А не попробуешь — не узнаешь.

— Ещё чего, — выказал он, вонзив острие в длань духа, — незачем мне руки о нежилыца марать. А вот длани у тебя теперь взаправду усеченные.

Онрë хотела было завопить во всю, но она держалась, как могла, ведь нет унижительнее поступка на поле боя, чем стонать от боли да молить о пощаде.

— Ничего, — продолжая ехидно улыбаться, но уже со слезами на глазах, молвила, — у меня ещё есть левая рука. Не властвовать тебе надо мной, как не желай.

— О, верно, — продолжил, переняв взор на левую руку, — надо бы и от второй тебя избавить. Иначе убежишь, как птица с подбитым крылом.

Испугавшись слов странника, та резко отбросила катану противника в сторону.

— За свои слова ты ещё не раз заплатишься. Скоро ты узришь, как возмездие свершу не я, мстительный дух Онрë, а самый дорогой человек. Просто жди да не расслабляйся, — сохраняя безумное выражение лица, переполненное ненависти, выказала.

— Даже так я всегда наготове, Онрë.

Обозленно глядя исподлобья, та выказала страннику:

— Убирайся с глаз моих долой. Я не стану тебя сопровождать во чтобы то не стало.

Подбирая с пола обе катаны, мечник спросил:

— Сначала скажи, что было на уме у Шинкоку, раз она пошла на такую детскую шалость.

— Ты не заслужил моего ответа.

— Тогда сопровождай меня и лишись левой руки, воспринимая это как должное.

Поджав губу от злости, женщина замолкла на несколько секунд, после чего выдала противные самой себе слова:

— Первый день зимы. Дальше думай сам.

— Как скажешь, — промолвил странник, неспешно идя ко входу в тоннель.

— И где мое спасибо?

Услышав слова, тот остановился, но не оборачиваясь, выдал:

— Могу я забрать кисть мертвеца как сувенир?

Презренно глядя, Онрë нащупала небольшой камень и кинула в спину мечнику. Тот даже бровью не повел, идя к темной штольне, что, безусловно, могла оказаться выходом из пещеры.

Когда странник скрылся в непроглядной тьме, оставив духа наедине, тот перенял свой взгляд на руки, а после на ноги, что рассыпались на маленькие частицы. «Снова все заканчивается именно так», — вполголоса молвила та, словно убеждаясь в собственной беспомощности да никчемности. И после того, как тело Онрë превратилось в ничто, лишь изъятая кисть лежала так, словно была настоящей.

IV

Один из самых беспечных любителей сна, — Юцуна, — все ещё лежал на влажной земле, витая в собственных мыслях да спя, как сурок. Путеводитель, сидящий рядом, что неотрывно наблюдал за ним, уже неоднократно пытался разбудить мечника, но все

понапрасну. Странник спал так крепко, что, кажется, даже если сейчас это место обрушится, он не разомкнет очей.

Из раза в раз, продолжая тыкать пальцем плечо паренька, проводник все думал: «Живой ли он? Может, уже нет?», а Юцуна все спал и спал. «Ох, наверное, госпожа перестаралась...»- думал тот, не покидая надежды, что вскоре странник очнется. Тогда же, когда мечник захотел принять более удобное положение и повернуться, дух невзначай тыкнул ему в лицо. Медленно открывая глаза, не видя ничего перед собой, странник спросил:

— Ну что вам всем от меня нужно? Я так хорошо спал...

Наблюдая за сонным парнишкой, дух спросил:

— Ты не спишь?

Услышав женский голос, тот потер глаза да снова посмотрев на мир, увидел девушку, что нависла над ним, прикрывая рот опахалом. Тогда же странник ошарашенно вскрикнул, словно увидел мертвеца, а точнее не знал, что перед ним находится живой усопший.

— Господи, женщина, зачем так пугать! — прогремел тот, опосля чего спросил. — Что тебе от меня нужно?!

Тогда же, облегченно вздохнув, дух спросил:

— Скажи, друг мой, красива ли я?

Мечник окинул взором госпожу, что все также пристально наблюдала за ним. С первого взгляда, можно предположить, что она одна из уважаемых господ, ведь имела опрятный вид, хоть и какой-то неживой. У неё были изящно заколотые волосы, что переливались дорогостоящими камнями, притягательные глаза, в которых можно потеряться, приятные и утонченные черты лица, что передавали всю благородство. Сама же облачена в изысканную юкату ⁵⁸ цвета ки ⁵⁹, что была усыпана различными рисунками да подвязана столь же занятным оби. Вот только рта не было видно, ведь она прикрывала тот веером.

— Даже не знаю. Мне больше интересно, тебе не холодно в преддверии зимы блуждать в юкате по таким-то местам?

Неясно похлопав глазами, женщина ответила:

— А что, уже зима?

— Ну, вообще-то, я не в курсе, сейчас последний день осени или первый зимы, так как нахожусь здесь. И хотел спросить у тебя, но, немного подумав, осознал, что ты безнадежна.

Вскинув бровь, дух возмущенно спросил парнишку:

— Юнец, это ты меня так сейчас оскорбил?

— Нет, просто в таких условиях счел тебя отчаянным положением.

Тотчас, испытывая унижение от насмешек такого-то не равного себе по статусу человека, женщина резко убрала веер и возмущено выказала:

— Да ты хоть знаешь кто я, малец?!

— О, Господи, — произнес он, узрев истинное обличье женщины, — вот так сюрприз.

Перед ним открылась не самая благоприятная картинка: она могла повергнуть даже в ужас. Ранее изящная и прекрасная женщина теперь почудилась монстром с разрезанным ртом до самих ушей. На нем даже не было видно губ — лишь кожа да зубы, что своей остротой нагнетали страх.

— Я — Кутисакэ-онна, мстительный дух, что пережила не то что тебя, а и весь твой род! — высокомерно молвила та, прикрываясь веером.

Раньше странника могло бы передернуть со слова «дух», но после встречи с фальшивой

императрицей, те не казались ему столь уж пугающими.

— Ты одна из слуг Кенко?

— Да как ты смеешь звать меня, прославленную на весь остров госпожу, какой-то там служанкой?

— А, — с умным видом протянув, — вот оно как. Так что, станцуеть подобно тем мертвецам?

Слова мечника настолько задевали гордость Кутисакэ-онны, что та залилась вся краской от накатившейся обиды. Скорчив недовольную гримасу, она судорожно замахала веером и сквозь зубы процедила:

— Госпожа не предупреждала, что мне попадется такой наглый молодой человек...

— Ты говоришь, что не прислуживаешь никому, но имеешь госпожу? Как-то неубедительно.

— Да что ты знаешь вообще, а? Это совсем другое, и твое счастье, что меня попросили сопроводить тебя как почетного гостя, а не убить, как того требует мой личный устав.

— Не знал, что почетных гостей встречают в подобных местах, — вымолвил он, окинув взором неясную пещеру, что освещала лишь одна свеча.

— Мне тоже не понравилась её задумка, ведь здесь так пыльно и грязно, да ещё и лужи на каждом шагу, — брезгливо фыркнула, — но не мне решать.

— Если твое мнение ничего не значит, выходит, не такая ты и прославленная.

— Все продолжаешь дразнить меня?

— О, нет. Конечно же нет, что ты.

— Ответь-ка мне на один вопрос — красива ли я в твоих глазах?

Повернув главу набок, подобно щенку, не понимающему, что от него желают услышать и увидеть, он всматривался в черты лица женщины. Рассматривал, рассматривал, но ничего так и не узрел.

— Ну, даже не знаю...

— В каком это смысле не знаешь? Говори яснее!

— Тебе лучше задать такой вопрос слепому человеку, ведь только он способен увидеть истинную красоту.

— Выходит, мне нужно выколоть тебе глаза? — промолвила та, посмотрев с недоумением на странника.

— Ты слишком буквально воспринимаешь мои слова, — выказал тот, отряхивая одежду от грязи, — это значит, что красота — изошрённое понятие, которое каждый трактует по-своему. И я не знаю, можно назвать тебя красивой или же наоборот, нет.

Закатив глаза, дух осуждающе произнес свою грандиозную речь:

— В наше время дети такие странные, не могут уже сказать «да» или «нет».

— Выбирай то, что тебе нравится, и не заморачивайся.

— Мне ничего из этого списка не нравится, так что я должна выбрать по-твоему? В любом из них я убью тебя.

— Ты же недавно сказала, что я почтенный гость...

— И да, и нет. Для госпожи — так, для меня все наоборот.

— О, мг, я все понимаю. Но зачем ты тогда задаешь вопрос касаясь своей красоты, если не хочешь слышать ни лести, ни мести?

«И правда, зачем?» — задумался мстительный дух, отводя взгляд куда-то в бок. Не прошло и минуты, как тот осознал, что для ответа придется покопаться в своих

воспоминаниях.

— Потому что хочу найти истинную причину того, что со мной так поступили.

— Как именно?

— А ты не видишь? — выказала та, намекая на свой разрезанный рот.

— Вижу. Расскажи, кто это сделал, и я ему сам искромсаю лицо!

Женщина пыталась посмеяться, но по звучанию это больше напоминало какой-то неясный хрип.

— Малец, а ты много на себя берешь.

— Так я правду говорю, мне ничего не стоит наказать того, кто так жестоко обошелся с тобой.

Прикрыв лицо веером, дабы не показывать своей отвратной улыбки, та опечалено произнесла:

— Достоин похвалы, парнишка, вот только человека, что изувечил мое прекрасное лицо, а вскоре заставил пойти на необдуманный поступок, более нет в живых, ведь я самолично убила его и отправила в преисподнюю.

— Ого, — восхищенно выказал Юцуна и продолжил, — а это было неожиданно. Ты казалась мне высокомерной госпожой, что только возмущаться и может, но постоять за себя — ни в раз. Мне даже захотелось послушать твою историю до конца.

— Правда так интересно?

Юцуна закивал головой, как отважный герой, что выслушает историю своего пострадавшего.

— Какой любопытный, — высокомерным голосом выказала женщина, но в нем чувствовалось некое облегчение, словно Кутисакэ-онна ждала вечность, коль не больше, дабы поделиться с кем-то сим преданием, — но, так уж и быть, окажу тебе услугу за твою смелость и поделюсь ею.

Сомкнув веер да присев поудобнее (как только это располагали условия), любезным жестом она предложила сесть и страннику, тот отказался. Но, в конечном итоге, после долгого ожидания женщины, он вынужден был присесть и выслушать её рассказ.

— Как ты мог уже заменить, сами по себе мои черты лица красивы настолько, словно их слепил сам Будда, и, ясное дело, у меня было как уйма завистниц, так и много тех, кто восхищался моей красотой. Я была примером подражания для женщин и объектом воздыхания мужчин. Хотя я часто наблюдала пристальные взгляды девушек, что походили на влюбленный, не думала об этом. Так вот, одному из богачей, довольно красивому на вид, посчастливилось скрепиться со мной узами брака. Вопреки тому, что был он по договоренности между нашими благородными кланами, тот простак любил меня, не видя предела. Тогда же я узнала, что он не просто обожал меня, а был одержим. Как ты мог уже запомнить, я — настоящая красавица, и уж точно не могла ждать того, что получу удар в спину от своего поклонника. С целью обезобразить мое прекрасное личико да отвадить других мужчин, что всяко были лучше него, тот изрезал мне рот. Не смирившись с утратой своего богоподобного лика, я была вынуждена уйти с позором, утопившись в одной из рек, что известна всем как Шиаванами, а более того, в честь меня несет фразу «и смех и грех».

«Почему этот рассказ прозвучал так, что она захвалила себя даже будучи с разорванным ртом, — колеблясь, раздумывал странник. — Попытка внушить это себе, мне или просто завышенная самооценка?»

— Да, нелегко тебе пришлось, — стараясь не показывать своего недоумения выказал

странник.

— Теперь-то понимаешь, насколько тяжелый путь мне пришлось пройти, и какой чести ты удостоился, раз сидишь со мной в одной пещере?

«Как сказать ей о том, что «и смех и грех» совсем не о том, как умерла прекрасная госпожа, коя несла всем радость и потеху, а о грешнице-самоубийце, прославившейся своим эгоизмом и высокомерием, да свела свою идеальную процветающую жизнь с концами?..» — раздумывал тот, но, решив не подливать масла в огонь, забыл о задуманном.

— О, да. Я осознал, насколько неподобающе вел себя с Вами, великая госпожа, — сдерживая смех, продолжал, — каюсь.

Стукнув парня веером по макушке, женщина вопрошала:

— Смешно тебе, да? Может мне разрезать тебе рот, как всем своим жертвам? — угрожающе выказала та, показав шипы опахала.

— Откуда здесь появились шипы?

— Ты ведь не видел его обратную сторону, почему так удивился? Бегать с ножом или ножницами за жертвой не сделает мне репутации, а вот веер прибавит мне элегантности и изысканности.

«Да уж, женщина с разорванным ртом, бегающая за тобой с опахалом, это очень аристократично», — тяжело вздыхая, держал мысли в своей голове Юцуна.

— Именно поэтому и удивился.

Женщина не понимала такой реакции парня, потому, поднявшись с пола да прихватив свечечу обратилась к мечнику:

— Как тебя зовут, парень?

— Юцуна.

— Хорошо, Юцуна, вставай. У меня осталось мало времени, поэтому проведу тебя хотя бы немного.

— Торопись сопровождать других странников, что попали в подобную ловушку?

— Что-то вроде того.

Мечник поднялся и последовал за Кутисакэ-онной. Они перекинулись парочкой словечек да замолкли. Через время, женщина спросила:

— Ты самурай? — указав на катану.

Парень кивнул.

— Из какого рода?

— Янагивара.

— Так вот в чем дело, — недовольно выказала та, что даже глаз задергался, — а я-то думаю, в кого ты такой человек. Гены берут верх.

— Ты уже встречала кого-то из моего клана?

— А как же. Янагивару Мэй я не забуду никогда. Эта женщина мне до сих пор должна тридцать три тысячи нан.

Названная цена заставила странника содрогнуться в ужасе. В его главе лишь прозвучало осуждающее: «С какой целью вам нужны были такие деньги?»

— Это моя прабабушка.

— Раз уж признаешь, так может вернешь мне этот должок?

— Разве мертвецам нужны деньги?

— А ты думал, что нет?

— Конечно, зачем они там вообще?

Призадумавшись, та лишь выказала:

— Ничего ты не смыслишь в жизни, мальчишка, — продолжила та, доставая из-за своего рукава какой-то платок, — возьми его.

— Зачем мне это?

— Когда-то Мэй дала мне его, якобы на удачу, но, опираясь на твои слова, она не нужна мертвецам. Так что бери, пока предлагаю.

Странник нерешительно взял поднесенный дар.

— Не думаю, что у меня будет ещё возможность встретиться с потомками этого чертовского рода, поэтому даю его тебе в знак уважения к той женщине.

— Раз так говоришь, то ладно.

— И ещё, — продолжала она, вручая свечу, — если встретишь потомка рода Мононобэ, то передай, что он не жилец. А теперь иди.

Легким движением руки, женщина подтолкнула мечника вперед, но только тот решился посмотреть назад и возмутиться, то заметил лишь песок, рассыпавшийся подле него.

— Разве можно так уходить, не услышав даже моего согласия? Теперь и разбирай проблемы этих стариков. Вот вернусь в деревню, обязательно распытаю мать о тридцати трехтысячном долге и этом платке, — недовольно выказал с мыслью о том, что Кутисакэ-онна услышит, после чего двинулся в дальний путь по мрачной штольне.

Все странники оказались в одном и том же месте, шли по схожему пути, но куда тот приведет — неведомо никому. С надеждой на ясный свет, что просочится сквозь эту тьму, они блуждали по одинокому тоннелю в мертвой тишине.

Танцовщица в доспехах. Старый новый друг

Где заканчивается тьма, там поблескивает свет. Будучи маленькими лучиками солнца, те пробиваются наружу, проникая в каждый уголок сей захудалой пещеры. Вот только на этот раз, в конце тоннеля нет и малейшего намека на свечение. Сколько не блуждай во тьме, аки затерянная душа, сему мраку нет предела.

Беспросветно идя вперед, не зная, куда ведет дорога, странники все ждали Божий свет, что искоренит их беспокойство. Но, кажется, что им уготован свой путь, ведь даже в такой ситуации, судьба поглумилась над теми да погасила оставшиеся свечи. Теперь надежды, как казалось, и вовсе нет. Оставив канделябр на влажной земле, они заметили маленьких существ, что сияли во всю. Их свет был ослепительно прекрасным, а короткие вспышки притягивали все внимания. За одним синхронным светлячком проявлялся другой, затем третий, но каждый из них загорался, аки в такт.

Вздываясь вверх да повествуя о том, что отныне маленькие светильца заменят мечникам как факела, так и путеводителей, они медленно, но с каким изяществом сопровождали тех в далекие дали. Светляки воссоздавали различные узоры, кои затухали и проявлялись вновь, покуда не рассыпались в покровах ночи, выведя своих путников наружу. Перед теми раскинулась едва оснащенная сценка, в которой запрятались музыки, а впереди стояли толпы народа, что в предвкушении дожидались выступления неясной особи.

Поглядев по сторонам, путники заметили поодаль раскинутых товарищей, что покидали одно и то же место на разных расстояниях.

В первую же очередь, Нозоми направился к нанаша, что старалась узреть-что, теряясь среди иных зрителей. Аккуратно схватив девушку за руку, тот обратился:

— Как ты, безымянная?

Повернув голову, странница увидела своего товарища и тут же расплылась в нежной улыбке.

— Ты пришел, Нозоми. Со мной все хорошо.

Облегченно вздохнув и отпустив длань, он посмотрел вдаль, прямоком на раскинувшуюся перед ними сцену. Всмотриваясь в лицо путника, молодича спросила:

— Нозоми, знаешь ли ты, что это за место?

— Это...

— Вы совсем о нас позабыли, так? — перебив, выказал Юцуна, идущий нога в ногу с императрицей, на коей не было лица.

— Отнюдь нет, мы ждали вас, — обращалась нанаша, переведя взгляд на Кенко. — Что сотряслось, милая Кенко?

— О, рада вас видеть, — медлительно обращалась та. — Я все хотела спросить, встречали ли вы вначале своего так называемого приключения духов?

— Конечно, я даже подумал, что они одни из твоих прихвостней, — воодушевленно выказал Юцуна.

— Что ты, ни разу, — взбудоражено отрицала девушка.

— Предположим, что так, — продолжал Нозоми, — тебя беспокоит их сопровождение?

— Не совсем, но... На моих глазах девочка, её звали Ибицу, она... — с некой горечью проговаривала, — превратилась в шуцуриан. Было ли также и с вашими путеводителями?

— Верно, однако я никогда не слышала о ней. Не поведаешь ли, кто она?

— Совсем маленькая девочка, которая хотела, чтобы я стала её сестрой. Своим характером она немного походила на Юцуну, только более сломанного.

— На меня? — шокировано вопрошал парнишка. — Я встретил женщину с разорванным ртом, причем такую заносчивую, что, глядя на неё, в голове всплывала лишь фраза «и смех и грех». Думал, она просто ушла, но, когда ты сказала про шуцуриан, я вспомнил его, рассыпавшегося подле меня.

— К слову, касаясь фразы твой разум тебе не солгал. В реке Шиаванами взаправду была утопленница с разрезанными устами, выходящая из знатного рода.

— Выходит, что особи, коих мы повстречали во время небольшого приключения, ранее существовали? — вопрошала она-бугэйся.

— Зависит от того, кто припал на твое сопровождение.

— Ноппэрапон. Тот поделился весьма печальной историей из жизни, однако я и не задумывалась над тем, что подобная ситуация могла произойти в одном из городов сей империи.

— Их истории взаправду слишком уж ожесточенные, тяжело принять подобное за чистую монету, — продолжала Кенко, — но кого встретил ты, Нозоми?

Немного призадумавшись, нехотя, странник ответил:

— Юрэй Онрё.

Тогда же, Кенко ошарашенно взглянула на путника да не менее пораженно спросила:

— Как ты...выжил?

— Не сошлись характерами, потому отказала мне в сопровождении. Нанаши, — вновь-таки обратился путник, протягивая катану девушке, — Сакацуй был у неё.

— Благодарю, но что сей клинок делал у мстительного духа?

— Не могу дать ответ на твой вопрос, куда сам не знаю.

Страница призадумалась. «Исходя из слов Кенко, дух, коего она повстречала, походил на Юцуну, но более испорченного. В свою очередь тот встретил женщину, высокомерную по своей натуре. Может ли быть так, что путеводители олицетворяют темные закоулки души ближнего? — раздумывала та. — Вот только почему я встретила Ноппэрапона, а Нозоми — Онрё? Неужели он испытывает столь истязаемое отчаяние? Но даже если так, почему моя темная сторона воплощает жажду возмездия? Что случилось с моей душой ранее, кой это — её история, и точно ли она обо мне?» Тогда же, молодница возжелала спросить, однако не успела она и сказать пару фраз, как её прервали:

— Нозоми, а ты...

— Вижу, вы делитесь впечатлениями от подарка наставницы. И как, понравилось? — вопрошала Мичико.

— Кавасаки Мичико, ответь, — обратился старший из «Генезиса», — твою наставницу взаправду зовут Шинкоку?

Девушка незатейливо улыбнулась, опосля чего выказала:

— Позвольте мне просто удалиться, чтобы вы смогли вдоволь насладиться её выступлением.

— И куда ты денешься?

— Я пойду на тот склон, — указав на невысокую гору, — хочу узреть истинный танец наставницы во всей красе. Виды оттуда — просто восхитительные, советую и вам как-нибудь посетить!

Простодушная майко оглядывала сцену и только собиралась откланяться, как

почувствовала пристальный взгляд нанаша.

— Ты о чем-то хочешь спросить меня, безымянная странница?

— Верно, но сначала ответь, свидимся ли мы после представления?

— Конечно! Мы с наставницей будем ожидать в тьсяицу □⁶⁰□. Вас проведут.

— Не нужно, — вмешался Нозоми, — я знаю дорогу.

Нелепо вздохнув, девушка вновь посмотрела на онну-бугэйсю. Уловив этот немногословный взгляд, та вымолвила:

— Когда встретимся вновь, я обо всем расспрошу тебя.

— Ладно, — легко выказала девушка, махая рукой, — тогда до скорой вам всем.

Внимательно наблюдайте за выступлением, но, если танец наставницы пленит ваш разум и тело — я не ручаюсь. Потому будьте готовы, остались считанные минуты.

Странники попрощались с девицей, а она же в свою очередь с неистовой скоростью удалилась.

— Шинкоку... — едва слышно повторяла мечница.

— Знаешь её?

— Нет, однако имя весьма интересное.

Едва усмехнувшись, Нозоми выказал:

— Давай же посмотрим на то, как себя проявит «серьезная таю □⁶¹□».

— Таю? — заинтриговано спросила та.

Мечник озадачено посмотрел на странницу.

— А, я имел ввиду гейшу. Едва-что смыслю в актерском искусстве и танцах.

— Выходит, и у твоего древа знаний есть недостатки, — с насмешкой, но без злого умысла выказала странница.

— Нет идеальных умов, как не ищи.

Странники с улыбкой принимали каждое вымолвленное слова, пока их беседу не прервало звучание кото. Все пространство заполнилось легким трепетным ароматом, навевающий приятные воспоминания. «Началось!» — подумали странники и устремили свой взор на сцену.

Бережно перебирая струны кото, что издавали до ужаса приятное звучание, на темной сцене появились маленькие огоньки, что осветили бесподобную госпожу. Статная осанка и хрупкое телосложение, элегантная да изысканная внешность — она выглядела воистину великолепно. Сцена была не так близка, как хотелось бы, но даже так можно заметить обсидиановые глаза, в которые тяжело не влюбиться. Простые и тотчас изящные украшения да сусохики □⁶²□ белых тонов, что немного разбавлялось красными оттенками, повествовали о приходе зимы. Она лишь стояла, но уже приковывала к себе взгляды зрителей.

Скрывая свое лицо роскошным веером, гейша сначала тянулась в одну сторону, опосля того, как изящным, едва заметным жестом перебирала тот в иную руку, — тянулась в

противоположную. Она убрала веер, легонько затрусилась им да покружилась. Вернувшись, танцовщица потянулась обеими руками к небу, словно взывая ко звездам, но те, не слушая её, вынудили сдаться. Повернувшись лицом к сцене, она изящно вертела веер, словно ветер, колыхавший листву, не бросая и взгляда на зрителей. Тогда же можно было узреть все благородство и красоту барышни, а ещё... Этот танец был наполнен тоской. Тоской, что окутала все сердце и пленила душу. Той, что заставила предать свои истинные желания. Женщина скрывала свою душу ото всех, но собственные чувства ей были больше, чем просто известны. С каждый взмахом и падением веера, тайное становилась явью.

Гейша была изящным лебедем, что не сумел скрыться от любопытных глаз. Она кружилась нежно, неторопливо, взывая всех узреть свою красу. Но чем ближе была кульминация сего выступления, тем сильнее раскрывалась душа танцовщицы. К звучанию кото присоединились иные инструменты, что полностью передавали всю динамичность выступления. Именно в эти моменты гейша оживала и обретала покой. И вот, сцена стала принадлежать лишь ей. Взмыв веер вверх, она резко распахнула тот, а из него посыпались снежинки. Теперь это не просто танец гейши — это тан её души. Он показывал все: желания, чувства, несбыточные мечты и истинную сущность деви.

Когда танцовщица аккуратно перебрасывала из руки в руку сей чарующий веер, кой осыпал её снежинками, как в зимнюю ночь укрывались минки хладным пледом, то походила на *юки-онну* — волшебную снежную деви, что двигалась так неторопливо, наслаждаясь каждым выпадом, всяким прикованным взглядом. Однако, стоило ей преобразить свое прекрасное орудие в убийственную катану, а притягательное да элегантное кимоно на самурайские доспехи — и она казалось нагой. В столь же изысканном взмахе меча раскрывалась вся её таинственная сущность, благородная красота и отчаянная душа, затерявшаяся на жизненном пути. Было в этом нечто вульгарное, быть может, опасное, но от этого холода исходило лишь обжигающее полыхание всей искренности, чувственности танца, каждого изгиба и каждого перевоплощения.

Устав бежать от самой себя, женщина разделила мечту и жизнь, что оказались в её руках, а после, сомкнув веер да изящно пав на колени, выкинула тот в беспроглядную тьму. Поглаживая лезвие клинка, словно перебирая струны кото, набравшись духу, та молниеносно вонзила в себя меч, что был ей семьей, наставником и другом. Кровь растекалась по сцене, слезы капали на лилейное полотно, но лицо выражало облегчение. Так умирал грациозный лебедь, что не сумел упрятаться от своей судьбы. Но даже погибая, она прятала меч руками, чтобы никто не смог украсть её мечту. Вонзенная катана рассыпалась на маленькие частицы, что улетали в неясный путь, а утомленное тело пало, лишившись собственного «я».

Тан был метаморфозой, и более не походил ни на один из тех, что гейша показывала ранее.

Инструменты затихли, лишь кото доигрывал последние октавы, сопровождая ту в последний путь. И вот, даже оно затихло. Воцарилась полная тишина, ведь зрители утратили дар речи от увиденного выступления. Оно казалось неправильным, абсурдным, но таким чувственным, изящным, что нельзя было ни возразить, ни восхвалить.

Вдруг раздался чей-то хлопок, кой зазвучал совсем уж рядом со сценой. Из раза в раз повторяя, человек непоколебимо проходил через толпу, а зрители без малейшей претензии пропускали его. Все взгляды были устремлены к тому, что восхвалял выступление женщины. И этим человеком был Нозоми. Устремив свой взор напрямиком на женщину, он произнес:

— Великолепно, Шинкоку. Это определенно лучшее выступление, что ты когда-либо

показывала на публике.

По одному лишь голосу женщина поняла кто это и легко улыбнулась.

— Честь и похвала — в твоих руках.

Услышав высказывание мечника, толпа засуетилась. Сначала прозвучал хлопок нанаша, за ним последовали остальные странники, затем присоединились чины, что не пропускали и одного выступления барышни, а после воцарился настоящий гул из аплодисментов. Им нужен был лишь толчок, чтобы выставить свое мнение на общее обозрение.

После этого, гейша со всем изяществом поднялась, с улыбкой поклонилась, а вскоре за этим начало всходить из-за своих берегов солнце. Ещё мгновение — и на лицо зрителей упадут белоснежные снежинки. На этот раз, настоящие. Вместе с танцем прекрасной девы прибыл и явный атрибут зимы — снег. Люди разом поднимали голову, устремляя взор в небо, и на их лица приземлялись пушинки, что мигом превращались в капельки воды. Танцовщица протянула ладони к небу, и в них упала большая пышная снежинка. Успев разглядеть узоры зимней красоты, женщина прикрыла ту ладонью и удалилась со сцены. За собственной радостью зрители и не заметили ухода грациозной девы, но это было ни к чему, ведь она успела показать то, что так трепетно желала.

Кенко и Юцуна ловили снежинки в свои руки, весело беседуя о чем-то да рассматривая каждый из узоров. Ситуация с духами терялась на фоне сей небывалой красоты. Нанаша же безустанно глядела в небо. В её глаза не раз уже попадали снежинки, но она все также непоколебимо смотрела на их падение.

— До чего пристально смотришь, так почему бы не словить их ртом? — вопрошал приблизившийся Нозоми.

— Мне ведь явно перевалило за двадцать. Кто же в моем возрасте будет заниматься подобной шалостью? — с улыбкой молвила та.

— Я, — выказал он, вздымая голову к небу.

Нанаша перевела свой взгляд на мечника, что так усердно старался поймать каждую снежинку. Было странно лицезреть такое поведение от серьезного человека, кой подобное принял бы как ребячество. Но сейчас один из подобных умов увлекся такой шалостью. Эта сторона странника не могла не вызвать улыбку на лице онны-бугэйси. Тогда же мечник вновь обратился к девушке:

— Просто попробуй. Это забавно.

Против такого убеждения девушка уже не могла ничего сделать, кроме как согласиться. Странница поймала одну, затем другую снежинку, и уже не могла остановиться. Два взрослых, казалось бы, серьезных человека придались детским шалостям, но никто об этом даже и не думал, ведь желали сделать тоже самое. «Почему мне кажется, что я делаю нечто подобное впервые?» — думала та, продолжая радоваться сему мгновению.

Вскоре, к ним подбежали другие странники, что тоже принялись за подобное развлечение. Кенко, схватившись за плечи нанаша, хохотала во всю, а Юцуна, наскребав совсем уж маленький комочек снега, с размером в камушек, кинул в лицо мечнику. Он медленно повернул голову и, с коварной улыбкой на лице, взъерошил волосы товарищу. К наблюдающей со склона Мичико приблизилась Шинкоку. Тогда девушка обратилась:

— Госпожа, можете ли Вы зачаровать мою стрелу? — вопрошала майко.

Женщина кивнула. Наделив легким ароматом острие, гейша протянула её девушке. Вынув лук да нацелившись в небо, та пустила стрелу, что, взрываясь, походила на фейерверки.

Зрители лицезрели это, не скрывая восхищения. В «Генезисе» смех разливался, как рисовое вино по сосудам ещё долгое время, покуда те полностью не вымокли да замерзли.

— Думаю, нам следует отправиться в чайный дом, о котором говорила Мичико, пока мы не захворали, — вымолвила Кенко, пытаясь согреть руки.

— Ты права. Вуаль твоего доули полностью промокла, — выказала странница.

— А с тобой, нанаша, все в порядке? — настороженно спросил Юцуна.

Девушка кивнула.

— Быть может, сейчас и похолодело, но разделенная с вами радость греет изнутри.

— Это хорошо, а ты, — обратился он к Нозоми, — веди нас, раз уж так хорошо знаком со всеми чайными домами в округе.

— Я знаю каждый уголок Фумецу от и до.

— Это потрясает, но зачем ты изучил их все? — заинтересованно спросила странница. — Разве тебе не стало скучно обходить всё по второму разу?

— После того, как наставник покинул меня, я не знал, куда пойти и чем заняться, поэтому обошел весь Фумецу. Мне хватило и двух лет, дабы побывать там не один раз, но разница между тем, чтобы блуждать в одиночестве и с «Генезисом» слишком велика.

— Выходит, тебе здесь нравится?

Странник задумался над вымолвленными словами. «Это так, верно, но воспоминания о прошлом заставляют желать вернуться обратно», — подумал он, однако выказал лишь:

— Это так, верно.

Путники невзначай улыбнулись и продолжили свой путь. Чайный дом, который упоминала Мичико, раскинулся именно за той горой, с которой она лицезрела выступление. Он был близко, но преодолеть некое расстояние таки пришлось.

Пройдя несколько метров, перед ними показалась небольшая, но изящная, слегка притрушенная снегом тясицу. Чайный дом был окружен небольшим садом, что едва пробивался сквозь снег, а рядом с ним стоял один-единственный клен алого цвета. На удивление, листки на нем едва ли опадали. Неподалеку раскинулся старенький цукубаи □⁶³□, а близ него — фонарь, кой освещает путь заблудшим душам в ночное время.

Приблизившись к двери, странники слышали доносящиеся оттуда голоса.

— Барышня Чинен, — обращался мужской голос, — прошу простить меня, я едва успел

на представление и узрел лишь его конец.

Поставив чашу на стол, женщина легким жестом попросила подняться мужчину.

— Незачем корить себя так, господин. Даже если Вы пришли позже, чем нужно, я все ещё рада приветствовать Вас, — лукаво и утонченно молвила та.

— Вы ведь знаете, насколько сильно я люблю Ваши выступления... Они всегда такие незабываемые и прекрасные, чувственные да изящные, но стыд и позор мне, ведь пропустил танец, кой почитал сам господин Нозоми.

— Ха-ха, — хохоча, продолжила, — ну что же, не стоит, не стоит. Одно выступление — ничто по сравнению с пятьюдесятью, коль не больше, потому прощаю Вам это.

Вдруг, он начал искать что-то в своих одеждах.

— Вот, прошу Вас, примите это маленький подарок как компенсацию... — выказал он, протягивая серьги из рубина, лежащие на аккуратненькой салфетке. — Вы нередко подчеркиваете глаза красным тоном, потому, мне кажется, что они достойно украсят Ваш богоподобный лик...

Женщина легко усмехнулась и неторопливо приблизилась к уху мужчины.

— Мне не нужны дорогие сокровища от Вас, — шепотом обращалась женщина, осторожно загибая руку господину, — просто приходите в следующий раз. Я буду ждать.

— Нет, прошу, примите их как благодарность за Ваш нелегкий труд, — умоляюще просил он. — Я долго собирал денег, чтобы порадовать барышню Чинен.

Осторожно взяв того за подбородок, приблизившись настолько близко, почти в плотную, женщина лукаво выказала:

— Коль Вы так настаиваете, господин Синохара, как же я смею отказать?

Тот немного смутился, отстранился да немного мешкая обратился:

— Я рад это слышать, безумно рад! Раз уж я извинился и передал то, что хотел, пожалуй, откланяюсь. Мне была приятная сия встреча!

Барышня поклонилась.

— Разделяю с Вами эти чувства. Увидимся совсем скоро.

Переведя взгляд на приоткрытую сёдзи, женщина выказала:

— Вы, ребята, можете заходить, только оставьте катаны снаружи.

— А это точно безопасно? — едва слышно вопрошал Юцуна у Нозоми.

Тот лишь повел плечом, но первый же вынул клинок и поставил у дома. Его примеру последовали другие странники. Поклонившись перед входом, они поочередно вошли в тсяицу. Пока женщина заваривала чай, между посетителем и странниками завелся небольшой разговор.

— Д-достопочтенный господин Нозоми! — выказал мужчина, свершив низкий поклон.

— Отбросьте формальности, господин Синохара.

Мужчина поблагодарил и, окинув взором товарищей, спросил:

— Это Ваши друзья?

— Верно. Мы вместе странствуем.

— А как же «Девятнадцать великих сил»?

— Нозоми покинул их, как только повстречался «со своими людьми», — промолвила Шинкоку, расставляя чаши.

— Тогда я поздравляю Вас от всей души!

— Благодарю, господин.

— Барышни, которых Вы привели, просто невероятные красавицы, а одна из них вовсе

экзотической породы. Откуда же Вы прибыли? — восхищенно обращался тот к страннице.

«Я бы могла сказать, что не знаю, но боюсь, как бы мне это боком не вышло. Люди, которые знают нюансы моей памяти — заслуживают доверия, но мне пора бы сузить круг тех, кто ведаёт об этом», — раздумывала нанаша.

— Я из Фумецу, как бы странно это не звучало.

— Видимо, Ваши родители выходцы из иных государств. Это прекрасно, раз наша нация преисполняется такими людьми!

В голосе мужчины не чувствовалось негатива, о котором можно было услышать из слов Кенко. Быть может, это просто удача, ведь сам по себе сей господин весьма простодушен и добр. Об этом говорят его глаза. Девушка поклонилась ему.

— Думаю, мне пора идти. Был рад нашей встречи барышни да господа. И спасибо Вам, госпожа, за добрый прием.

Женщина посмотрела ему вслед и выказала: «Не стоит благодарностей». Однако, стоило ей лишь перевести взгляд на ту самую барышню экзотической породы, как чаша вывалилась из её рук. Нанаша чувствовала это, ведь прежде их взгляды встретились. Глаза гейши стали настолько круглыми, словно она увидела живого мертвеца. Нозоми поднял чашу и подошел к барышне, что ошарашенно глядела на девушку.

— Кто ты? — вопрошала она.

— А кто я? — лукаво спросила девушка.

— Сестра, — обратился Нозоми к танцовщице, — это нанаша. Она безымянная странница, за которой мы все следуем.

Барышня презрительно посмотрела на мечника, что глядел на неё все тем же непоколебимым взглядом. Если бы можно было прочесть мысли, то она бы подумала: «Ты прямо сейчас должен мне все объяснить», но это не понадобилось, ведь Нозоми выказал:

— Нам с Шинкоку нужно выйти поговорить с глазу на глаз. Можете пока отведать чаю.

После этих слов, странник вывел женщину из дома.

— Что это с ними? — настороженно вопрошала Кенко.

— Нанаша, — обратился Юцуна, — ты знаешь её?

Девушка глядела вслед уходящим людям, после чего выказала:

— Впервые вижу.

— Она знает, что Нозоми покинул «Девятнадцать великих сил», может, он написал ей письмо, в котором упомянул тебя?

«Не знаю, Кенко, но все это слишком странно. Неужели они оба знают, кто я, но Нозоми это скрывает? С какой целью?» — раздумывала та, глядя на свисающую токоному □⁶⁴□.

Выйдя на двор, пройдя немного дальше, женщина принялась расспрашивать странника.

— Нозоми, — строго вопрошала та, — ты водишь всех за нос? Когда же ты стал таким?

— Почему ты думаешь, что я изменился, если всегда был таким?

Тяжко вздохнув, Шинкоку спросила:

— Она не помнит тебя? Хотя нет, она ведь никого не помнит, верно?

— Хочешь что-то спросить — обратись к ней лично, однако, даже не думай рассказать ей все. Прошу тебя об этом не как названный брат, а как товарищ нанаша.

— Но она ведь рано или поздно обо всем узнает, какой же с этого прок? Почему так рьяно скрываешь это?

— Ей будет больно вспоминать все. Она возненавидит меня, но лучше так, чем начнет

свой круг страданий вновь. Сейчас не время, слишком рано. Не прошло и месяца с момента, как мы встретились, она просто не выдержит всего.

— Она всегда была сильна духом, так почему так недооцениваешь её? — выказала женщина, взяв странника за подбородок.

— Не знаю, — выказал тот, убирая длань Шинкоку. — Уже поздно что-то менять. Мои ожидания не оправдались, затея оказалась провальнoй, но довести это до конца я должен.

— На что ты рассчитывал, когда затевал эту игру?

— Думал, что так она изменится и поступит иначе, но давай не будем об этом. Нет смысла.

Гейша засмеялась.

— Ха-ха...ха... Вечно из тебя приходится вытягивать по слову. Если бы твой отец был жив, то отчитал бы за подобное.

— А, — опомнился странник, — о нем тоже замалчивай детали. Ты ведь гейша, найдешь о чем поговорить и без всего этого.

— Поняла, поняла. Молчать обо всем — говорить ни о чем. Но ты ведь знаешь, что я не простая гейша, а самая настоящая нарушительница закона, потому и тебя могу провести.

— Конечно знаю. Но гейши и таю близки сами по себе, завлекать в беседу да развлекать других — общая задача всех артисток. Не думаю, что ты предашь свои обязанности.

— В этом уж ты прав. Сколько же театров и выступлений ты посетил за это время?

— Так даже и не скажешь.

Странник собирался уже вернуться в чайный дом, как Шинкоку приобняла того со спины.

— Ты знаешь, Нозоми, а мы ведь впервые видимся за эти долгие четыре года. Хотя и присылал письма, последнее время о тебе совсем ничего не слышно.

— Прости, Шинкоку. Я был слишком вовлечен в свои мысли, не мог собрать их в одну картину.

Женщина вновь рассмеялась, то ли от горечи, то ли от радости. Выпустив странника из своих объятий та выказала:

— Чего уж там. Нам пора идти, твои товарищи уже заждались нас.

По возвращению в дом, барышня и странники присели на татами около небольшого столика.

— Надеюсь, чай ещё не успел остыть, — выказывала Шинкоку, разливая питье по чашам.

— Вы быстро вернулись, — молвила нанаша, — смею предположить, что нет.

Женщина вновь посмотрела на странницу и одарила ту улыбкой.

— Как ты уже заметила, Шинкоку, в нашем объединении есть четыре человека, включая меня. Юцуна, Кенко и нанаша. А вы, — обращаясь к странникам, — могли понять, что это госпожа сего чайного дома, Чинен Шинкоку.

— Рада знакомству, барышня Чинен, — выказала Кенко.

— Я также рада вас всех видеть. Спасибо, что заботитесь о моем названном брате.

— Когда я говорил о том, что в Тейменто мы сможем увидеть изучавших искусство ши, то подразумевал эту барышню. Шинкоку — одна из абит, постигших второй тан.

— Исходя из того, что мы видели, Вы владеете иллюзионными способностями?

Сделав глоток чая, женщина улыбнулась и выказала:

— Вы правы, что я могу создавать иллюзию обмана, однако это не совсем моя

способность. Я управляю запахами, которые могут вызвать различные галлюцинации или затуманить разум. Сила, которую вам посчастливилось узреть, называется «Из плена иллюзий. Аромат лотоса». Благодаря ней я могу воссоздать или оживить мертвеца, и каждый увидит того, кого должен. Вы и не заметите, как сами додумаете ему характер.

— Но я помню, как женщина с разрезанным ртом назвала твое имя и сказала, что ты не предупреждала её о чем-то.

— Верно. Единственное, что я делаю в сей иллюзии — даю определённый указ. Например, провести или убить вас. Однако на деле они не могут этого сделать, потому в разгаре боя вы сами вонзите в себя меч, хоть и не насмерть.

«Довольно странная способность. Стоит разузнать обо всем получше», — раздумывала нанаша.

— Может ли быть так, что в лике духов мы видели темные закоулки души ближних?

Женщина коварно усмехнулась и выказала:

— Да, все именно так и есть. Но какие это качества — зависит от мыслей ближнего. Например, если Юцуна видел Кутисакэ-онну, значит он уловил их общую черту с Кенко — высокомерие. Необязательно, чтобы девушка была сама по себе таковой, но в её тоне и поведении изредка могут просачиваться такие черты. Но, кажется, ты и без моих слов все поняла, так?

— Верно, госпожа Чинен.

— Ах да, — опомнилась барышня, — как только вы немного отдохнёте, мы сможем с вами прогуляться по Тейменто да побеседовать. Что думаете?

Странники почти что единогласно одобрили такую мысль и, допивая свой чай, принялись отдыхать. Кто-то просто сел на энгаву полюбоваться видом, другой рассматривал тясичу изнутри. Нозоми и Шинкоку болтали о чем-то своем за чашкой чая, а нанаша направилась к горе, на которой сидела Мичико.

— Я присяду? — обратилась онна-бугэйся.

— А ты дольше, чем я думала, — с улыбкой выказала майко, немного подвинувшись. — Как тебе выступление наставницы?

— Обворожительно. Да и сама она весьма интересный человек, хотелось бы узнать получше.

— Я знала, что она тебе понравится, — с улыбкой выказала та.

Какое-то время девушки просто глядели вдаль, наблюдая за суетливым городком, не проронив и словечка. Наяву же, в этом молчании было столько слов. Может, с такой высоты и нельзя было увидеть весь город целиком, но лицезреть его прекраснейшие виды — более чем.

Заиндевелый пепел. Счастливые будни. Часть первая

Часы в безмолвной тишине, где лепетала лишь падшая листва, прошли невероятно быстро. За это промежуток времени снег окутал весь город, кой так манил в свои просторы.

Казалось бы, как это место может стать ещё оживлённее после выступления достопочтенной госпожи Шинкоку? На этот вопрос ответили глаза, что глядели на людей, кои в безудержной радости покидали свои минки да рассыпались кто куда. Одни — узреть прекрасный городок, другие — веселиться с дорогими им людьми. Взрослые и дети хохотали, наслаждаясь приходом зимы как могли — кидались снежками, пытались слепить что из снега. Местные торговцы бежали продавать всякие безделушки.

Некие творцы даже порождали новые шедевры, вдохновляясь здешним видом. Взаправду, это место казалось таким радостным и светлым, что лишь взглянув на него в душе закрадывались сомнения: все ли так плохо наяву? Сие место — часть Фумецу, но было в нем нечто иное. Эта теплая и воодушевленная атмосфера настораживала и притягивала тотчас. Вероятно, потому истину и не сыскать.

Мичико, услышав небольшой шорох, приподнялась и тотчас потянулась прямо к небу. Её приветливый и воодушевленный голос окликнул странницу, но так и не постиг тую. Нанаши глубоко засела в раздумья, продолжая глядеть вдаль, где простираются иные дома да различные павильоны. С такой высоты едва что разглядишь, но нечто похожее на храм виднелось среди далеких далей.

Обернувшись, майко увидела перед собой человека, с коим обменялись взглядами, и тут же ушла.

Чей-то нежный и приятный аромат, напоминающий лепестки сакуры, развевал легкий ветерок. О исходил от некой особи, что легким жестом коснулась девушки. На этот раз, покинув свое Царствие, странница таки-то обернулась. Перед собой она узрела столь же прекрасную госпожу, что повидала и в тясицу, и на сцене. Шинкоку одарила молодицу пленяющей улыбкой, словно забирая её душу.

— Безымянная странница, — обратилась та, — я не помешала?

— Что Вы, я лишь рада вновь узреть прекрасную танцовщицу, коя одним лишь взмахом веера способна пленить разум, — приветливо вымолвила девушка. — По какому делу Вы почтили меня своим визитом?

Барышня сначала в недоумении взглянула на онну-бугэйсю, опосля лукаво засмеялась.

— Что за ласковые речи звенят в воздухе, — выказала та, прикладывая палец ко рту нанаши. — Давай перейдем на «ты».

— Как пожелаешь, барышня Чинен.

Женщина продолжила улыбаться. Её усмешка казалась такой нежной, чувственной, и всем видом напоминала материнскую. Однако благородный лик Шинкоку также являлся излишне неясным — в нем читалось уйма слов и эмоций, но ни одни из них не были подлинными. Тогда же, она обратилась:

— Помнишь ли наш разговор?

— Я помню каждое вымолвленное тобой слово, оттого и не могу определиться, что именно мне следует выказать.

Барышня немного попятилась, явно не дожидаясь такого ответа, опосля чего несколько

опечалено вымолвила:

— Кажется, ты меня подозреваешь в кое-каких делах, и после нашего диалога с братом в твоей душе закрались сомнения, но я хочу попросить тебя дать мне ещё один шанс, странница.

— Ты права, некоторые фразы заставили меня взглянуть на происходящее иначе. Не могу ничего выказать о недоверии, ведь ты и без того все знаешь, а потому таить мне нечего. Однако, если желаешь показать мне лучшую из всех своих сторон, я не стану тебя останавливать.

— Я ценю это, нанаша, — благодарно отрекла та. — Что ты думаешь о том, чтобы сходить со мной и Нозоми к реке Шиаванами? Слышала, это первое, что вы хотели посетить по прибытию в наш Тейменто.

— Я нахожу это привлекательным, однако, что насчет Кенко и Юцуны? Разве они не захотят пойти с нами?

Барышня перевела взгляд, словно убегая от ответа.

— Ох, — протянула Шинкоку, — эти двое ушли не так давно прогуляться по улочкам сего местечка. Однако, я полагаю, что мы ещё пересечемся с ними у реки.

Несколько нелепым жестом девушка прислонила длань ко лбу и, вздохнув, выказала:

— Как же так, мы ведь прибыли вместе, а эти двое уже куда-то запропастились... Нам остается лишь последовать их примеру.

Женщина вновь лукаво хихикнула, словно распрекрасная кицунэ, что издали наблюдает за своей добычей. Она элегантно протянула руку страннице, помогая подняться, опосля чего те продолжили свой диалог на ходу.

— Знаешь, они мне немного напоминают Нозоми в детстве. Тот тоже всегда уходил невесть куда и приходил, когда сам того желал. Хотя, по правде говоря, ничего не изменилось.

— Повстречав его впервые, такая мысль никому в голову и не взбретет, — удивленно отрекла нанаша.

— За личиной холодного и неприступного мужчины кроется более глубокая и печальная натура, чем можно вообразить. Он всегда уходил куда-то, дабы побыть в одиночестве, и это не раз тревожило меня.

— Барышня Чинен, — обратилась нанаша, — могу ли я спросить тебя о кое-чем?

— Попробуй, но не обещаю, что смогу ответить, — лукаво выказала та. Теперь-то прояснилось, откуда Мичико понабралась эдаких фраз.

— Из нашего диалога, стало ясно, что ты и Нозоми — названные брат с сестрой; но из ваших уст доносятся слова, которые не позволяют воспринимать вас как неродных по крови. Посему мне стало любопытно послушать вашу историю, и я хотела попросить поделиться ею, коль не прочь.

Шинкоку кинула на странницу неоднозначный взгляд, но после короткого ожидания выказала:

— Впервые мы встретились, когда мне было пятнадцать, а Нозоми лишь пять. Причиной этой встречи стало то, что отец этого мальчишки позволил мне отточить свои навыки кэндзюцу, следуя его указаниям. Хоть я выходила из клана самураев, но по уставу семьи, будучи женщиной, не могла брать в руки меч. Я часто глядела на тренировки и сражения братьев, но и мечтать не смела оказаться на их месте. Единственным спасением стал именно сей благородный человек. Он много мне помогал при жизни, не зирая ни на

что. После одной из сотни таких встреч, я заприметила мальчишку, что всегда наблюдал за нами из тени. Тогда он читал какую-то книгу, что меня изрядно удивило. Когда я слышала об этом ребенке из третьих уст, то воображала несколько иную картину, но, повидав в живую, все сомнения, а также ожидания превратились в ничто. Изначально, Нозоми не подпускал меня к себе, и я могу понять, почему; однако его забота и помощь по сей день не ясны. После тренировок он всегда приносил мне какое-то, да яство, а в случае чего помогал мне полировать и затачивать клинок. Такие добродушные и беспричинные действия меня неким образом позабавили, посему я старалась сблизиться с ним, дабы стать его опорой и верным товарищем. А дальше все как-то произошло само по себе, и мы стали неразлучными. Но за последние года он отдалился от меня, и даже так я не могу что возразить, ведь он все ещё мой младший брат, хоть и не родной.

Шинкоку делилась своей историей, припуская некие шутки да лукавства, но вспоминая о былом, её лицо выражало печаль и страдания, и они стали единственным, что в нем можно было прочесть. Нанаши выслушала тую от и до, однако на языке вертелся лишь один вопрос.

— Имея разницу в десять лет, могу поинтересоваться, сколько же тебе...сейчас? — с некой осторожностью вопрошала девушка.

— Негоже задавать такие вопросы даме, — фыркнула та, однако вскоре продолжила, — но раз тебе так любопытно, то Нозоми будет двадцать шесть.

«Выходит, ей тридцать шесть, но она все ещё так молодо и роскошно выглядит. Быть может, взаправду кицунэ?» — настороженно размышляла молодлица.

— Знаю, о чем ты думаешь, — барышня легко схватила девицу за плечи и, прервав её размышления, прошептала, — но наяву я в самом расцвете сил, потому не воспринимай меня за старую деву.

— Ох, я бы и не подумала, — лукаво отрицала та. — Мои мысли были о том, что хоть ты и походила из клана самураев, но сумела стать гейшей, не обучаясь сему. Каким же образом?

— Связи, моя милая, и, как поговаривают местные, врожденный талант. Не зря же я родилась с некими задатками.

— Весьма неожиданное восхождение.

Девушки хохотали. Они нагнали свою волну, и нынче этот диалог походил на беседу двух лисиц, что вели охоту друг на друга.

— Сестра, перестань липнуть ко всем подряд. Не каждому такое приходится по вкусу.

Барышня выдала презренную улыбку и тут же промолвила:

— И вновь ты все испортил, Нозоми. Я только-вот наладила отношения с этой прекрасной девой, а ты тут же отбираешь её у меня. Что за собственник, — протянула та, — хотя ты больше похож на преданную собачку, что всюду следует за своей обладательницей.

В его безмолвном лице отобразилось сокрытое презрение и раздражение, но из уст не донеслось и капли негатива.

Наблюдая за беседой сих двоих, странница заприметила у Шинкоку несколько особенностей. Первое — охагуро □⁶⁵□, кое всегда ассоциировалось с замужней и незамужней женщиной средних лет, гейшей и таю, что безукоризненно следовали сей традиции, но второе же — отсутствие таби □⁶⁶□, которые всегда носили гейши, а также вышитые мантии. Си моменты показались ей довольно странными, а вспомнив ошибку Нозоми и вовсе вводили в заблуждение.

— Сегодня ты — лакей, так что просто следуй за нами и плати за все услуги, — хлопая

по плечу братца, молвила женщина.

— Не слишком ли это жестоко, барышня Чинен?

— Ох, ничуть. С такими, как он, только так и надо, — коварно вымолвила та.

— Давайте отправимся в место, кое вы хотели бы посетить, как можно быстрее, — поторапливая девушек выказал путник.

Барышня Чинен двинулась вперед, прошла всего-ничего и тут же остановилась.

— ...Нет, так не пойдет, — пробормотала та.

— В чем дело, Шинкоку?

Женщина посмотрела в очи странницы, и несколько едко выказала:

— Милая, давно ли ты смотрелась в зеркало?

— Не могу припомнить и дня, в кой глядела бы на свой облик. У меня испачкано лицо? — недоумевая вопрошала странница.

— О, отнюдь нет. Твоя фарфоровая кожа сияет во всю, однако сей образ несколько... безвкусен, прост?

Нанаши взглянула на изрядно потрепанные рукава, опосля чего выказала:

— Боюсь, у меня нет одежды получше.

Тогда же барышня серьезно посмотрела на странницу, что не могло не насторожить, прикрыла глаза и кивнула.

— Я тебя поняла, безымянная малышка.

«Малышка...?» — подумала про себя девушка, как вдруг голос барышни вновь зазвучал.

— В таком случае, мои милые странники, мы меняем свое направление.

— И куда же ты хочешь нас завести?

— Мой тебе совет, милейший, — лукаво обратилась та, — раскрой свой кошелек как можно шире. Я хочу сделать небольшой подарок сей прелестной молодежи.

— По какой же причине я вынужден оплачивать подарки от твоего лица?

— Не будь таким жадным. Раз не хочешь отдать её мне, то компенсируй хотя бы своими деньгами. К тому же, разве ты не хочешь увидеть эту улыбочку вновь?

Шинкоку аккуратно схватила девушку за подбородок и пальцами приподняла уголки её губ.

— В этом случае я вынужден согласиться, но только при условии, что ты перестанешь доставлять неудобства другим своей легкомысленностью.

— Ты меня даже похвалил, как смею отказать.

— Вы бы не хотели прежде услышать мое мнение? — пораженно вопрошала девица.

— Нет, — единогласно зазвучал ответ.

«Пожалуй, спорить с этими двумя оказалось бы сложнее, чем захватить Фумецу», — подумала странница, и вынужденно согласилась на подобную затею.

Блуждая по распрекрасным улочкам, преисполненным весельем и радостью, путники держали курс в одну из излюбленных госпожой лавок. На бледно-белом холсте оставались следы от гэта, что меняли свое направление с каждым шагом. Пушистый снежок падал с навесов различных бакалей, а нагие деревца струшивали тот на главы встречным и гостям. Миновав и не одну лавочку с одеждами, лишь в двух продавалось кимоно, одной из которых заправляла высокомерная госпожа, что недобро глядела на Шинкоку, а иная была излишне скромной на товар. Чем ближе к Зансатину иль столице, тем иначе постанет империя. Ассимиляция Фумецу становится все более явной и печальной, ведь сия прекрасная культура превращается в заиндевелый пепел.

И вот, наконец-то прибыв в нужное место, странники начали рассматривать каждое из предоставленных одеяний. Многие из них выглядели поистине прекрасно и роскошно, что невозможно было оторвать и взгляда.

Разглядывая каждое из них, словно подбирая уместное кандзаси □⁶⁷□, взгляд барышни привлекло одно яркое одеяние.

— Я думаю, тебе подойдет красное кимоно. Оно подчеркнет твою прекрасную кожу и столь чудесные волосы, а также придаст величавости. К тому же это цвет утреннего неба, — внушительным тоном обращалась та.

Нозоми, что также рассматривал каждый из предоставленных вариантов, воспротивил:

— Мне кажется, одеяние мятного оттенка будет смотреться на безымянной выигрышные. Помимо этого, он дополнит её изумрудные очи.

— Не могу согласиться. Аои □⁶⁸□ есть у каждой дамочки в гардеробе. Ко всему прочему, подобный оттенок был некогда запрещенным.

— Если так рассуждать, то темно-багряный тоже являлся запрещённым цветом в силу заменителя темно-фиолетовых тонов.

— И все равно, я вижу её лишь в красном цвете.

— Тоже самое могу сказать и про мятный.

Тогда они взглянули на мечницу, что присматривалась к иным вариантам, и дожидались её решения.

— А что насчет того? — выказала девушка, указав на простецкое серое одеяние. — Оно хорошо подойдет для повседневной носки, да и в бою не сильно помешает.

— Никоем образом, этот цвет принадлежит простолюдинам, но ты ведь она-бугэйся, следует взять что-то более запоминающееся.

— Не забывайте, что я не могу снять этот шарф, и как эти одежды будут выглядеть в паре с ним.

— За это можешь не переживать, — выказал странник, — я куплю новый, более подходящий к выбранному тобой образу.

Находясь под эдаким давлением с обеих сторон, нанаши пришла в голову одна идея.

— Что вы думаете о том, дабы Нозоми прикупил мятные одежды, а ты, Шинкоку, подобрала мне одеяние для Зансатина алых тонов?

— Тогда покупать одежду нужно в ином месте, но до чего же? Собираешься пойти в «Нет игры — нет жизни»? — заинтриговано вопрошала барышня.

— Хочу узреть известное на все государство казино лично, но, слышала, там строгие правила касаются внешнего вида, потому и желаю заручиться твоей поддержкой.

— Все так, однако у тебя есть Нозоми. Я уверена, что он сможет провести тебя без малейших колебаний.

— Я предпочитаю сделать все по правилам. К слову, Нозоми, — обратилась странница, — я не раз замечала влияние твоих действий и нередко задумывалась о твоей подлинной личности. Ты не чиновник, ведь вовсе не занимаешься своими обязанностями, как им надлежит, не сын богатых родителей, поскольку даже у них нет столько влияния, а у самураев нынче нет власти. Тогда возникает вопрос — кто ты на самом деле?

Мечник прикусил верхнюю губу, опосля чего выказал:

— Прежде всего, я бывший член «Девятнадцати великих сил», что имеют определенную власть на сих землях, а значит не все самураи лишены её. Помимо этого, я говорил ранее, что имею доступ к казне, благодаря чему являюсь весьма известным тёнином □⁶⁹□.

«Все не может быть так просто, ты слишком неясный человек. Я вижу, что ты увливаешься от вопросов и нервничаешь, но даже не так не понимаю, что у тебя в голове», — размышляла странница с неким недоверием.

— Это слишком подозрительно. Как бы ты меня не убеждал, все равно упускаешь важные детали, например, откуда у тебя эти деньги и как смог втереться в доверие к главе сил, но даже если спрошу прямо, не ответишь ведь?

Странник молчал. Какой-то горький осадок оставался в душе нанаша, словно тебя предадут раз за разом и водят за нос, изрядно потешаясь сим; но больше всего печалила мысль не о таких мелочах, а о недоверии со стороны товарища, с которым за такой короткий промежуток пережили больше, ежели за десятилетия своего существования. И даже так, она бы все равно простила его, как не имеющий гордости человек.

— Забудь. Всего лишь мысли вслух, — с улыбкой выказала девица.

Тотчас, к ней подошла Шинкоку, что держала в своих дланях изящную вещицу.

— Пока ты вела монолог, я нашла белоснежное кашне, которое идеально подойдет под мягкое кимоно. Примеришь?

Онна-бугэйся взяла шарф и кимоно. Барышня предложила свою помощь, но молодлица любезно отказалась. Она едва могла вспомнить, как правильно надевать традиционные одежды, однако, кое-как управившись на скорую руку, смогла-таки приодеться.

— А у Нозоми есть вкус. Тебе взаправду идет, — выказала Шинкоку, протянув руки, — дай-ка мне свою старую одежду, я понесу.

Нанаша свершила любезный поклон и передала одежды. Приблизившись к путнику, девушка протянула тому шарф.

— Возьми. Холодает на улице.

Нозоми взглянул на кашне, что лично прикупил для девушки в Кирумэ, опосля чего выказал:

— Думал, ты выкинешь его.

— Зачем же? Это ведь твой подарок, да и к тому же пригодился-таки вновь.

Мечник невзначай улыбнулся, цепляя на шею переданное кашне. Тогда же, оплатив покупку, товарищи двинулись дальше. Вновь идя по незаурядному городку, наслаждаясь каждым уголком да бескрайними просторами, они безудержно беседовали.

— Подумать только, императрица Ранзильема, второй да восьмой номер среди сил... Твой «Генезис» уже забирает влиятельных людей, кто же будет следующим? Владелица казино или обладательница неприступной территории, как и Кенко? А, может, и вовсе царя Цанахина заполучишь в свои руки? — лукаво молвила гейша.

— Цымыш уж вряд ли согласится покинуть престол сим способом и бросить вызов самому себе, что до остальных — время покажет. А сама ты, барышня Чинен, не желаешь вступить в наши ряды?

— Моя сила непригодна в бою: сразу уловят суть. Но ты спроси меня в другой раз, быть может передумаю.

— Как скажешь, Шинкоку. Не могу же я уйти ни с чем.

Женщина вновь заливалась смехом, но даже так она сияла, подобно истинной аристократке.

— Кстати, безымянная странница, слышала, что ты, как и Нозоми, любишь нихонсю. Не желаешь ли посетить местное идзакая □⁷⁰□? Наверняка ты не бывала ещё там.

— Выходит, поход к Шиаванам вновь откладывается? — с усмешкой вопрошала

странница.

— О, ты не подумай-чего, просто вам с Нозоми лучше посетить его без меня.

— Хорошо, я учту это. Давай сходим в предложенное тобой местечко.

В который раз поменяв свое направление, они двинулись путь. Да что уж сказать, Тейменто — своеобразный город, кой хочется разглядеть со всех сторон. Вот только неясное чувство преследования заставило отдалиться Нозоми от своих товарищей.

Юцуна и Кенко, что вот-вот собирались подойти к путникам, узрели уход странника, потому, договорившись между собой, решили проследить за ним. Однако их план не предвещал одной детали — Мичико, что следовала за ними по пятам.

— Устроили засаду своему другу или слезку? — лукаво вопрошала девушка.

— Да тише ты, а то услышит, небось, — выказал Юцуна.

— Ладно, а ты, Кенко, — вполголоса обратилась та, — почему такой ерундой занимаешься?

— И вовсе это не ерунда. Нозоми — опасный человек, я не доверяю ему. К тому же, нанаша слишком близко подпускает его к себе, но вдруг он за её спиной планирует нечто недобросовестное.

— О, ясно. Если так сильно переживаешь, не лучше ли нам пойти к ней?

— Мы ушли ничего не сказав, а появиться вот так будет несколько неправильно.

— Если вкратце, тебе просто любопытно узнать, куда ушел этот дружок, верно?

— Если вкратце, то ты права.

— А ты, Юцуна, — обратилась, закинув руку на плечо страннику, — преследуешь его по той же причине, так?

— Сдался он мне. Я просто иду за Кенко.

С умным видом, девушка кивнула.

— Понятно. Тогда давайте займемся этим, а то он уже скрылся за поворотом.

— Мичико, из-за тебя мы почти потеряли его! — ошарашенно упрекнул странник.

— Не волнуйся, Юцуна, — выказала Кенко, — мы быстро отыщем его.

С этими словами товарищи двинулись по пятам мечника. Нозоми миновал не один ятай □⁷¹□ и, петляя, блуждал по торговому кварталу. Человек, за которым он следовал скрывался за поворотом, усложняя задачу страннику, который вскоре схватил того за плечо со словами:

— Кто ты и зачем последовал за нами? — выказал тот не теряя хватку.

Высокий парень в крестьянских одеждах съежился от боли и прошипел:

— Ох, Господи. Неужто ты будешь каждый раз вот так ловить меня?

— Если потребуется, то буду, — вымолвил мечник с некой настороженностью. Хотя он подозревал сего молодого человека, его голос-таки показался знакомым.

Парень захохотал.

— Ха-ха, ладно. Прощу такую жестокость в силу того, что хорошо тебя знаю.

Услышав эдакую дерзость в голосе крестьянина, он резко повернул того к себе лицом и изрядно удивился.

— Докурицу? — выказал самурай, глядя на парня с рваной стрижкой и завязанными глазами. — Как нашел меня?

— Так ты меня ещё не забыл, друг. Выглядишь не очень, — с улыбкой выказал тот. — К твоему сведению, я плохо видящий, а не незрячий. Приехал вот, забрать новую порцию адского зелья. Может хочешь-что приобрести, а, купец?

— Не ерничай, Рицу.

— Хорошо, только не души меня. Каёку попросила сопроводить барышню Хосок и, параллельно, передать товар одному важному для нас посетителю.

— Выходит, двенадцатая тоже здесь...

— Ну, вроде того. Она здесь по каким-то «своим делам», — кривляясь выказал тот. — Барышня развлекается во всю, так что скоро покажется.

— Не удивительно, — произнес Нозоми, меняя тему. — Как долго ты здесь пробудешь?

— Уж поверь, хотел бы пообщаться с тобой побольше иль сыграть в маджонг с твоими попутчиками, да вот, боюсь, времени у меня маловато. Украдкой проследил за тобой, но вот поставка не терпит отлагательств.

— Слушай, завязывай со всем этим. Я серьезно.

— Понимаю, к чему ты клонишь, однако это наша с сестрицей работа, пора бы тебе уже осознать и принять это.

— Не долго ваш бизнес продержится.

Вздыхнув, парень отрек:

— Ты прав, но мы прилагаем все усилия ради того, чтобы оставаться на плаву, как-то да протянем. А ещё, можешь не волноваться, вечером я покину Тейменто. Но мы встретимся в Зансатине. Туда ведь держишь курс, Нозоми?

— Отменный слух, ничего не скажешь.

— Ты меня нахваливаешь. В таком случае, давай прощаться. Но помни, если понадобится качественный товар, ты знаешь, к кому обратиться. Я даже скидку сделаю по старой дружбе.

— Сей товар скупают лишь глупцы, не ведающие цену жизни.

— Ага, но также и богачи, сродни тебя, которым некуда деньги девать. Так что, в случае чего, твой верный слуга и старый друг готов помочь тебе за малые суммы, — выказал Рицу, хлопая странника по плечу.

Тот же, в свою очередь, лишь вздохнул. Распрощавшись, молодой человек двинул далее, а Нозоми глядел ему в след. Постояв какое-то время неподвижно, странник свернул в противоположную тому сторону и потерялся из виду.

Параллельно тому, три профессиональных шпиона начали обсуждать увиденное.

— Кенко, ты слышала, что этот старый пень хотел от слепого человека?

«Юцуна... Если бы он только это услышал, от тебя и мокрого места не осталось бы», — посмеялась с собственных мыслей майко.

— Я тоже едва-что слышала, но, кажется, они знакомы. Нозоми обратился к нему Рис... нет, Курица... Рис к курице...

— Его зовут Докурицу, — вымолвила Кавасаки Мичико, — он поставщик из Зансатина.

— Ты его знаешь? И что он поставляет?

Девушка хихикнула, увиливая от ответа.

— Всякое. Что прикажут — то и поставит богачам, приехавшим на отдых в Тейменто.

— Ничего не понимаю, скажи прямо! — взбалмошно выказал Юцуна.

— Я не имею к этому отношения, потому и сказать не могу. Знаю только, что он там, где игры, деньги и нелегальщина.

— И чем такой человек связан с Нозоми? — ошарашенно вопрошала Кенко. — И может ли этот Докурицу быть наемным убийцей?

Девушка отрицательно замотала головой.

— Точно нет. Хотя работенка у Рицу отчасти нелегальная, от многих вещей тот и сам

зависим, но душа у него добрая и сам по себе он хороший человек. Не стал бы он заниматься чем-то таким даже в наихудшем расположении дел.

— Кажется, ты хорошо его знаешь.

— Нет, я с ним даже не знакома, лишь один раз получала товар в окоя из его рук. Но видела я Рицу не раз, он ко всем добр, каждому поможет, хотя сам слеп. Люди уважают и почитают его.

— Значит, волноваться не о чем?

— Верно, вы зря подозревали своего товарища. Исходя из услышанного, да и самого поведения, они хорошие друзья, не более и не менее.

— Вот и славно, — выказал Юцуна, — давайте тогда уж вернемся к ребятам, раз причин оставаться здесь больше и нет.

Приятель согласился с мыслью мечника и подался петлять по городку в поисках своей группы.

Заиндевелый пепел. Счастливые будни. Часть вторая

В то же время, пройдя немалый путь, дамы приближались к одному идзакая.

— Барышня Чинен, Мичико так желает стать прекрасной танцовщицей, подобной тебе, и это восхищает.

— Тебе взаправду так кажется? — ошарашенно спросила та.

— Верно, ведь когда она говорит о тебе и выступлениях, то её глаза сияют.

Шинкоку перевела взгляд в сторону, словно вспоминая что-то, опосля чего выказала:

— Эту малышку продали в окия как только той исполнилось четыре года. Её отец был простым рыбаком и не смог обеспечить ей счастливую жизнь, мать же — низшей юдзё □⁷²□ из «квартала красных фонарей». Как я слышала, он выкупил её, продав свое маленькое наследство, однако вскоре, после рождения Мичико, она была убита одним пьяным самураем, что затаил обиду на женщину. Убитый горем да отчаянием мужчина старался спасти дочь от смерти, работая до изнеможения, но улов становился все хуже и меньше, потому отдать её в дом гейш стало единственным разумным решением, что он мог предпринять в такой ситуации. Мичико совсем не умела танцевать, петь, даже сочинять лирику, никто бы никогда не подумал, что она возжелает стать великой танцовщицей, но она быстро учится, это и выделяет её среди иных майко. Однако её мечта стать гейшей — простое самовнушение, ведь больше ей некуда подеваться, и она это прекрасно понимает.

— Очень жаль, что такую жизнерадостную душу постигла такая нелегкая судьба, — опечалено молвила странница.

— Это так, однако мама-сан любит Мичико как родную дочь, даже позволила ей зваться своей фамилией, — с улыбкой выказала та, подходя ко входу в идзакая. Их завлекал красный фонарь с опознавательным знаком.

Отодвинув веревочную занавеску *норэн* да войдя в заведение, их встретил ряд из низких столиков и татами, на котором сидели разнорабочие мужчины да женщины. Окинув взором небольшое меню, барышня выказала:

— Я подумываю взять умэсю □⁷³□ и сезонное блюдо. На чем остановился твой выбор, странница?

— Даже не знаю, здесь так много различных напитков... Что ты возьмешь, Нозоми? — спросила странница, взглянув назад, но не заметив того рядом.

— Наверняка ему стало слишком скучном в компании дам, потому и подался по своим делам, — молвила барышня.

— И куда же он мог деться? — вопрошала путница.

Гейша неоднозначно взглянула на странницу.

— Не могу утверждать, однако, предполагаю, что он направился в близлежащую Ёсивару □⁷⁴□, — коварно вымолвила Шинкоку. — Его излюбленный публичный дом, кажется, «Сямисэн» называется?

«Весёлое поле □⁷⁵□? Так он предпочитает плотские утехы, — раздумывала девица. — Как оказалось, я и вовсе не знаю своих людей...»

— В таком случае я схожу, отыщу его, — выказала нанаша.

— Ох, бросаешь меня здесь совсем одну... Я в печали, прекрасная странница.

— Барышня Чинен, — обратилась та, держа длани гейши в своих, — не волнуйтесь, мы

возвратимся как можно скорее.

— А вот это уже не обязательно, — лукаво прозвучала женщина, — не торопитесь, насладитесь местностью и полюбуйтеесь Шиаванами, лишь засим я приму вас. Не зря же мы прикупили тебе столь прелестное одеяние. О, и не забудь сказать содержательнице дома, что ты от меня.

— Тогда именно так и поступим, — вымолвила она-бугэйся и, преклонив голову, удалилась.

«Между вами такая пропасть, но ты перешагиваешь её, словно маленькую лужицу. Теперь я понимаю, отчего он так трепетно желал сыскать тебя. По истине невероятная девушка», — размышляла женщина, попивая умэсю. От своих мыслей, она, сама того не замечая, улыбалась.

Покинув пределы идзакая, странницу ждал неблизкий путь. Несколько раз приходилось идти по уже знакомым улочкам, но это не мешало восхититься ими, аки впервые. Прекрасная атмосфера фумчанской культуры правила здесь.

Понемногу ночь начала сменять день, ведя за собой тишину и покой. Блуждая по улочкам, что освещались красными фонарями, донеслись странные фразы, что молвили весьма громким тоном мужские уста.

— Нобу, — обращался тот, — здесь ещё одна слегла от сифилиса. Забирай скорее.

Идущий ему на встречу муж вез за собой повозку, опосля чего возмущенно выказал:

— Эх, снова женская красота стала убийственной, хоть на войну отправляй — всех врагов поразят.

— Так ты свою жену отправь. Сам же спишь с юдзё, зарабатываешь болячки, потом и барышне передаешь, а она уже передает их вашим детям. Нас, фумчан, и без того мало осталось, так вы и будущее поколение низвергаете. А таких как ты сотни, умник.

— А ты про мою Кумико гадости не говори, она вовсе и не против. Я чист, и дети чисты. Ты сам-то — ничейный, якобы холостой.

— Нет, — протянул тот, — я не такой, как ты. Я, если выберу себе спутницу, то одну и навсегда. А эти женщины — искусство, ими лучше наслаждаться на расстоянии. Иначе вон, что будет, — указал он на пятнистое тело мертвой женщины, погруженной в повозку.

Те двое ещё долго спорили о чем-то своем, но одно нанаша поняла наверняка — это то место, куда она держала путь. Петляя по улочкам квартала красных фонарей, девушка очами пробегала по надписям, висящим над входом в публичные дома. Минув с десятков таких мест, странница сыскала ту самую надпись «Сямисэн», о которой молвила Шинкоку.

Неторопливым шагом, девушка подошла ко властной женщине, что стояла у самого входа да пропускала гостей. Она всем своим видом походила на куртизанку, но стояла намного ниже, чем таю. Облаченная в несколько слоев одежды, в простецких сандалиях, одетых на голую ступню, обладая длинными шелковистыми волосами, что были заплетены в замысловатую прическу, та привлекала внимание, но с высшими куртизанками не могла бы сравниться.

— Да здравствует вечерняя заря! — обращалась мечница. — Могу ли я зайти на чашу в сей дом?

Окинув взором странницу, женщина едко, с натянутой улыбкой, выказала:

— Боюсь наш дом не так прост. Здесь лишь известные чины да аристократы, кем же Вы приходитесь, и зачем пожаловали к нам?

— Я... простая танцовщица, однако хотела бы отыскать своего...мужа здесь, посему,

извольте пропустить, коль сердце Ваше добро и понимает женскую тоску.

Пропустив мимо ушей последующие слова, женщина спросила:

— Неужто Вас выкупили из окия? И кто же Ваш попечитель?

— Я выкупила себя сама у мамы-сан, и в этом мне помогла достопочтенная госпожа Шинкоку.

— Вы ничуть не схожи с майко барышни Чинен, да и с чего бы ей помогать Вам? — с недоверием молвила та.

— О, это потому, что я не ученица, а хорошая знакомая дамы, что безумно восхищается ею. За мою преданность, она вознаградила меня свободой.

Каждый раз, стоило лишь взглянуть на странницу, лик женщины выражал презрение, подпитанное недоверием.

— Если это так, то Вы должны знать специальный пароль, как минимум один из двух.

— Один из двух? — заинтриговано вопрошала странница.

— Разве вы не хорошие знакомые? — высокомерно молвила далее та. — Должны бы знать, почему у барышни два пароля.

— К сожалению, меня не наделили сей информацией.

— В таком случае, не могу Вам ничем помочь, госпожа. Посетите иные дома со свободным входом. Здесь у нас лучшие куртизанки всей империи, даже простые юдзё дорого обходятся посетителям, — промолвила женщина, отворачиваясь от странницы да пропуская иных тёнинов и аристократов. Девушка чуть отошла, освобождая тем путь, опосля чего, окинув взором вход в публичный дом, её взгляд остановился на одеждах госпожи. За оби у той пряталось два веера, и это послужило новой идеей странницы.

— Господа, — обратилась та, выхватывая опахала из-за пояса женщины, — быть может, у меня и нет пропуска, но я бы хотела продемонстрировать свои навыки танцовщицы. Что думаете об этом?

Уловив дерзость странницы, женщина хотела-было отказать и вышвырнуть тую из квартала, однако, взглянув на посетителей, что явно заинтересовались дивной танцовщицей, не смогла вымолвить ничего кроме одобрительных слов.

— Хорошо, станцуйте же нам. Покажите через нихон-буё □⁷⁶□ свою связь с барышней Чинен, — похлопав, призывая слуг. — Приведите хотя бы одного котоиста. Вам ведь хватит сего, госпожа?

— Безусловно, — лукаво выказала та.

Вскоре из-за публичного дома вышел один котоист что, поклонившись, присел у самого входа.

— Исполните излюбленный всеми нами «Куроками»? Будучи гейшей, Вы должны были изучать его.

Собравшейся толпе эта идея пришлась по вкусу. Однако, не стоило и сомневаться в том, что нанаша, будучи мечницей, не знает правильных движений, а уж тем более не изучала сию лирику. Да и внешности поэтической героини, что обладала прекрасными черными волосами, та не соответствовала. Сей танец взаправду был известен в Фумецу на протяжении долгих лет, но даже так, не помня и одного движения, выполнить его было невозможно. Потому, немного продумав свои действия, странница выказала:

— Безусловно, «Куроками» — прекрасное нихон-буё, что не оставит безразличным никого, но помимо сего, он вряд ли сумеет подтвердить подлинность моих слов. Посему, я предлагаю продемонстрировать вам то, что связано с барышней Чинен напрямую.

Публика в недоумении следила за девушкой, что шептала какие-то речи на ухо котоисту. Засим, тот на толику задумался о чем-то и кивнул, хватаясь за цитру. Бережно перебирая струны, приятное и знакомое звучание разливалось, аки вино по бокалам. Стоя с веером, что прикрывал лицо, странница осторожно и изящно тянулась в одну сторону опосля чего, сменив руку, тянулась в противоположную. Прибрав веер от лица, она легко затрусилась им да покружилась, однако, стоило ей лишь потянуться руками к небу, яко взывая к звездам, люди начали осознавать, что это за тан и чем о подпитан.

С каждым взмахом и падением вееров, кружась на земле, что в мгновение ока стала сценой, она все больше походила на Шинкоку, коя демонстрировала сие выступление на одной из улочек Тейменто. Несомненно, эмоции, да и чувства, передаваемые зрителям, разделяли их. В движениях нанаша не было опыта, отточенного годами, и таланта, кой позволил бы убедить зрителей и саму госпожу уверовать о её принадлежности к артисткам, но глядя на этот тан, что приковывал все взгляды, это было не столь важно.

На какое-то мгновение, когда девушке нужно было изобразить перевоплощение Шинкоку с гейши на онну-бугэйсю иль наоборот, казалось, что странница танцует лишь для себя. У неё не было силы, что позволила бы перевоплотить веер в орудие, осыпать сцену снегом или преобразить свое одеяние, но вместо сего она меняла взгляд и хватку, с коей держала опахало. Танцуя в нежном и хрупком одеянии, взгляд мечницы выражал мужество и силу воли, без которой не обойтись в бою, а в другой момент, вернувшись в личину артистки, — неминуемую тоску. Эта метаморфоза даже без всех спецэффектов или таланта объединяла девушек в одно целое.

И вот, когда знаменуемый момент, в коем изображалась харакири женщины, странница пала на колени и, прикрыв очи да раскинув руки в стороны, словно птица крылья, та выронила веера и застыла в этом положении.

Узрев противоречивый тан, подобный барышне Чинен, публика вновь испытывала неоднозначные чувства. Одни, что видели сей тан вчера, сомнительно глядели на странницу, а некоторые восхищенно хлопали, ведь кто-то сумел повторить его, другие же были поражены сим танцем, ведь он вовсе не походил на традиционный. Но мнение всех этих людей не так важно, ведь ключевая фигура, ради которой было затеяно это выступление, не глядела восхищенно на тую, но и не бранила.

— Хорошо, барышня... — обращалась женщина, но приостановилась, ведь забыла спросить имя девушки.

— Просто барышня.

Женщина высокомерно кивнула, словно делая это через силу, опосля чего продолжила:

— Начнем с того, что я прекрасно знаю, что Вы солгали как о своем выкупе, так и о принадлежности к гейшам. Касаемо барышни Чинен ничего сказать не могу, но, в прочем, это не так важно. Ваш тан олицетворяло полночное выступление, а не нихон-буё, однако я правда восхищена тем, что Вы запомнили многие детали, посмотрев его единожды. Даже самые умелые майко не смогли бы провернуть сего. Танец был не так изящен, как у госпожи Шинкоку, не совершенен, имел иную атрибутику, и Вы несколько раз отступались сами того не замечая, но человек, разбирающийся в искусстве в мгновение ока это приметит. Однако у Вас есть аристократические повадки, умеете поддержать беседу, имеете поразительную зрительную память и при совершенствовании собственных навыков в сфере искусства сможете стать весьма известной.

— И к чему же Вы ведете, госпожа? — заинтриговано вопрошала онна-бугэйся.

— Подпишите контракт с нашим домом на пять лет, — продолжала женщина. — Мы сделаем из Вас превосходную юдзё, а также я позволю Вам пройти в дом. Даже закрою глаза на всю эту ложь про замужество и разрешу покидать Ёсивару когда сами того пожелаете. Если в доме взаправду есть кто-то, кого Вы так трепетно желаете встретить, предоставлю ему Вас в качестве таю, но лишь единожды. Если откажут — ничем не смогу помочь.

Девушка хотела было возразить, однако умолкла, взглянув на женщину, что глядела куда-то назад. В одно мгновение, напрямиком возле уха нанаша пронеслось несколько странных фраз.

— Если желаешь снять куртизанку на одну ночь, просто попроси Шинкоку, она-то уж точно не откажет тебе, — зазвучал знакомый мужской голос. Обернувшись назад, странница увидела своего товарища, коего рассчитывала встретить внутри борделя.

— Ты вернулся, — с улыбкой молвила та, — как долго наблюдаешь за мной?

— Полагаю, что со слов «я простая танцовщица, однако хотела бы отыскать своего мужа здесь...»

Без толики смущения на лице, странница спросила:

— И как тебе танец?

— Он определенно привлек мое внимание, — выказал тот, окинув взором бордель. — Это тебе сестра что-то наплела?

Странница не дала точного ответа, лишь ехидно улыбнулась, однако с её слов все и так стало ясным:

— Но ты взаправду оказался здесь.

Странники продолжали стоять, как ни в чем не бывало, пока их голос не прервала женщина:

— Барышня, если Вы вместе с достопочтенным господином Нозоми, то прошу, проходите.

— В этом нет нужды, — обратился тот, осторожно схватив странницу за руку. — Пойдем?

Девушка кивнула опосля чего попрощалась и вместе с товарищем удалилась. Толпа, что пришла поглядеть на выступление «танцовщицы», вмиг рассосалась и подалась по своим делам. Госпожа глядела в след уходящим путникам, после чего, за считанные секунды забыла о них и продолжила заниматься остальными посетителями.

Идя по кварталу, усыпанному яркими фонарями, невозможно было оторвать взгляда. Однако, не взирая на столь прелестные вечерние виды, сие место было также переполнено всеми грехами, что только можно и нельзя сосчитать, но главенствующей среди иных была похоть. Десятки борделей принимали абсолютно разных по статусу людей и наций. По пути здесь не раз встречались цанахинцы, что выделялись на фоне общей картины. Облаченные в отличные наряды, длинные пышные платья и изящные костюмы, разнящиеся друг от друга внешностью, они также, как и фумчане, желали обзавестись хорошенькой юдзё иль таю, если позволяли финансы. В самом деле, изначально культуру артисток и сам квартал желали отменить, даже был подготовлен закон о сем, но цанахинцы настаивали на сохранении Ёсивары «в память о угасшем менталитете» в Тейменто, потому гейши и куртизанки со всех городов мигрировали сюда. Наяву же это было из собственной прихоти и восхищения.

Странники покидали пределы квартала красных фонарей, беседуя о прошлом и нынешнем.

— ... Так ты пошел за неясной фигурой, благодаря чему встретился со своим другом из

Зансатина... Все же тебе следовало предупредить нас во избежание подобных конфузов.

— Это так, но, кажется, ты неплохо провела время, побывав и выкупленной гейшей, и замужней дамой, — подначил странник.

— Ха-ха, — заливалась смехом та, — да перестань ты. Это была необходимая мера.

— Не так-то и важно, с какой целью ты совершила это, если оно тебя позабавило. В этом месте стоит оставлять лишь хорошие воспоминания, иначе век улыбки не повидает.

— В этом своя истина, — продолжала девушка. — Куда же мы держим путь, мой милый друг?

— Скоро увидишь, — выказал тот, ведя странницу в неясном направлении.

С каждым совершенным шагом, улочка опускалась в беспроглядную тьму, кою освещал лишь яркий свет фонарей, указывающий путь. Проходя меж домов, что выглядели знакомо, истомившихся деревьев, кои вот-вот лягут спать, тех же следов, оставленных ещё при свете дня, товарищи вышли к огромному водоему, что со всех сторон освящался фонарями.

— Нешто это — Шиаванами? — поражённо молвила странница, глядя на простирающуюся по всему городку реку. Лишь пройдя весь этот путь, она осознала, что Шиаванами всегда была близ них. И когда те подошли к лесам Тейменто, и когда шли за одеждами, и даже по пути в Ёсивару — та была так далеко и близко одновременно. Глядя на эту реку можно было выказать лишь одно — до чего же это бесподобно.

Бережно придерживая спутницу за руку, вместе они спустились к причалу, возле которого стоял старенький сгорбленный муж, что переправлял люд и продавал фунэ □⁷⁷□ путникам. Перекинувшись парочкой словечек с тем, Нозоми договорился одолжить лодку на какое-то время за весьма приличную суму, в которую входил залог в районе девятисот нан.

Мечница присела в заостренное судно, над которым расположилась небольшая крыша и весьма обширное пространство. Было трудно поверить, что такая лодка предназначена всего лишь для двух людей, да ещё и без гребца, но все было наяву. Схватив весло да осторожно ступив на борт, путник принялся отплывать.

Нанаши глядела на распрекрасные виды, что открывались перед очами, да все никак не могла налюбоваться. «До чего же Фумецу прекрасно как в день, так и в ночи», — думалось ей. Но помимо всей красоты, раскинувшийся вокруг, над мечниками повисло неловкое молчание.

— Если так подумать, прошло не мало времени с того дня, как мы виделись с глазу на глаз, — попыталась завести тему для разговора странница.

— Не так уж и много, безымянная, просто ранее ты не замечала сего.

Девушка выдала легкую улыбку. Окинув взором странника, что пристально глядел на воду, она обратила внимание на то, с каким усердием он старается грести. «Поверить не могу, что не заметила этого раньше...» — ошарашенно подумала про себя та.

— Давай теперь я погребу.

— В этом нет нужды. Отдыхай, я и сам справлюсь.

— Ты выглядишь изнуренным, кажется, что и не спал вовсе. Мешки под глазами, руки едва держат... Что тревожит твою душу? — вопрошала странница.

Путник удивился тому, что девушка спросила о таких незначительных деталях, что, казалось, и не нуждались в особом внимании. Своим спокойным тоном, он вымолвил:

— Все хорошо, нанаши. Тебе не о чем беспокоиться.

— Увиливаешь от ответа? Тогда передай мне весло. Не упирайся, иначе силой отберу.

Странник выдал легкую улыбку, и, не в силах противиться сей молодежи, передал весло.

Она легко схватила гребок и медленно начала двигать лодку. Не взирая на довольно хрупкое и болезненное тело, ей удавалось делать это весьма успешно.

— Должно быть, врать изнурительно? — молвила та. — Ранее мне думалось, что смогу заполнить твоё доверие.

— Ты ведь знаешь, что это не так, и я доверяю тебе больше, чем кому бы то ни было.

— Знаю. Но своими выходками ты заставляешь меня волноваться и сомневаться.

— ...

— Я не буду тебя корить за это, — без толики негатива выказала странница.

— И ты сейчас не о моих недавних словах, не так ли? — подловил мечник.

Странница неоднозначно взглянула на того, после чего, вздохнув и усмехнувшись, вымолвила:

— Даже если ты всё знаешь, но не говоришь, я искренне верю, что на это есть причина.

— А если я делаю это лишь из своей прихоти?

— Разве это не так и есть? — лукаво выказала молодлица. — Впрочем, пока я нахожусь в неведении, не думай об этом. Но и более не создавай преграды на моем пути, хорошо?

Воцарилась неясная тишина, кою прерывали лишь удары весла об воду.

— Не молчи. Говори, что только в голову взбредет, но не затихай, прошу.

— Нанаши...

— Не можешь выполнить мою просьбу, верно?

— ... тебе действительно так важно узнать своё имя и историю?

— Имя — и есть история. Я говорила это Юцуне, повторю и тебе, что это слово из трех букв значит для меня больше, чем мог бы кто подумать. Это мое бремя, и я хочу нести его, покинув сие неведение.

Перекинув взгляд на фонари, словно избегая встречи с очами странницы, тот беспристрастно молвил:

— Надеюсь, ты простишь меня когда-нибудь за это. Хоть и не смею, но желаю.

Тогда же странница взглянула на путника с некой жалостью и болью. Она осторожно приблизилась к парню и, объяв того, прошептала:

— Делай то, что считаешь нужным и ни о чем не жалею. Даже, если не уверен в правильности своих поступков.

Услышав это, странник почувствовал какую-то легкость на душе. Кто бы мог подумать, что такие простые слова, подобные сим, смогут вмиг снять тревогу.

— Тогда я, всё же, сделаю то, что считаю нужным, — выказал тот, выхватывая весло из рук мечницы. — Если устану — передам его тебе.

Нанаши отстранилась и презренно выказала:

— Что за хитрая уловка, Нозоми?

— Твои длани созданы вершить великие дела. Об остальном позволь позаботиться мне.

На сей раз девушка не стала возражать. Неоднозначно взглянув на странника, она заприметила, что его длинные, собранные в слабенький хвост волосы вот-вот распадутся.

— Дай-ка хотя бы заплести твои волосы.

— Как тебе угодно, — выказал тот, продолжая грести по тихой водице.

Переминая шелковистые волосы странника, да стараясь завязать гульку из нескольких прядей, дабы сотворить полусобранную прическу, мечница обращалась к тому:

— Знаешь, твои волосы подобны аристократу, такие ухоженные и красивые. Да и черты лица ничем не уступают им. Хотя нет, — засомневалась странница, — на кого-то более

великого, яко императора, ты больше похож. Никогда не хотел бы им стать?

— Тебе самой-то не смешно это говорить? — смеясь молвил тот. — У купцов далеко не высокое положение в обществе, да и до аристократов им никогда не дотянуться. Ещё ни один император не походил из столь низкого сословия.

Страница немного посмеялась, опосля чего выказала:

— Я ведь вовсе и не о том говорю. Ты когда-нибудь хотел бы сам стать кем-то столь великим, кто правит целым государством, решает произошедшие проблемы и устраняет нюансы?

— Пожалуй, нет. Я бы, скорее, предпочел продолжать странствовать, а не быть прикованным к одному месту. Не хотелось бы тратить короткую людскую жизнь на такое утомительное занятие.

— Очень жаль. Мне кажется, у тебя бы получилось это, — вымолвила та, отстраняясь от путника. — Я сделала тебе немного другую прическу, надеюсь, ты не против?

— Конечно нет. Спасибо, нана.

— Раз ты благодарен, то позволь мне погрести ещё немного. Я сочла это занятие весьма увлекательным.

Путник передал весло, опосля чего присел и наставил:

— Курсируй прямо, — продолжал тот, — так мы доберемся до поместья сестры в считанные минуты.

— Есть, сэр! Товарищи, наверное, заждались нас.

— Как приедем, так и узнаем.

Плывя по столь тихой, но до чего чарующей реке, путники прибыли к небольшому

порту. Отдав указ гребцу вернуть фунэ владельцу, они принялись вздыматься вверх по небольшому склону, минув который, всего через несколько сотен метров покажется место, с которого все начиналось, — дом, пропитанный душистым ароматом, и «Генезис», который успел стать каждому мечнику местом, в которое можно вернуться, местом, что стало домом.

Член сил без сил. Длинный путь, краткая ночь

День за днем месяц сменял солнце, покуда не прошло четыре денницы. В этом небольшом промежутке времени, странники пополняли запасы сил перед длительной дорогой в одно из самых преступных и богатых мест Фумецу — Зансатин. Гуляя по просторам яркого городка, скитаясь среди улочек, они наслаждались каждым проведенным днем вместе.

Одним прекрасным вечером, барышня Чинен сводила путников на представление знаменитого театра Кабуки □⁷⁸□, о котором стыдно было не знать, ступив на земли островного государства. Это было идеальное время для посещения, ведь новый театральный сезон всегда начинался в декабре.

Само здание было в комбинации оливкового и золотистого, карого и белого тонов, с остроконечной крышей и традиционной башенкой, отмечающей официальное одобрение правительства. Роскошный театр, разнящийся своими величественными размерами, был оснащен весь нестандартными механизмами, в число которых входила вращающаяся сцена. Сотни переполненных сидений были устремлены на сцену с узкой платформой, идущей через партер. Дивный и тотчас чарующий, неповторимый он взывал к себе каждого желающего поглядеть на весьма абсурдное и одновременно переполненное символами и домыслами выступление.

Поначалу один из странников выявил желание посетить пьесу «Самоубийство влюблённых в Сонэдзаки» □⁷⁹□, не ведая о том, что её давно уже не показывают на сцене из-за запрета. Тогда же их главы посетила мысль поглядеть на не менее известную постановку «Наруками», что прославилась самой длинной репликой во всем театре и весьма дурной славой, ведь считалась проклятой. Однако это не помешало членам «Генезиса» насладиться сей запутанной, но до чего же увлекательной историей, в коей слились чародейство и наука, интриги при императорском дворе и любовные страсти, посему просмотр пьесы оставил у них приятные впечатления.

На утро нанаша попивала свежесваренный барышней чай, сидя на дзабутоне около небольшого столика. Близ неё, на татами, сидели и другие члены «Генезиса». В ночи погода резко переменялась, из-за чего тела путников стали куда более восприимчивы к холодам.

— Какая же ужасная погода на улице. Брр... не люблю зиму... — с набитым ртом молвил Юцуна, поедая излюбленное *ан-данго*. — Хорошо, что сэнсэй купил мне эту прекрасную вещь, иначе бы мое негодование возросло вдвое, нет, втрое!

— Ты бы не говорил с набитым ртом, — обращался Нозоми, — подавишься иль язык прикусишь — не будешь уже так радоваться.

— И без тебя знаю. Ты бы вон, взял пример с нанаша, она себе спокойно пьет чай и никого не трогает.

— Она ничего не говорит лишь из-за того, что все утро о чем-то думает, — выказал мечник, глядя на задумчивое лицо странницы, аки та потеряла связь с миром.

— Нанаша? — обратилась Кенко к мечнице, слегка коснувшись её плеча.

Девушка глотнула чай, поставила яноми □⁸⁰□ обратно, опосля чего посмотрела на попутчиков и выказала:

— Минуло пять денниц с момента, как мы ступили на земли Тейменто и повидали немало увлекательных происшествий и мест. Однако, нас ждет встреча с не менее опасным

да интересным местом, посему не настал ли час покинуть беззаботные дни и ринуться на встречу новым приключениям? Что вы думаете об этом?

— Не знаю, что до других, но я поддерживаю тебя, и считаю, что нам действительно следует двинуться в путь, дабы поведать ещё больше информации о нынешнем состоянии Фумецу и уловить зацепки о твоём прошлом, — молвила Кенко.

— Может ещё денек отдохнем? — умолял Юцуна. — Ну хотя бы два...три...

В их разговор неожиданно вступил старший мечника, стоящий поодаль от общей группы.

— Не торопись, нана, — обратился тот. — Нам нужно посетить ещё одно место.

— Я знал, что ты меня поддержишь! — выкрикнул мечник.

— О? — заинтересовано спросила онна-бугэйся. — Я вся во внимании, друг мой.

— Есть один человек, который может весьма недурно помочь нам и стать надежным путеводителем по Зансатину. Он хорошо осведомлен обо всех устоях того места, поможет собраться и не сбиться с пути. Если вкратце — он будет полезен.

— Разве мы не знаем путь туда, Нозоми? Зачем нам ещё кто-то? — с недопониманием глаголил парнишка.

— Ты прав, но в любом случае нам следует прихватить его с собой во избежание апорий. Не забывай, что Зансатин не только богатый анархистский город, кишущий беззаконием, но и место, где слова «Девятнадцать великих сил» имеют большой вес.

— Выходит у этого человека есть некая власть, позволяющая тому переходить дорогу «Силам»? — вопрошала странница.

— Он ведь и сам из «Девятнадцати великих сил», не так ли? — зазвучала Кенко.

На это путник не дал единого ответа, лишь сказал, что им необходимо подловить того, пока он ещё в Тейменто.

— Предположим, что сей муж согласится помочь нам и сопроводит в Зансатин, однако, что это за место, кое ты упоминал в начале?

— По наводке одной таю, поддержкой коей я заручился в Ёсиваре, его несколько раз видели на территории павильона Кинкаку-дзи, посему мы должны проверить то место. Вы с Мичико наверняка видели его где-то вдалеке, сидя на горе.

— Верно, я заприметила его тогда. В таком случае, если никто не возражает, давайте направимся к храму.

— Постой-постой, малышка, — обратилась Шинкоку, надевая подходящее кандзаси. — Если вам нужно прибыть туда как можно скорее, то возьмите лошадей. Кинкаку-дзи лишь кажется близким по расположению, но наяву он намного дальше. Поход к нему отнимет у вас лишние часы жизни. Неподалеку один благородный муж продает досанко, выведенных в префектуре Хоннидо. Я проведу вас к нему.

— Барышня Чинен, ты поедешь с нами? — воодушевленно вопрошала Кенко.

Женщина хихикнула.

— А как иначе. Быть может, по мне и не скажешь, но я хороша в бадзюцу □⁸¹□, и смогу составить вам компанию. Мичико сегодня в распоряжении мамы-сан, потому заняться мне нечем, да и к тому же, хочу побольше провести времени со своими прелестными товарищами.

— Ты так талантлива, барышня Чинен, не могу перестать восхищаться.

— Ох, снова льстишь мне, милочка. Заберите свои катаны, стоящие у гэнкана □⁸²□. Кто знает, вдруг пригодятся.

Странники захватили свои мечи, но прежде чем выйти, Шинкоку преобразила их в веера. Хотя в Тейменто за этим едва кто следит, ведь многие мечи используются как атрибутика для танцев или фиктивных сражений, и чаще всего, если это высмеивает культуру фумчан, однако проблем наживать-таки не хотелось бы.

Минув пятнадцать тё □⁸³□, путников встретил улыбчивый мужчина, кой держал в своем загоне четверых скакунов. Сами по себе они были не высокими, так как эта порода не соответствует сей критерии, однако их крепкое телосложение и выносливость дают преимущество над иными лошадьми.

Рассматривая их, каждый нашел себе досанко по вкусу, кроме Юцуны, что жуть как не любил лошадей и все, что с ними связано. Взгляд нанаша привлек седой конь с блестящей гладкой шерстью и роскошной шевелюрой. Кенко же очаровал гнедой, что игриво подставлял ей свою мордочку. Основываясь на собственных познаниях, Шинкоку выбрала рыжего коня весьма статного вида, Нозоми же прибрал коня вороной масти, что тряс свою гриву, выказывая благородство. Оба коня были лучшими среди иных, хотя стоит отметить, что все лошади сего мужа были здоровыми, в меру упитанными и благородными по своей натуре.

Ясное дело, учитывая тот факт, что Шинкоку выдвинется в путь со странниками, то кому-то придется сесть вместе. Переговорив меж собой, попутчики решили, что Юцуна поедет с Нозоми, так как совсем не умеет управляться с лошадьё.

Шинкоку запросто оседлала коня, словно занималась бадзюцу всю свою жизнь, чего нельзя сказать про Кенко, которой это давалось с трудом, но таки удалось. Её конь был спокоен, аки удав, позволяя страннице привыкнуть к нему. Нанаша смогла без затруднений оседлать седовласого, как и старший мечник. Однако хуже всего держался на скакуне Юцуна, которого силком приходилось усаживать на непослушного скакуна, что из раза в раз скидывал того.

— Просто держись крепче за крепления седла, балбес, — обращался Нозоми.

— Да этот конь ненормальный! Он моей кончины хочет, хотя я ему ничего не сделал! Кто бы мог подумать, что я наживу себе врагов среди коней...

— Сдался ты ему. Говорю же тебе, усядься нормально.

— Нет, я не хочу умереть с тобой! С кем угодно, но не с тобой — я не заслужил такой смерти!

Тяжко вздыхая, путник выказал:

— Тогда иди на своих двоих. Мы не собираемся с тобой возиться, — намекнул тот на лошадь, что, казалось, фыркнула в сторону паренька.

— Просто помоги мне уже!

— Юцуна, — молвила Шинкоку, — сядь ровно и расслабься. Находясь в постоянном напряжении, ты лишь способствуешь тому, чтобы упасть. Брат опытен в верховой езде, не бойся, он не погубит вас.

Парень нерешительно ослабил хватку и попробовал сбросить лишнее напряжение, но ему это давалось с трудом. Лишь спустя десяток таких попыток, он сумел сохранить равновесие. «За что мне все это», — плача в душе, раздумывал тот.

Когда наконец все были готовы, всадники двинулись в путь. Кони шли не слишком торопливо, благодаря чему можно было насладиться окружающими их видами. Как и говорил Нозоми, зима в этом городе — неописуемо прекрасна. Алые деревья, что выделялись среди белоснежных видов были чем-то невероятным и даже волшебным. Светлое

небо сливалось со снежком, из-за чего казалось, что путники — пятна на этом холсте среди багряных всплесков.

Пройдя немалый путь, странники ступили на земли павильона. Их встретила весьма прекрасная картина — река, на которой расположился трехъярусный храм, более известный как Золотой павильон, а вокруг него сплошная тишь да гладь из укрытых снегом деревьев.

Странники пошли в обход, дабы подойти к самому павильону, однако по пути они заметили прекрасную барышню в синих одеждах, что сидела на камне да читала какое-то

послание. Своим говором, та урывками донесла содержимое послания.

— Так-так, и что же пишет наша импульсивная госпожа-холера... «Дорогой двенадцатый номер, отсылаю тебе сие послание, дабы уведомить, что если ты через неделю не покажешь свой чертов зад в резиденции господина Кэтсеро, то я тебя...» — свернув свиток, прокомментировала та. — Ладно, обойдусь без подробностей.

Услышав цокот копыт, барышня перевела взгляд на четырех приближающихся всадников. Когда те придержали коней, Юцуна выпал, хватаясь за наставника, из-за чего перевернул того верх дном. Девушки обеспокоенно посмотрели на попутчика, что завис в таком положении на какое-то мгновение.

Пытаясь сохранить беспристрастное выражение лица, но все же дрогнув бровью, тот злобно взглянул на паренька, что отряхивал свои хакама от снега. Здесь даже слов не нужно было, дабы понять, что излагают эти очи.

Юцуна же, глядя на наставника в таком положении, едва сдержал смех.

— Ой... Ты это, прости меня, я не специально. Каюсь.

Удивленно вскинув брови, барышня с изящными чертами лица и длинными черными локонами выказала:

— Не могу поверить, что я вижу! Это же старый зануда и бомба замедленного действия! — воодушевленно поднявшись выказала та. — Сто лет — сто зим!

Когда старший мечник вернулся в нормальное положение, то вскочил с коня и поприветствовал девушку.

— А ты все не меняешься, Хосок. Давно не виделись.

— По какому поводу ты столь эффектно заявился ко мне, друг?

Вместо слов, странник перевел свой взгляд на молодиц, что, спрыгнув с лошадей, дожидались какой-либо реакции дамы. Тот сразу заметил знакомое лицо среди девиц.

— Барышня Чинен! — обращалась Хосок. — Как я рад тебя видеть!

— О, любезнейшая, я ждала этой встречи. Когда услышала, что ты прибыла сюда вместе с господином Докуруцу, то все думала, когда же ты посетишь мой чайный дом, а тебя все не было и не было... Пришлось, вот, идти к тебе самой, — хихикая обращалась Шинкоку.

— Ты уж прости, я думал зайти, но в какой-то момент мое вечное недомогание, выражающееся в безукоризненной косности, взяло верх. Спасибо, что почтила меня своим визитом! — вымолвила та, взглянув на девушек, что стояли позади знакомой. — Что за прелестные барышни прибыли с тобой, милая?

— Эту распрекрасную черновласку ты, должно быть, уже опознал, ведь это всем известная императрица Кенко, а вот сию белоснежную деву позволь мне тебе представить, как ту, кого мы называем нанаша.

Высокая барышня в синих одеждах подошла к девушкам, поклонилась, опосля чего обратилась к ним:

— Рад нашей встречи. Величайте меня Эдой Хосок, прелестные девы.

— Я также рада нашему знакомству, двенадцатый номер, — обратилась Кенко к госпоже Хосок.

— Ой, да здесь нечем гордиться! Двенадцатый и двенадцатый, а толку то, ха-ха, — выказала та, переведя взгляд на нанаша. — А тебя, случаем, не Юджо зовут? Я про ту, что заправляет в Синицилие.

«Юджо, что заправляет в Синицилие? — призадумалась странница. — Про город я кое-что слышала, а вот про сию девушку впервые...»

— Боюсь, Вы ошиблись, сударыня. Как и было сказано ранее, я та, кого именуют как нанаша.

— Хорошее прозвище, сестрица, — выказала та, хлопая деву по плечу. — Ты, видимо, и есть девушка, которая прибрала к рукам наших мечников, да?

— Чуткость не подвела Вас, барышня Хосок.

— Я представлял тебя немного иначе — более грозной, ошеломляющей, со взглядом льва и ростом под шесть сяку □⁸⁴□, но ты оказалась настоящей милашкой, хотя и немного хитренькой на вид.

— Вы мне льстите, барышня. Раз уж мы молвим о первом впечатлении, то из рассказов Нозоми, я думала, что Вы — благородный муж, что одним лишь взглядом способен бросить вызов всему миру. Кто мог знать, что Вы окажетесь весьма простодушной и увлекательной леди, — продолжала странница с улыбкой.

После этих слов, Юцуна покосился на мечницу, явно недоумевая с её слов, опосля чего выказал:

— Нанаша, я бы, конечно, не хотел прерывать этих ваших милых бесед о том, о сем, но перед тобой парень, а не девушка, и зовут его Эдо, а не Эда.

Нанаша захлопала ресницами от неожиданности, в то время как Шинкоку едва сдерживала свой лукавый смешок. Как оказалось, об этом знали все, кроме неё.

— Кто бы мог подумать, что мужчина может быть столь очаровательным. Прошу простить меня за это, — вымолвила странница, поклонившись в качестве извинения.

— Да брось, милашка, я уже привык к этому. Каждый из присутствующих здесь думал, как и ты, кроме Шинкоку, что мигом раскрыла мой обман. Да что уж говорить, если они до сих пор воспринимают меня как женщину, потому не волнуйся, — тепло обращался Хосок.

Эдо Хосок, кой сам по себе является мужчиной, ещё десятки лет назад смирился с тем, что все нарекают его женственным и путают с прелестными девами, потому начал облачаться в барышню для слезки или ради забавы, запугивая очарованных мужей. Но даже если он надевал мужские одежды, все продолжали считать того госпожой Хосок, хотя это не разочаровывало его. Что уж поделать, если судьба наделила мужчину столь прелестным личиком с мягкими и приятными чертами, кроме как воспользоваться этим?

— Кажется, Вы вовсе-то и не против сего, — обращалась нанаша.

— Ещё бы. Чего это мне быть против, если одно лицо может дать столько преимуществ перед обеими полами: и на работе помогает, и занятно отдыхать располагает, — продолжал тот. — Но сейчас не об этом. Вы ведь прибыли сюда по какому-то делу, не так ли? Я в вашем распоряжении, так что просите, о чем пожелаете.

— Ты прав, — вступил в разговор Нозоми. — Зная тебя, ты снова отлыниваешь от обязанностей члена «Сил», а судя по этому свитку, тебя уже запросили в Зансатин. Посему...

— ... вы хотите попросить меня сопроводить вас в наш городок, помочь добраться туда без лишних приключений, а также расставить все по полочкам, так? — подхватила барышня.

— Схватываешь на лету, — одобрительно выказал мечник. — Что скажешь об этом?

— Дай-ка подумать... — вымолвила та, призадумавшись. — Я могу это сделать, если мы договоримся про нашу поездку через... три дня, и вы отыщите для меня лошадь.

— Конь — не проблема, — обратилась Шинкоку, — я отдам тебе Субараши, и ты сможешь запросто выдвинуться с ними в путь.

— Значит, остаться в Тейменто — твое окончательно решение, барышня Чинен? — вопрошала нанаша.

— С чего бы это? — удивленно взглянула та на странницу. — Помнишь ведь, я говорила, что если ты спросишь меня в другой раз, то, может, передумаю? Конечно, дел у меня здесь невпроворот, и было бы разумнее остаться в окия, однако я не доверю ему тебя, — намекнула Шинкоку на старшего мечника, — но и не решусь поехать в Зансатин. Посему хочу присоединиться к вашему странствию в Киосинкае, но примите ли вы меня тогда?

На лице странницы всплыла облегчения улыбка, что грела душу женщине.

— Ты уже принята, барышня Чинен, как четвертый член «Генезиса», посему я с нетерпением буду дожидаться нашего совместного странствия. Уверена, ребята тоже сего ждут.

— А как же, — вскрикнул парнишка, — Шинкоку — классная женщина, да ещё и новый член «Генезиса», конечно мы будем ждать её!

— Ах, прости, малыш. Был бы ты постарше годков так на десять, я бы забрала тебя себе, — лукаво молвила та, глядя в глаза мальчишке.

— Вот это уже, пожалуй, не надо...

Слушая рассказы сестры, странник продолжал потирать лоб, явно недоумевая с каждого неоднозначно вымолвленного ею слова.

— Начинает темнеть... Не пора ли нам возвращаться, ребята? — спросила Кенко.

— Что вы за прощания здесь надумали? — отрешенно выказал Хосок. — Зайдите в храм на чай хоть, такой путь преодолели, а уже хотите разминуться. Нам ещё о многом предстоит поговорить!

— Пожалуй, господин Хосок, Кенко права. Мы припасем слова для нашего совместного странствия, дабы сделать его ещё занимательнее, а на сей раз извольте откланяться, — обратилась безымянная странница.

— Какая жалость, но будь как будь. Встретимся на рассвете через три дня близ павильона Кинкаку-дзи. Тебя не затруднит приезд сюда, барышня Чинен?

— Отнюдь нет, — выказала Шинкоку.

— Чудненько, тогда до встречи. Рад был повстречаться с вами, сударыни!

Странники «Генезиса» распрощались с двенадцатым членом «Сил», опосля чего подались в родные округи. Под закатом золотистого солнца, кой освещал путь свои бережным взором, те добрались за весьма короткий промежуток времени.

По прибытию они заранее собрали все необходимые вещи, дабы не забыть-чего в преддверии длительного странствия.

Глядя в окно на заснеженный город и прогуливаясь по округе, они вспоминали обо всем произошедшем здесь, в Тейменто. В этом столь чудном месте, где смех и плач — одно целое, как инь и янь, что не существуют друг без друга. Здесь произошло немало новых знакомств, сама судьба свела их с прекрасными артистами и до ужаса абсурдными происшествиями. Свет алых фонарей освещал им путь отовсюду, ведь ни один цвет не может так согреть, как алое, подобное горячему солнцу свечение.

И вот, минуло зо три денницы, как все в том же составе попутчики прибыли в назначенное место под хладным светом любознательной Селены. К несчастью, Мичико не смогла сопроводить своих товарищей, посему распрощалась с ними поутру, желая тем увлекательных приключений и безопасного пути.

Стоило им лишь приблизиться к храму, как чья-то игра на сякухати □⁸⁵□ разлилась по всему округу. Эта мелодия была несколько пугающей и настораживающей, но до чего же

прекрасной и тотчас чарующей. Одно лишь её звучание могло сбить с толку мимо проходящих странников иль разбойников. Она напоминала горы и степи, что завлекали тех к себе...

Сидя на ступеньках Золотого павильона, некая госпожа перебегала пальцами по дырам на сем прелестном инструменте. Подле неё лежал комебукуро ⁸⁶, кой раскрывал тую как

странницу. И этой госпожой был Эдо Хосок.

Закончив свою игру, он неоднозначно, то ли с облегчением, то ли с насмешкой взглянул на путников.

— Напугал ли я вас?

— О, ничуть. Ваша игра чудна.

Попугачики сошли с лошадей и, поприветствовав товарища, перекинулись парой словечек. Однако их диалог неожиданно был прерван неясным творением Будды и цокотом лошадиных копыт.

— Эдо, — отозвался чей-то женский голос, — я доставила картину господину Аомине, как ты и велел. Выручка оказалась немного больше, чем ты ду... — замолкла та, взглянув на неизвестных всадников.

— Малышка Ко Гиль Ма, ты вернулась! Да ещё и вести хорошие принесла, какая же ты прелесть! — выказал господин Хосок, глядя на прибывшую девушку.

Молодица неоднозначно взглянула на товарища, пытаясь сыскать истину в его словах. Темные волнистые волосы развевались на ветру, словно ветви ивы, а темное одеяние выставляло её жнецом во тьме ночной.

— Кто они? — вымолвила та, намереваясь вынуть катану из ножен.

Взгляд карих глаз вцепился в несколько знакомых лиц среди путников. Чем дальше она глядела на происходящее, тем больше терялась в домыслах.

— Тише-тише, — вскочил Эдо, — они мои друзья. Я просто забыл предупредить тебя, что мы собираемся вернуться в Зансатин.

— Да как ты смеешь утаивать от меня свои замыслы, — едко вымолвила девушка, — почему я узнаю об этом в последнюю очередь?!

— Прости, прости, я не специально, честное слово!

Стараясь держать свое негодование при себе, Ко Гиль Ма выказала:

— Представь меня тем, кто не знает, и напомни тем, кто вечно забывает.

— О, конечно! Кхм-кхм, — прокашлялся тот, — знакомьтесь, друзья мои, это Ко Гиль Ма — пятая по силе в нашей организации. Как вы могли заметить, она не местная, ведь прибыла из Сынгыля. Мне очень жаль, что я забыл оповестить вас о том, что эта сударыня поедет с нами, но, надеюсь, вы не против, — продолжал Эдо, знакомя мечницу с каждым членом «Генезиса».

Юцуна и Нозоми несколько недоверчиво глядели на девушку, словно между ними ранее было некое разногласие, но это не помешало им вновь встретиться и представиться уже не союзниками, а абсолютными незнакомцы.

— Так это ты забрала наших мечников... Любопытно, — обратилась та, высокомерно глядя на странницу, опосля чего улыбнулась с неким почтением. — Раз уж вы прежде договорились обо всем, то я не стану противиться и разрушать все планы. Мы можем сиюминутно выдвигаться, Эдо.

— Значит ты больше не злишься на меня, малышка?

— Не томи меня своими предрассудками, я и не злилась на тебя. Однако, если ты продолжишь, все может обернуться иначе.

— Как страшно, — кривлялся тот.

Девушки с улыбкой наблюдали на эту небольшую, как нарекла Шинкоку, «любовную перепалку», и все же настал час прощаться. Женщина передала своего скакуна Эдо, опосля чего переговорила со странниками в последний раз.

— Барышня Чинен, я только осознала, что мы не приобрели подходящее одеяние для Зансатина. Мне так жаль, ведь я обещала позволить тебе подобрать мне наряд, но я совсем позабылась... — виновато обращалась нанаша.

— Не волнуйся, милашка, я все подготовила каждому из вас, а также запросила своего знакомого разобраться с этим и доставить наряды прямоком в Зансатин. Он встретит вас близ границы да сопроводит в необходимое место. Теперь вы можете спокойно отъезжать. Я буду молиться за вашу целостность и сохранность, а также за успех в поисках. Помимо сего, я отправлю послание по прибытию в Киосинкай.

— Ты как всегда расчетлива, барышня Чинен. Мне уже не терпится посмотреть на твои деяния. Надеюсь, наша встреч состоится как можно раньше. А на сим мы прощаемся с тобой. Спасибо за помощь и поддержку, — ласково молвила странница.

— Счастливого пути, мои далекие странники! — выказала Шинкоку глядя вслед отбывающим путникам.

— Свидимся в Киосинкае, сестра.

Опосля сих слов, странники были вынуждены покинуть беззаботные дни и мир грез, устремляя свой взор вдаль на неясное будущее и устрашающую неизвестность. Теперь, казалось, недавние происшествия превратились лишь в воспоминания, что пришлось оставить позади, но те навек останутся в их главах и сердцах как неотъемлемая часть в жизни и существовании «Генезиса».

Каждый след, оставляемый лошадьми, отдалял их от сей беззаботной жизни, в кою они никогда не сумеют вернуться, ведь чем дальше их путь — тем сильнее все меняется. Но они не сожалеют об этом, поскольку сами выбрали сей путь. Вверили себя девушке с неясным прошлым, странной внешностью и столь нелепым говором, что сулит в себе опасную неизвестность, однако до чего близкую сердцу.

Миная десятки минок, проходя леса, кристальные воды, попутчики все молвили о своем. В этой беседе они познавали не только друг друга, но и себя самих.

— Господин Хосок, — обращалась беловласая странница, — краем уха я услышала, что Вы продали картину некому господину. Извольте поинтересоваться, увлекаетесь ли Вы живописью?

— О, я не то чтобы увлекаюсь, просто нравится время от времени переносить увиденное на лист бумаги. По просьбе знакомых иль высокопоставленных лиц, я могу воссоздать какую-нибудь картину, а своим любимчикам нарисую её совершенно бесплатно. Если хотите, могу и вам чего сотворить. Вы просто лапочки, хочу сделать и вам какой-нибудь подарок, — искренне молвила та.

— Это так любезно с Вашей стороны, господин. Тогда сможете ли Вы перенести «Генезис» на лист бумаги, как только он соберется в полном составе?

— Конечно-конечно! Я уже с нетерпением жду того дня, когда увижу всех участников вашей группировки со столь прелестной создательницей.

Нанаша слегка посмеялась, опосля чего выказала:

— Для этого нам придется проделать большую работу и преодолеть немало препятствий на своем пути. Но все это — ничто, покуда есть идеи, что пылают все ярче, и вера, кою ничем не сломить. С этими атрибутами мы сможем свернуть горы и достичь желаемого успеха в делах. Печаль не сломит нас, а если все же та охватит разум и сердце, мы все равно продолжим свой путь. Но сейчас не будем думать о плохом и двинемся дальше по нашему жизненному пути, дабы в конечном итоге повидать истину и результат своего

сражения.

— Как тонко сказано, нанаши. Я верю в эти слова больше, чем вот что-либо иное, — вымолвил Нозоми с улыбкой на лице.

— Продолжай верить в них, и, может, беспощадная судьба вновь станет благосклонна к нам, заблудшим душам среди бела дня и тьмы ночной, да на правит исцеляющий свет на израненные души.

Заключение автора. Конец первого тома

Это конец.

Это конец первого тома моей истории, конец того, с чего я начала свой путь писателя — моей первой книги.

Прежде всего, я хочу поздравить каждого читателя с окончанием первой части цикла «В конце пути, где небосвод зари» и поблагодарить тех, кто прошел этот маленький путь большой истории вместе со мной.

Это было тяжело. Действительно тяжело начать, продолжить и таки-то завершить эту часть. Я неоднократно бросала «Меч», думала, что эта история не стоит моих сил и времени, и всяко лучше удалить её, чем оставить пылиться в черновиках. Но я не смогла. И не захотела. Мне так сильно полюбилась эта случайно пришедшая в голову история, что я просто не смогла разорвать нашу связь и вырвать тую из своей души.

Сами по себе выбранные мной жанры, да смешанные воедино, не популярны среди читателей, стиль письма разниться с тем, кой предпочитают использовать другие писатели, но я все же постараюсь влюбить вас в каждый из выделенных мною моментов, тегов и жанров своей историей!

Я работала над «Мечем, павшим в глубины отчаяния» с октября 2022 года и по июнь 2023. Почти что все главы формировались по новой, многие детали сменяли друг друга и по сей день я продолжаю совершенствовать роман, вычитывая ошибки да убирая лишнюю информацию, местами же — дополняю её.

Сей том значит многое для меня и, несомненно, для вас, мои дорогие читатели, ведь это начало. Это лишь начало нашего совместного странствия в компании «Генезиса» по городам Фумецу. Это лишь взгляд с одной стороны. И это лишь целеустремлённые путники, что верно следуют своим идеям.

В первом томе мы ознакомились с некоторыми ключевыми фигурами романа и уловили различные зацепки, связанные с Войной Иносиси, правлением императора соседнего государства Цанахина, его действиями, поступками и влиянием на земли Фумецу. Помимо сего, мы начали постепенно приближаться к истине, таящейся за спиной безымянной странницы, нанаша, а также с каждым шагом менять ход истории. Но это далеко не конец, и я бы, скорее, назвала это самым настоящим началом.

Я ведаю о том, насколько тяжело было читать абсолютно незнакомые слова и формировать их образы в своей голове, однако я старалась детализировать и подпитать ваше воображение своими словами. Также, хочу обрадовать тех, кто несколько утомился от столь гнусного слога, дополненного неясными словами, и огорчить тех, кто с таким желанием познавал новое для себя, ведь во втором томе я постараюсь использовать «Заметки» из первого тома и несколько сократить поток словесной информации. О, поверьте, мне и самой было несколько тяжело разбираться с этими названиями, что временами в моей голове возникали слова: «А что это вообще значит...», но, буду откровенной, ведь считаю эти детали важными для полного усваивания фумчанской культуры. Тяжело, непонятно и сложно, но собрав волю в кулак я продолжала их запоминать и сейчас могу полностью разьяснить каждое из 80+ слов из заметок.

Я безудержно радуюсь завершению первого тома, ведь это значит, что совсем скоро я подберусь к моментам, что так трепетно желаю описать и что вам, как мне кажется, будет

очень даже интересно почитать. Для этого мне придется постараться вдвое, а то и втрое, чтобы позволить вам проникнуться ко всем персонажам и сему начертанному миру, а также увидеть конец сего странствия, ведь ничто не длится вечно.

Потому я завершаю свое заключение, дорогие читатели, бегу писать новые главы для второго тома и формировать свои мысли в одну целую картину.

Хочу отметить, что со временем я создам отдельную часть-дополнение, в которой будут присутствовать экстры по всему циклу «В конце пути, где небосвод зари», так что ждите, друзья, просто ждите!

А на сей ноте я прощаюсь с вами. До новых встреч и удивительных приключений!

Заметки

- ¹ — валюта фумчан, приходящаяся 1 наном на 5 центов.
- ² — тоже, что и бар.
- ³ — алкогольный напиток, состоящий из риса, воды и грибов кодзи.
- ⁴ — девушка, принадлежащая к сословию самураев да обучившаяся владению мечом.
- ⁵ — искусство владения мечом.
- ⁶ — тюремная комната, темница.
- ⁷ — за спасибо (польский).
- ⁸ — рука, ладонь.
- ⁹ — жакет прямого кроя без пуговиц.
- ¹⁰ — рукоять меча.
- ¹¹ — пояс, нередко с барабанным бантом.
- ¹² — подсвечник.
- ¹³ — место нахождения высокопоставленного лица.
- ¹⁴ — культовое сооружение, состоящее из реликварного, погребального или мемориального значения.

- ¹⁵ — фронтон с изогнутыми скатами.
- ¹⁶ — маты, которыми застелены полы домов.
- ¹⁷ — плоская подушка для сидения.
- ¹⁸ — прическа самурая с волосами, выбритыми выше лба в форме полумесяца, и

хвостиком на затылке

- ¹⁹ — официальная придворная одежда гражданских чиновников.
- ²⁰ — шея.
- ²¹ — самоубийство путем вспарывания живота.
- ²² — небольшие цилиндрические чашечки для sake.
- ²³ — тоже, что и sake.
- ²⁴ — небольшой домик.
- ²⁵ — разведчик, шпион.
- ²⁶ — щипковый музыкальный инструмент.
- ²⁷ — с приходом осени в стране наступает пора Момидзи, и длится она до самой

зимы.

- ²⁸ — курительная трубка для мелко нарезанного табака.
- ²⁹ — прическа, в которой пучок-магэ не перевязан посередине, а форма напоминает

петлю, называется марумагэ

Разновидность пучка-магэ под названием шимада-магэ создаётся следующим образом: собранные вместе пряди волос подворачивают кверху и затем загибают внутрь, придавая характерную форму, так что получившаяся фигура сбоку напоминает восьмёрку. Сверху центральную часть магэ перевязывают нитью, инуром или куском ткани.

- ³⁰ — гостиница.
- ³¹ — дверь, окно или разделяющая внутреннее пространство жилища.
- ³² — скользящая дверь, используемая для деления большой комнаты на части.
- ³³ — тонкий матрас, предназначенный для сна на полу.
- ³⁴ — шарф.

³⁵ — открытая галерея, аналог веранды.

³⁶ — бессонница.

³⁷ — одно из многочисленных хайку Мацуо Басё.

³⁸ — на японском языке "Нет игры — нет жизни" трактуется как "Nō Gēmu Nō Raifu", что в сокращении обозначается сими четырьмя буквами.

³⁹ — воин, потерявший или не сумевший уберечь от смерти своего наставника.

⁴⁰ — таинственный, загадочный.

⁴¹ — деревянные сандалии в форме скамеечки.

⁴² — бамбуковый меч.

⁴³ — колокольчик, сделанный из металла/стекла (иногда керамика/бамбук), с прикреплённым к язычку листом бумаги, на котором нередко изображают стихотворный текст. Также он издает приятную мелодию, и изначально походил из Китая.

⁴⁴ — нежно белый.

⁴⁵ — нижнее кимоно, носящееся под верхним.

⁴⁶ — бордовый оттенок.

⁴⁷ — цитата Уильяма Шекспира.

⁴⁸ — двухместный диван или кушетка.

⁴⁹ — в данном случае учитель.

⁵⁰ — военный диктатор, правитель.

⁵¹ — право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения.

⁵² — богиня Месяца, в данном случае выступает сама месяцем.

⁵³ — верховая лошадь восточной породы.

⁵⁴ — ученица гейши.

⁵⁵ — дом, где проживают гейши.

⁵⁶ — ученик, студент.

⁵⁷ — призрак умершего человека.

⁵⁸ — кимоно без подкладки, носящееся в особенно жаркие летние дни.

⁵⁹ — золотой цвет.

⁶⁰ — чайный домик.

⁶¹ — высший ранг проституток.

⁶² — кимоно с длинным шлейфом, которое носят гейши.

⁶³ — небольшой традиционный бассейн, в основном ритуального назначения.

⁶⁴ — ниша в стене традиционного японского дома.

⁶⁵ — традиция чернения зубов.

⁶⁶ — носки высотой до лодыжки с отделённым большим пальцем.

⁶⁷ — украшение для волос, что носится с кимоно.

⁶⁸ — все оттенки зеленого и синего цвета.

⁶⁹ — социальный статус, купцы, реже ремесленники.

⁷⁰ — неформального питейного заведения, в котором посетители выпивают после рабочего дня.

⁷¹ — торговая точка (ларек).

⁷² — женщины, торгующие сексуальными услугами.

⁷³ — ликёр.

⁷⁴ — тоже, что и "район красный фонарей".

75 — раньше Ёсивару называли Веселым полем.

76 — группа разновидностей сценического танца.

77 — лодка.

78 — традиционный театр, что представляет собой синтез пения, музыки, танцев и драмы.

79 — пьеса была запрещена в связи с возросшим количеством подражателей двойного самоубийства.

80 — простая и изящная чашка без ручки.

81 — искусство верховой езды, что являлось одной из боевых специализаций

Фуменцу.

82 — комбинация крыльца и прихожей.

83 — 1 км 635 м.

84 — 1,81 м.

85 — продольная бамбуковая флейта.

86 — сумка-мешок.